M
77656

передній фронд

807

Синайский

Под инд. числом, Богн, Сокращ. записки Единого Бога. Стр. 13.

Ор 87.3
С 59

[Ксенофонъ]

Сократово ученіе по Ксено-
фонту

M77656 у7 П. Куров

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между учениками мудреца Сократа (ум. за 400 л. до Р. Хр.) были Платонъ и Ксенофонъ. Платонъ, при жизни и по смерти Сократа, въ разговоры свои вводилъ лице своего учителя и влагалъ въ уста его ученіе и чуждое ему; напротивъ того Ксенофонъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ изложилъ главные пункты Сократова ученія въ сочиненіи: *Ξενοφῶντος ἀπομνημονεύματα Σωκράτους*, которое въ настоящемъ переводѣ осмѣливаюсь предложить въ назиданіе любезнымъ моимъ соотчичамъ.

И. Синайскій.

Помощнику ор

232709

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

стр.

Гл. 1. Монологъ Ксенофона: первая статья доноса на Сократа: Сократъ отвергаетъ отечественныхъ боговъ и вводитъ новыхъ; опроверженіе этаго 3

2. Вторая статья доноса: Сократъ своимъ ученіемъ развращаетъ молодыхъ людей; въ примѣръ приводятся Критій и Алкивіадъ; опроверженіе и этой статьи 15

3. Какъ Сократъ былъ поучителенъ для своихъ слушателей и ученіемъ и поведеніемъ, особенно въ отношеніи къ пищѣ, питью и др..... 50

4. О бытіи и провиденіи боговъ..... 59

5. О воздержаніи 71

6. Характеръ философіи Сократовой и его образа жизни..... 75

7. О избѣганіи хвастовства..... 83

КНИГА ВРОРАЯ.

1. Общія обязанности начальниковъ; чья жизнь имѣетъ болѣе пріятностей, начальниковъ или подчиненныхъ, или космополитовъ; сонъ Геркулеса; изображеніе чувственности (сенсулаиды) и добродѣтели.. 89

стр.

2. Неблагодарность одного сына къ своей матери; попеченія родителей о дѣтяхъ 115

3. О взаимномъ отношеніи братьевъ, о братской любви..... 125

4. О друзьяхъ вообще..... 135

5. Цѣнность друзей..... 139

6. О выборѣ въ друзья..... 142

7. О вспоможеніи роднымъ женщинамъ 164

8. О вспоможеніи друзьямъ совѣтами. 174

9. О пользѣ стряпчихъ 178

10. О пріобрѣтеніи друзей благодѣяніями. 182

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Общія обязанности полководца; о тактикѣ. 187

2. Нѣкоторыя частныя обязанности полководцевъ 195

3. О конницѣ и обязанностяхъ начальника конницы.. 198

4. О управленіи войскомъ чужими руками; о совмѣщеніи съ должностью полководца другихъ званій, напр. эконома..... 207

5. О причинахъ возвышенія и паденія государствъ..... 214

стр.

6. Обязанности главы государства; о недостойныхъ искателяхъ этой власти 230

7. О людяхъ неискательныхъ, но достойныхъ и способныхъ къ занятію гражданскихъ должностей 242

8. О добрѣ и злѣ; о прекрасномъ; о стройкѣ домовъ. 248

9. О храбрости, мудрости, безуміи, зависти, праздности; чѣмъ главно надобно заниматься въ этой жизни; понятіе о счастіи. 256

10. О живописи, ваяніи, слесарномъ искуствѣ. 265

11. Натурщица..... 276

12. О выгодахъ здороваго и о невыгодахъ слабаго тѣлосложенія 287

13. О поклонахъ, неаппетитѣ, о водѣ, о наказаніи слугъ, о путешествіяхъ, о усталости.... 292

14. Складчины (пикники); о бережливости.... 297

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. О томъ, какъ Сократъ обращался съ своими слушателями; различіе дарованій; значимость образованія для всѣхъ, особенно для болѣе даровитыхъ и для богачей 305

стр.

2. О тѣхъ, кто ложно почитаетъ себя отлично образованнымъ и высокодумаетъ о своихъ познаніяхъ, о самопознаніи, счастіи 310

3. О провидѣніи: о солнцѣ, водѣ, огнѣ, польза отъ животныхъ; объ органахъ чувствъ; о словѣ, объ оракулахъ; что божество невидимо, а познается изъ дѣлъ творенія..... .. 344

4. О правосудіи (правовѣдѣніи), о повиновеніи законамъ; о пользѣ отъ взаимнаго согласія; о законахъ неписанныхъ; естественный вредъ отъ кровосмѣшенія.. 356

5. О слѣдствіяхъ воздержанія и невоздержанія. 376

6. Сократова метода преподаванія уроковъ; нѣкоторые опыты опредѣленій, на пр. благочестія, справедливости, мудрости, добра, прекраснаго, храбрости и др 385

7. О мѣрѣ, въ какой нужно учиться нѣкоторымъ спеціальнымъ предметамъ, на пр. геометріи, астрономіи, счетоводству и др. о сбереженіи здоровья 404

8. Со стороны Сократа: несогласіе оправдываться предъ судьями и рѣшимость невинно умереть; краткій очеркъ характера Сократова. 410

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

До сихъ поръ не надивлюсь, какими доводами сдѣлавшіе доносъ на Сократа наконецъ убѣдили Аѳинянъ въ томъ, что онъ достоинъ смерти. Взведенное на него обвиненіе состояло въ слѣдующемъ: Сократъ виноватъ въ томъ, что, не признавая почитаемыхъ нами боговъ, вводитъ новыя божества, и еще въ томъ, что ученіемъ своимъ развращаетъ молодыхъ людей.

И вопервыхъ, чѣмъ они доказали, что онъ не признаетъ чествуемыхъ отечествомъ боговъ? — Онъ открыто и часто приносилъ жертвы и до́ма, и на общественныхъ алтаряхъ, не пренебрегалъ и оракулами. Впрочемъ въ народѣ давно носилась молва, будто Сократъ погова-ривалъ о себѣ, что какой-то духъ открываетъ ему то и то. По этому, кажется, особенно и обвиняли его въ томъ, что онъ вводитъ новыя божества.

Между тѣмъ Сократъ не вводилъ ничего новаго въ религіи; подобно другимъ допуская искуство предсказанія, заключалъ о будущемъ по полету птицъ, по произнесеннымъ на удачу словамъ предсказателей, по необыкновеннымъ знаменіямъ въ природѣ и по жертвамъ. Но допуская это, какъ онъ, такъ и другіе понимаютъ, что ни птицы, ни случайно встрѣтившіяся лица не знаютъ, что́ нужно и что́ можетъ быть полезно для обращающихся къ оракуламъ, но

что чрезъ эти предметы сами боги открываютъ будущее, какъ думалъ и Сократъ.

Но простой народъ думаетъ, что собственно полетъ птицъ, случайныя встрѣчи и т. п. могли и убѣдить и разубѣдить въ успѣхѣ того, или другаго дѣла или предпріятія, а Сократъ еще какъ сознавалъ, такъ и говорилъ, т. е., что духъ его открываетъ ему будущее, и многимъ изъ своихъ учениковъ, по внушенію этого духа, предсказывалъ, что́ должно дѣлать, и чего не дѣлать. Вѣровавшіе ему получали и пользу, а не вѣровавшіе послѣ и раскаявались въ своемъ невѣріи.

И кто не согласится, что Сократъ не хотѣлъ явиться предъ своими учениками ни глупымъ, ни гордымъ? И то и другое разомъ открылось бы, если бы онъ, выдавая что нибудь за божественное откровеніе, явился лжецомъ. Изъ этого видно, что онъ не сталъ бы предсказы-

вать, если бы напередъ самъ не былъ увѣренъ, что онъ будетъ говорить правду. А касательно будущаго кто же согласится вѣрить кому нибудь другому кромѣ божества? Вѣрующій же богамъ какъ уже можетъ сомнѣваться въ ихъ бытіи?

Такъ онъ поступалъ и съ друзьями своими. Нужное совѣтовалъ имъ самимъ дѣлать безъ вопрошенія боговъ, напередъ впрочемъ обдумавъ, что предпріятіе ихъ можетъ быть выполнено ими самими, какъ нельзя лучше, а о томъ, чего изходъ былъ неизвѣстенъ Сократу, посылалъ вопрошать оракуловъ, должно ли то дѣлать; напримѣръ тому, кто намѣренъ построить отлично-красивый домъ, или городъ, по мнѣнію Сократа, надлежало напередъ совѣтоваться съ оракулами. Ибо быть простымъ плотникомъ, кузнецомъ, земледѣльцемъ, старшиною, прикащикомъ, счетоводомъ, домохозяиномъ, даже военноначальникомъ въ какомъ нибудь

городу, всего этого, по мнѣнію его, можно достигнуть при пособіи обыкновенныхъ наукъ, и все это зависитъ отъ нашего произвола, высшія же свѣдѣнія касательно этихъ же предметовъ, говорилъ онъ, боги предоставили себѣ самимъ, и изъ этихъ свѣдѣній ни одно не прирождено человѣку.

Земледѣлецъ, съ отличнымъ стараніемъ, засѣявшій свое поле, не знаетъ, кто соберетъ плоды съ него; построившему прекрасный домъ не открыто, кто будетъ жить въ немъ; военачальникъ не знаетъ впередъ, будетъ ли успѣхъ въ его походѣ; государственный мужъ не предвидитъ, полезны ли будутъ для государства его распоряженія; женившемуся на прекрасной дѣвицѣ, чтобъ раздѣлять съ нею одни радости, неизвѣстно, не будетъ ли жена его причиною какихъ либо для него огорченій, и имѣющій въ отечествѣ сильныхъ родственниковъ не предвидитъ, не лишится ли изъ за нихъ своего отечества.

И тѣхъ, которые думаютъ, что помянутыя вещи зависятъ не отъ боговъ, а отъ человѣческой предъусмотрительности, Сократъ называлъ сумасшедшими. Каковыми называлъ и обращавшихся къ оракуламъ въ такихъ случаяхъ, кои боги дали знать человѣку и по собственному его разуму. Такъ, если бы кто сталъ вопрошать боговъ, лучше ли посадить на козлы умѣющаго править лошадьми, или не умѣющаго; или лучше ли поручить корабль опытному кормчему, или не знающему этого дѣла. По его мнѣнію также незаконно поступаютъ люди, когда вопрошаютъ боговъ о томъ, что́ можно узнать или по счету, или по мѣрѣ, или по вѣсу. По этому онъ говаривалъ, что надобно учиться у людей тому, къ чему боги дали намъ способности, а о томъ, что́ не открыто людямъ, пытаться вопрошать боговъ чрезъ оракуловъ. Ибо боги открываютъ будущее тѣмъ, кто заслуживаетъ ихъ милости.

Сократъ всегда бывалъ и въ обществѣ. Утѣ-

ромъ ходилъ на прогулки и въ гимназіи; когда площадь наполнялась народомъ, и онъ являлся тамъ; остальное же время дня проводилъ тамъ, гдѣ было больше народу; говорилъ очень много и желающимъ дозволялось слушать его.

Ни кто не видалъ, чтобъ Сократъ дѣлалъ что нибудь противное религіи и приличіямъ, и никто не слыхалъ, чтобъ онъ говорилъ что нибудь такое. Онъ, не какъ другіе, никогда не разговаривалъ о природѣ всѣхъ вещей и не допытывался, какимъ способомъ произошелъ оглашаемый велерѣчіями софистовъ этотъ міръ, и по какимъ необходимымъ причинамъ происходятъ всѣ небесныя явленія; даже тѣхъ, кто любилъ предаваться размышленіямъ объ этомъ, клеймилъ именами глупцовъ. Для этого онъ во первыхъ принималъ въ соображеніе, узнали ли они напередъ достаточно человѣка, и тогда ли уже приступаютъ къ изслѣдованіямъ о богѣ, или, оставивъ безъ вниманія все, относящееся

до человѣка, и занимаясь созерцаніемъ предметовъ божественныхъ, думаютъ, что они хорошо поступаютъ.

Сократъ удивлялся тому, какъ они не видятъ, что человѣку не возможно постичь предметовъ божественныхъ; ибо и тѣ, кои чрезмѣру гордятся своими о нихъ разсужденіями, не согласуются въ мнѣніяхъ между собою и обходятся другъ съ другомъ подобно сумасшедшимъ. — Ибо изъ сумасшедшихъ: одни не боятся и страшнаго, а другіе страшатся пустаго, одни не считаютъ за стыдъ говорить, или дѣлать что нибудь не приличное и предъ народомъ; другіе думаютъ, что ненадобно даже выходить и на улицу; одни не почитаютъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ и ни чего священнаго, а другіе благоговѣютъ предъ камнями, передъ какимъ нибудь кускомъ дерева, или передъ звѣрями. — Тоже бываетъ и съ излишне пытливыми мыслителями о природѣ всѣхъ вещей;

нѣкоторымъ изъ нихъ все существующее представляется однимъ существомъ, а другіе допускаютъ безчисленное множество существъ; по мнѣнію однихъ все находится въ безпрестанномъ движеніи, а, по мнѣнію другихъ, ни что никогда не движется; одни говорятъ, что все рождается и умираетъ, а другіе, что ничто никогда не родилось, и ничто никогда не уничтожится.

Сократъ о нихъ такъ еще разсуждалъ: изучившіе человѣка, конечно, думаютъ, что ихъ о немъ познанія доставятъ пользу имъ самимъ или другимъ, кому захотятъ сообщить ихъ; такъ, и изслѣдующіе небесные предметы думаютъ ли, что узнавъ, по какимъ необходимымъ причинамъ бываютъ всѣ небесныя явленія, въ состояніи будутъ, когда вздумаютъ, и сами производить и вѣтры, и дождь, и перемѣны временъ, и еще что—нибудь нужное другое, или, не надѣясь сдѣлать этого, достаточ-

ными для себя сочтутъ знать только то, для чего все это бываетъ?

Такъ Сократъ говорилъ о излишне любознательныхъ; а самъ, при разговорахъ своихъ, разсуждалъ главно о благочестіи и нечестіи, о честномъ и постыдномъ, о справедливости и несправедливости, о скромности и неистовствѣ, о храбрости и трусливости, о государствѣ и мужахъ государственныхъ, о властяхъ и о склонныхъ властвовать надъ людьми, и о многомъ другомъ, относящемся до человѣка; знающихъ это почиталъ честными и добрыми, а не знающихъ настоящими невольниками.

И не удивительно, что судьи не справедливо осудили Сократа за то, о чемъ, какъ думалъ онъ, сами ни сколько не знали; но какъ не удивляться тому, что они не взяли себѣ въ голову того, что́ давно было извѣстно всѣмъ? Сдѣлавшись сенаторомъ онъ далъ присягу, су-

дить по законамъ, и послѣ, предсѣдательствуя въ народномъ собраніи, когда народъ, вопреки законамъ, хотѣлъ однимъ приговоромъ осудить на смерть девять полковыхъ командировъ, бывшихъ въ походѣ вмѣстѣ съ Эраспплломъ и Эрасинидомъ, онъ одинъ не согласился на это; и когда народъ сердился на него, и когда многіе даже значительные люди грозили ему, онъ дороже счелъ святость присяги, чѣмъ противозаконное угожденіе народу и опасеніе угрозъ.

О томъ, какъ боги промышляютъ о людяхъ, Сократъ думалъ иначе, нежели какъ простой народъ, который воображаетъ, что боги одно знаютъ, а другаго не знаютъ. Напротивъ того Сократъ допускалъ, что боги (*) знаютъ все,

---

(*) Здѣсь, и вообще во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорится объ общихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ Божіихъ, Сократъ подъ богами понималъ единаго Бога, какъ существо высочайшее, премірное. — Перев.

даже словà и дѣла, даже тайныя намѣренія, что они вездѣ присутствуютъ и открываютъ людямъ касающееся человѣческихъ обстоятельствъ. По этому, въ самомъ дѣлѣ не могу надивиться, чѣмъ именно убѣдились Аѳиняне въ томъ, что Сократъ нездраво судитъ о богахъ, тогда какъ онъ ни сказалъ, ни сдѣлалъ ничего противурелигіознаго, а говорилъ и дѣлалъ то, за что другаго назвали бы самымъ богобоязливымъ человѣкомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Для меня не менѣе удивительно и то, что нѣкоторые повѣрили, будто Сократъ развращаетъ молодыхъ людей, тотъ Сократъ, который кромѣ сказаннаго выше къ его чести, болѣе всѣхъ воздерживался и отъ удовлетворенія любострастію и объяденію, который былъ терпѣливѣе всѣхъ въ перенесеніи и холода и зноя и всякихъ трудовъ, который такъ приучилъ себя къ умѣренности, что, при весьма ограниченномъ состояніи, совершенно безропотно довольствовался тѣмъ, что́ имѣлъ. Какимъ же образомъ онъ, самъ будучи таковаго поведенія, могъ сдѣлать другихъ или безбожниками, или

нарушителями законовъ, или роскошными, или не воздержными въ дѣлахъ любострастія, или изнѣженными и лѣнивыми? Между тѣмъ онъ еще отъучилъ очень многихъ отъ этихъ пороковъ и заставилъ любить одну добродѣтель, утѣшая своихъ слушателей тою надеждою, что они, если понаблюдутъ за самими собою, сдѣлаются мужами честными и добрыми. Онъ никогда не хотѣлъ нарочито учить этому, а своимъ открытымъ поведеніемъ заставлялъ своихъ слушателей надѣяться, что и они, если будутъ подражать ему, сдѣлаются таковыми же, какъ и онъ.

Сократъ не оставлялъ безъ вниманія и тѣла; не хвалилъ тѣхъ, кто нерадѣлъ о своемъ тѣлѣ. Онъ не одобрялъ того, кто, чрезмѣру покушавъ, сталъ бы трудиться чрезсилу, и считалъ достаточнымъ трудиться столько, сколько можно трудиться съ пріятностію. Ибо это и хорошо для здоровья и не препятствуетъ душѣ

внимать себѣ самой. Онъ не любилъ роскоши и не любилъ хвастать ни одеждою, ни обувью, или чѣмъ нибудь другимъ изъ житейскаго быта. И учениковъ своихъ не пріучалъ къ деньгамъ и богатству, потому что онъ отучалъ ихъ вообще отъ всѣхъ прихотей и самъ не бралъ съ нихъ платы за ученье. И другихъ поступавшихъ такимъ же образомъ называлъ истинно свободными, а получавшихъ плату за ученье, называлъ добровольными невольниками; потому что они сами обязываются безотмѣнно давать уроки тѣмъ, съ кого получили плату. Для него чуднымъ казалось, когда вызывавшійся преподавать уроки доброй нравственности, требовалъ за это денегъ, а не считалъ для себя величайшею наградою того, что онъ своими уроками приобрѣтаетъ себѣ добраго друга, и не былъ увѣренъ, что ученикъ его, сдѣлавшись честнымъ и добрымъ человѣкомъ, преподававшему ему уроки добродѣтели отплатитъ возможно—высшею благодарностію.

Напротивъ того Сократъ никогда никому не предлагалъ своихъ уроковъ на таковыхъ условіяхъ; онъ былъ увѣренъ, что ученики его, радушно предавшись тому, что́ онъ одобрялъ, во всю жизнь будутъ вѣрными друзьями и ему и между собою. Какимъ же образомъ таковый мужъ могъ развращать молодыхъ людей? Развѣ преподаваніе уроковъ добродѣтели назовемъ развращеніемъ?

Клянусь Діемъ, говорилъ одинъ изъ доносщиковъ: Сократъ училъ своихъ слушателей презирать существующіе законы, говоря, что глупымъ только свойственно выбирать бобами въ правители государства, и что такъ не поступаютъ и при выборѣ кормчихъ, плотниковъ, музыкантовъ, или при опредѣленіи людей къ другимъ подобнымъ дѣламъ, кои, и при значительныхъ своихъ недостаткахъ, многимъ меньше могутъ причинить вреда, чѣмъ избранные бобами въ правители государства люди не достойные.

Таковыя мысли, продолжалъ обвинитель, Сократъ, внушая молодымъ людямъ, научалъ ихъ презирать настоящій образъ правленія и по этому позволялъ имъ разныя глупости. Напротивъ этого я думаю, что разсудительные люди и считающіе себя способными учить согражданъ чему нибудь полезному, никогда не бываютъ склонными ни къ дерзостямъ, ни къ насиліямъ, такъ какъ они знаютъ, что съ этимъ соединены и непріязни, и опасности, и что посредствомъ убѣжденій можно спокойно и дружелюбно достигнуть цѣли своихъ наставленій. — Ибо насильно принужденные къ чему нибудь, какъ бы лишившись чего-то, ненавидятъ то, къ чему бываютъ принуждены; а убѣдившіеся, въ чемъ нибудь сами, какъ бы облагодѣтельствованные, любятъ то, въ чемъ сами убѣдились. По этому поступающимъ по правиламъ благоразумія не свойственно употреблять насилія, а такимъ образомъ дѣйствовать свойственно людямъ, употребляющимъ силу безъ

разума. Скерхъ того осмѣливающійся дѣйствовать насильно и дерзко будетъ имѣть нужду въ подобныхъ себѣ помощникахъ, и при томъ въ немаломъ количествѣ; а могущій достигать своихъ цѣлей чрезъ убѣжденіе не будетъ нуждаться въ помощникахъ; ибо онъ одинъ надѣется убѣдить. Таковымъ людямъ не свойственно думать и о убійствѣ другихъ. Ибо кто захочетъ убить кого нибудь такого, на кого можетъ дѣйствовать убѣжденіями, и отъ кого можетъ получить выгоды, когда онъ останется въ живыхъ?

Но, продолжалъ обвинитель, слушавшіе уроки Сократа Критій и Алкивіадъ надѣлали государству чрезвычайно много зла. Ибо Критій изъ всѣхъ олигарховъ былъ жаднѣе всѣхъ къ деньгамъ и склоннѣе всѣхъ къ насиліямъ, а Алкивіадъ во время демократіи былъ самый невоздержный человѣкъ, былъ чрезвычайно дерзокъ и большо́й обидчикъ.

Я не буду извинять ихъ, если они сдѣлали какое нибудь зло государству, впрочемъ разскажу объ отношеніи ихъ къ Сократу. Эти мужи отъ природы были честолюбивѣе всѣхъ Аѳинянъ, хотѣли сдѣлать все сами собою, чтобъ современемъ сдѣлаться знатнѣе всѣхъ, между тѣмъ знали, что Сократъ, при самомъ маломъ достаткѣ, совершенно доволенъ былъ своею жизнію, что больше всѣхъ воздерживался отъ чувственныхъ удовольствій, и что тѣхъ, съ кѣмъ бесѣдовалъ, могъ легко наклонять къ тому, къ чему бы ни захотѣлъ. Видя это и имѣя помянутыя естественныя наклонности, могли ли они быть учениками Сократа собственно съ тѣмъ, чтобъ подражать ему въ образѣ жизни и въ скромности? Не лучше ли допустить то, что они и слушали Сократа главно для того, чтобы, поучившись у него, сдѣлаться отличными народными ораторами и мужами государственными? Я думаю, что они, если бы боги дали на ихъ волю или прожить всю жизнь,

какъ жилъ Сократъ, или умереть, охотнѣе избрали бы послѣднее.

Впослѣдствіи они обнаружили это своими поступками. Ибо они, какъ только замѣтили, что лучше своихъ товарищей, тотчасъ же ускользнули отъ Сократа и предались дѣламъ государственнымъ, для чего собственно они и слушали Сократа.

Можетъ быть кто нибудь скажетъ противъ этого: Сократъ долженъ былъ первѣе всего учить своихъ слушателей скромности, а не дѣламъ государственнымъ. Я не противорѣчу этому; но знаю и то, что всѣ благонамѣренные учители ученикамъ своимъ поставляютъ себя самихъ въ образецъ того, какъ они сами на дѣлѣ выполняютъ свое ученіе, и въ тоже время даютъ имъ словесные уроки для ихъ дѣятельности. Также вѣрно знаю, что и Сократъ всегда являлъ себя передъ своими учениками и чест-

нымъ и добрымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ лучше всѣхъ преподавалъ имъ уроки о добродѣтели и прочихъ предметахъ жизни человѣческой. Еще знаю и то, что Критій и Алкивіадъ, бывши учениками Сократа, вели себя скромно не изъ страха выговоровъ, или наказаній, но почитая это въ то время своей жизни самымъ приличнымъ поведеніемъ.

Можетъ быть многіе изъ выдающихъ себя за философовъ скажутъ, что справедливый человѣкъ не можетъ сдѣлаться несправедливымъ, скромный дерзкимъ и обидчикомъ, или не можетъ сдѣлаться невѣжею въ наукахъ тотъ, кто прежде зналъ ихъ основательно. Но я не такъ думаю объ этомъ. Ибо я вижу на опытѣ, что не упражняющіе своего тѣла не могутъ исправно работать; такъ и не упражняющіе душевныхъ силъ своихъ не способны къ умственнымъ занятіямъ. Они не въ состояніи дѣлать того, что́ должно дѣлать и воздерживаться отъ

того, отъ чего надобно воздерживаться. По этому и отцы удерживаютъ своихъ сыновей отъ знакомства съ людьми дурнаго поведенія, хотя дѣти ихъ и скромны, потому что обращеніе съ добрыми людьми приучаетъ къ добродѣтели, а знакомство съ худыми отучаетъ отъ добродѣтели. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ стихотворецъ такъ:

Ἐσθλῶν μὲν γὰρ ἀπ' ἐσθλὰ διδάξεαι· ἢν δὲ κακῶσι
Συμμισγῇς, ἀπολεῖς καὶ τὸν ἔοντα νόον.

Отъ добрыхъ научишся добру; а если поведешся съ дурными, потеряешъ и послѣдній умъ.

И еще:

Αὖταρ ἀνὴρ ἀγαθὸς τότε μὲν κακὸς, ἄλλοτε δ' ἐσθλός.

И добрый иногда падаетъ, но послѣ возстаетъ.

И я подтверждаю тоже. Ибо извѣстно, что какъ умѣвшіе хорошо читать стихи по размѣрамъ, безъ повторенія, забываютъ ихъ: такъ забываютъ и учительскіе уроки прежде хорошо знавшіе, а послѣ оставившіе ихъ безъ вниманія. Кто забываетъ самые убѣдительные уроки доброй нравственности, тотъ напередъ забываетъ тѣ образы, кои заставляли душу его любить напр. скромность; а кто не видитъ ихъ предъ собою, тому уже естественно забыть и самую скромность.

Извѣстно еще, что и преданные пьянству и погрязшіе въ любострастныхъ дѣлахъ не могутъ прилежно заниматься тѣмъ, чѣмъ должно, и немогутъ воздерживаться отъ того, чего не должно дѣлать. Многіе до распутства бываютъ бережливы на деньги, а предавшись любострастнымъ дѣламъ, уже не могутъ быть таковыми, и изтративъ свои деньги, не отказываются и отъ взятокъ, которыхъ прежде не принимали, считая это за низкое дѣло.

Послѣ этаго какъ же не допустить, что прежде бывшій благонравнымъ послѣ не могъ сдѣлаться злонравнымъ? И могшій поступать справедливо послѣ не могъ дѣлать этого? И мнѣ кажется, что и честность и добродѣтель пріобрѣтаются и развиваются упражненіемъ въ нихъ; слѣдовательно и скромность. Ибо укоренившіяся въ душѣ нашей страсти, дѣйствуя въ томъ же тѣлѣ, въ коемъ и душа, заставляютъ ее уже не скромничать, а, какъ можно скорѣе, услуживать имъ и тѣлу.

И Критій и Алкивіадъ, пока учились у Сократа, подъ его руководствомъ, могли побѣждать нечистыя пожеланія; разпростившись же съ нимъ, Критій бѣжалъ въ Θессалію, тамъ подружился съ людьми, отличавшимися не честностію, а пороками; а Алкивіадъ, какъ рѣдкій красавецъ, на перехватъ увлекаемый многими даже знаменитыми женщинами, какъ имѣвшій силу въ государствѣ и между сверстниками,

избалованный ласкательствомъ многихъ, даже знаменитостей, и какъ отмѣннолюбимый простымъ народомъ, достигъ игемоніи. Но какъ борцы, легкоодержавшіе побѣду на гимнастическихъ играхъ, не заботятся уже о упражненіи своего тѣла; такъ и Алкивіадъ съ этого времени пересталъ заботиться о себѣ самомъ и о своемъ поведеніи.

Когда это случилось съ ними, когда Критій и Алкивіадъ, гордясь своимъ родопроисхожденіемъ, при помощи богатствъ, возвысились надъ прочими, по своей великой значимости въ государствѣ, вообще сдѣлались надмѣнны, и, отуманенные низкими льстецами, наконецъ вовсе развратились, а между тѣмъ съ Сократомъ давно, давно уже разстались: то что удивительнаго, если они сдѣлались неподступными гордецами? И за всѣмъ этимъ, если они и еще дѣлали что нибудь дурное, причиною и этого доносщикъ считалъ Сократа, а что въ

молодости (въ которое время особенно мы бываемъ упрямыми и невоздержными) Сократъ училъ держать ихъ въ предѣлахъ скромности, это предоставляется доношику не стоющимъ никакой похвалы.

Но такъ не судятъ о дѣлахъ другихъ. Напр. виноватъ ли будетъ учитель, достаточно обучившій своихъ учениковъ игрѣ на флейтѣ, или на арфѣ, или на какомъ либо другомъ инструментѣ, когда они, перешедъ къ другому учителю, со временемъ сдѣлаются негодными? Или какой отецъ, еслибы сынъ его, живя, у одного учителя, былъ бы скромнымъ, послѣ перешедъ къ другому, развратился, какой отецъ сталъ бы обвинять въ этомъ перваго его учителя? Тѣмъ не больше ли онъ долженъ хвалить перваго, чѣмъ хуже сталъ сынъ его у послѣлняго? И отцы, живя съ своими сыновьями, невиноваты за ихъ дѣтскія глупости, если сами отцы живутъ скромно. Такъ надлежало разсуждать и о

Сократѣ. Если онъ самъ дѣлалъ что нибудь дурное, то, естественно, и другіе видѣли бы въ немъ это; если же онъ постоянно велъ себя цѣломудренно; то какъ же можно будетъ законно называть его причиною того порока, котораго не было въ немъ?

Можно бы упрекать Сократа въ чемъ нибудь дурномъ, если бы онъ самъ, проводя жизнь не укоризненную, сталъ похваливать Критія и Алкивіада за ихъ глупости. Но онъ, однажды замѣтивъ, что Критій любитъ непозволенною любовію Евѳидима, и, подобно другимъ, старался достигнуть цѣли любви своей, всячески отклонялъ его отъ этого, говоря, что не благородно и не прилично мужу честному и доброму у предмета своей страсти, котораго онъ многимъ выше, добиваться чего нибудь по нищенски, безотвязно, и притомъ добиваться скверности. Когда Критій не послушался его и не хотѣлъ отстать отъ своего влеченія; тогда,

говорятъ, Сократъ, въ присутствіи многихъ, даже при самомъ Евѳидимѣ, сказалъ, что Критій похожъ на поросенка, хочетъ почесаться, какъ поросята чешутся о камни.

За это Критій такъ сталъ ненавидѣть Сократа, что изъ числа тридцати олигарховъ онъ вмѣстѣ съ Хариклomъ сдѣлавшись законадѣтелемъ, припомнилъ Сократу послѣднее вышепомянутое его замѣчаніе, и между прочимъ олигархи, по наущенію его, узаконили, чтобъ въ Аѳинахъ не учили краснорѣчію, отчуждая это собственно въ Сократѣ; но, не имѣя случая, именно чѣмъ нибудь упрекнуть его, Критій приписывалъ Сократу все ненавистное вообще въ философахъ и клеветалъ на него предъ народомъ. Но ни я, ни онъ не учились у Сократа ни чему такому и не слыхали объ этомъ ни отъ кого другаго. Одинъ только Критій показываетъ это.

Когда тридцать тирановъ стали убивать мно-

гихъ гражданъ и при томъ знаменитыхъ, и когда своимъ фаворитамъ позволяли безчинствовать и обижать другихъ, въ это время, можетъ быть, Сократъ и сказалъ, что если удивительно то, когда какой нибудь коровій пастухъ, замѣчая, что коровы стада его худѣютъ и убываютъ, собственно по его нерадѣнію, не признаетъ себя плохимъ пастухомъ; то еще удивительнѣе то, когда кто нибудь, сдѣлавшись правителемъ государства и замѣчая, что, по его милости, граждане убываютъ и обстоятельства ихъ становятся хуже и хуже, небудетъ краснѣть отъ этого и не будетъ считать себя плохимъ начальникомъ. Когда это передано было тиранамъ, Критій и Хариклъ, призвавъ Сократа, объявили ему вышепомянутый законъ и запретили бесѣдовать съ молодыми людьми.

Вслѣдствіе этого Сократъ просилъ ихъ пояснить то, чего онъ не поймет въ ихъ предписаніяхъ, на что и согласились они.

Сократъ: Я готовъ повиноваться законамъ, но чтобъ мнѣ по невѣдѣнію, не преступить чего нибудь въ нихъ, хочу ясно знать отъ васъ: что вы разумѣете подъ наукою краснорѣчія, повелѣвая отстать отъ нея? Или одно и тоже, когда мы говоримъ правильно, или когда мы говоримъ неправильно? Если первое, то, вѣрно, не надобно говорить правильно; а если послѣднее, то покрайней мѣрѣ надобно старатся говорить иначе, т. е. правильно.

Харикла (съ гнѣвомъ): Сократъ! поелику ты отзываешся непониманіемъ законовъ; то повелѣваемъ тебѣ болѣе понятное, т. е. повелѣваемъ тебѣ вовсе не разговаривать съ молодыми людьми.

Сократъ: Чтобъ мнѣ не сомнѣваться, что я поступаю не иначе, какъ повелѣваютъ законы, опредѣлите мнѣ, до которыхъ лѣтъ почитать гражданъ молодыми людьми?

Хариклъ: До тѣхъ поръ, пока нельзя имъ поступать въ сенаторы, какъ не утвердившимся еще въ разсудкѣ; а вообще ты не смѣй разговаривать съ тѣми, кто моложе тридцати лѣтъ.

Сократъ: Слѣдовательно, если мнѣ нужно будетъ купить что нибудь у такого человѣка, коему еще нѣтъ тридцати годовъ; могу ли спросить его, что́ онъ проситъ за какую нибудь вещь?

Хариклъ: Нѣтъ; это дозволяется. Но ты, Сократъ, имѣешь привычку спрашивать о такихъ предметахъ, о какихъ самъ знаешь больше всѣхъ, не спрашивая другихъ, — объ этомъ не спрашивай.

Сократъ: Слѣдовательно я не долженъ отвѣчать и тогда, когда кто нибудь спросилъ бы меня: гдѣ живетъ Хариклъ, или гдѣ находится Критій?

Хариклъ: Нѣтъ, и это дозволяется.

Критій: Сократъ! ты особенно не разговаривай съ сапожниками, плотниками и кузнецами; я думаю, уже ты надоѣлъ имъ своею болтовней.

Сократъ: Слѣдовательно я долженъ отстать отъ нихъ и не брать съ нихъ примѣровъ правдивости, набожности и другихъ добродѣтелей?

Хариклъ: Да; ты долженъ оставить въ покоѣ и пастуховъ. Если жъ иначе; то, смотри, чтобъ и тебѣ не попасть въ число убылыхъ коровъ.

Изъ этого видно, что Критій и Хариклъ, когда передано было имъ вышеприведенное разсужденіе о коровахъ, стали еще больше сердиться на Сократа.

И такъ теперь видите, какъ обращался Критій съ Сократомъ, и какое отношеніе имѣли они другъ къ другу. А я могу сказать, что ни чему не научишься отъ того, кого мы не любимъ. Критій и Алкивіадъ хотя и учились у Сократа, но онъ не правился имъ во все время, сколько они занимались у него; они уже съ самаго начала къ тому только и стремились, какъ бы сдѣлаться выше прочихъ въ государствѣ. По этому они, еще учась у Сократа, ни съ кѣмъ другимъ столько не любили разговаривать, какъ съ мужами, преимущественно занимавшимися государственными дѣлами.

Говорятъ, что Алкивіадъ, еще не достигши двадцати лѣтъ, съ Периклomъ, своимъ опекуномъ и правителемъ государства, имѣлъ слѣдующій разговоръ о законахъ:

Алкивіадъ: Почтенный Периклъ! Скажи мнѣ, можешь ли объяснить мнѣ, что такое законъ?

Перикл: Безъ сомнѣнія.

Алкивіад: Объяснияже; умоляю тебя богами; ибо я часто слышу, какъ хвалятъ нѣкоторыхъ за то, что они исполняютъ законы. По этому думаю, что незаконно удостоиваютъ таковой похвалы того, кто незнаетъ, что́ такое законъ.

Перикл: Любезный Алкивіадъ! ты, желая знать, что такое законъ, требуешъ отъ меня не трудной вещи. Законъ есть то, что́ по здравомъ обсужденіи въ Земской думѣ, будетъ написано, и будетъ утверждено главою государства и затѣмъ объявится, что́ должно дѣлать, и чего не должно дѣлать.

Алкивіад: Что же законы повелѣваютъ дѣлать, доброе, или худое?

Перикл: Эхъ, молодой человѣкъ! безъ сомнѣнія доброе, а не худое.

Алкивіадъ: А если и не народъ, а не многіе (какъ это бываетъ въ олигархіи) въ общемъ собраніи напишутъ, что́ должно дѣлать; это какъ назвать?

Периклъ: Все, что державная власть въ государствѣ, съ совѣта старѣйшинъ, напишетъ и объявитъ, что́ должно дѣлать, называется также закономъ.

Алкивіадъ: А если тираннъ, самовластно управляющій государствомъ, предпишетъ что нибудь гражданамъ; и это законъ?

Периклъ: Да; и это законъ.

Алкивіадъ: Почтенный Периклъ! Что же называется насиліемъ и извращеніемъ законовъ? Не то ли, когда сильный принуждаетъ слабаго дѣлать то, что́ угодно самому́ сильному?

Перикл: И мнѣ кажется такъ.

Алкивіад: Слѣдовательно тиранъ, безъ предварительнаго убѣжденія гражданъ, насильно принуждающій ихъ дѣлать что нибудь, незаконно поступаетъ?

Перикл: И это мнѣ кажется такъ. Я не согласенъ называть закономъ то, что́ предпишетъ тираннъ безъ соглашенія на это гражданъ.

Алкивіад: А то, что́ не многіе, но властвующіе въ государствѣ, безъ народнаго согласія, предпишутъ къ исполненію, можемъ ли назвать насиліемъ, или нѣтъ?

Перикл: Мнѣ кажется все, къ чему кто нибудь не убѣждаетъ, а принуждаетъ другаго или письменно, или иначе, не законъ, а насиліе.

Алкивіадъ: По сему и то, что́ простой народъ, имѣя перевѣсъ надъ богатыми, постановить безъ ихъ согласія, насиліе будетъ, или законъ?

Периклъ: Безъ сомнѣнія, насиліе. Любезный Алкивіадъ! И мы, бывши въ твои лѣта, также были остры на такіе вопросы; и мы занимались этими предметами; и мы острили также.

Алкивіадъ: Почтенный Периклъ! О, если бы я имѣлъ счастіе поговотирь съ тобою тогда, когда ты въ этѣхъ дѣлахъ превосходилъ самаго себя!

Кри́тій и Алкивіадъ, замѣтивъ, что они умнѣе другихъ, стоявшихъ выше ихъ въ государствѣ, тотчасъ же перестали ходить къ Сократу (впрочемъ уже онъ и не нравился имъ; и еслибы пришли къ нему, то принуждены были бы съ непріятностію выслушивать его обличе-

нія за свои грѣхи) и стали заниматься государственными дѣлами, для чего они и ходили къ Сократу. Напротивъ того Критонъ, Хэрефонъ, Хэрекратъ, Гермократъ, Симмій, Кебисъ, Фэдонъ и другіе также были собесѣдниками Сократа и слушали его не для того, чтобъ быть народными ораторами или стряпчими, но чтобъ, сдѣлавшись честными и добрыми, умѣть хорошо заниматься хозяйствомъ, благоразумно обращаться съ слугами, домашними и друзьями, и такимъ же образомъ дѣйствовать .и въ государствѣ и между согражданами. Изъ нихъ никто ни въ молодости, ни въ старости не сдѣлалъ ничего худаго, даже не подалъ повода къ обвиненію себя въ чемъ нибудь.

Сверхъ того, продолжалъ донощикъ, Сократъ училъ не почитать родителей, увѣряя своихъ учениковъ, что онъ сдѣлаетъ ихъ умнѣе отцовъ. Сократъ будто говорилъ даже, что закономъ позволено связать и отца сумашедшаго на томъ

основаніи, что болѣе умный можетъ связать того, кто будетъ очень дурачиться, или вообще невѣжу. Напротивъ Сократъ считалъ законнымъ, чтобъ того, кто связалъ другаго за невѣжество, самаго связали другіе, знающіе то, чего не знаетъ связавшій невѣжу; по этому Сократъ часто разсуждалъ о томъ, чѣмъ различается невѣжество отъ сумасшествія, что связывать сумасшедшихъ полезно и для нихъ самихъ и для ихъ друзей, а не знающихъ нужнаго обязаны учить знающіе то.

Доносчикъ продолжалъ: Сократъ дѣлалъ то, что ученики его не только не уважали своихъ родителей, но и другихъ родственниковъ, говоря, что родственники не помогаютъ намъ ни въ болѣзняхъ, ни на судѣ, а помагаютъ намъ въ первомъ случаѣ лѣкари, въ послѣднемъ опытные стряпчіе. Еще и о друзьяхъ говорилъ, что нѣтъ нужды въ добромъ ихъ расположеніи, если они не приносятъ намъ пользы; достойны

уваженія только тѣ, кто знаетъ нужное для насъ и можетъ объяснить намъ это. Такимъ образомъ увѣривъ молодыхъ людей, что онъ умнѣе всѣхъ и способнѣе всѣхъ сдѣлать и другихъ умными, такъ привлекъ къ себѣ всѣхъ учениковъ, что всѣ прочіе въ сравненіи съ Сократомъ въ глазахъ ихъ ничего не значили.

Я помню, что Сократъ говаривалъ это и объ отцахъ и другихъ родственникахъ и о друзьяхъ; и сверхъ того: какъ только душа — это жилище ума выйдетъ изъ тѣла, тотчасъ выносятъ и хоронятъ тѣло самаго ближайшаго родственника, и что живые, каждый отъ своего тѣла, этого единственнаго своего любимца, или сами отнимаютъ все ненужное и безполезное, или поручаютъ дѣлать это другимъ. Сами обрѣзываютъ себѣ ногти, волосы и мозоли, а иногда поручаютъ лѣкарямъ и съ непріятностью и съ болью обрѣзывать или прижигать ихъ, и за это считаютъ себя обязанными еще пла-

тить имъ. Слюну выплевываютъ, какъ можно дальше, потому, что она, оставаясь во рту, не только не приноситъ имъ пользы, но еще причиняетъ большóй вредъ.

Но Сократъ говорилъ это не въ томъ смыслѣ, чтобъ зарывать въ землю живаго отца, или какъ нибудь уродовать себя, но чтобъ показать, что глупости вообще непохвальны; причемъ онъ убѣждалъ стараться быть, какъ можно, умнѣе и интереснѣе для другихъ, чтобъ заслужить уваженіе отъ отца, или отъ брата, или отъ кого нибудь другаго, убѣждалъ избѣгать лѣности; и тому, кто имѣетъ знатныхъ родственниковъ, не совѣтовалъ надѣяться на нихъ, совѣтовалъ стараться доставлять пользу тѣмъ, отъ кого хочетъ заслужить почётъ.

Еще доносщикъ говорилъ: Сократъ выбираетъ изъ знаменитыхъ стихотворцевъ соблазнительные стихи, и приводя ихъ въ свидѣтельство,

училъ и своихъ слушателей дѣлаться злодѣями и тираннами; наприм. изъ Гезіода.

Ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργέιη δὲ τ' ὄνειδος.

»Никакая работа непостыдна; не дѣятельность же постыдна.«

Донощикъ продолжалъ: Сократъ толкуетъ, что стихотворецъ здѣсь не совѣтуетъ воздерживаться ни отъ какого дѣла, ни отъ неправеднаго, ни отъ постыднаго, а для прибыли можно дѣлать все.

Напротивъ Сократъ понималъ здѣсь то, что полезно и хорошо для человѣка быть дѣятельнымъ, а вредно и дурно предаваться недѣятельности; по этому дѣятельность доброе дѣло, а недѣятельность худое; подъ людьми дѣятельными разумѣлъ тѣхъ, кто дѣлаетъ добро, и это добрые дѣятели; а играющихъ въ кости

(въ карты), или дѣлающихъ что нибудь другое—дурное и вредное Сократъ называлъ бездѣльниками. Въ этомъ смыслѣ и справедливо сказано:

Ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργείη δὲ τ' ὄνειδος.

Доносщикъ еще приводилъ слова изъ Гомера, кои часто говаривалъ Сократъ въ лицѣ Одиссея:

Ὅντινα μὲν βασιλῆα καὶ ἐξοχον ἄνδρα κιχείη,
Τόν δ' ἀγανοῖς ἐπέεσσιν ἐρητύσασκε παραστάς.
Δαιμόνι, οὔ σε ἔοικε κακὸν ὣς δειδίσσεσθαι,
Ἀλλ' αὐτός τε κάθησο, καὶ ἄλλους ἵδρυε λαούς.
Ὃν δ' ἂν δήμου τ' ἄνδρα ἴδοι βοῶντα τ' ἐρεύροι,
Τὴν σκήπτρῳ ἐλασασκεν, ὁμοκλήσασκε τεμύθῳ.
Δαιμόνι', ἀτρέμας ἧσο, καὶ ἄλλων μῦθον ἄκουε,
Οἳ σέο φέρτεροι εἶσι. σύ δὶ ἀπτόλεμος καὶ ἄναλκος,
Οὔτε ποτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμιος, οὔτ' ἐνὶ βουλῇ.

Встрѣтивъ царя или вельможу, успокоивалъ пріятными словами: счастливецъ! ты не золъ,

тебѣ нечего бояться. Сядь самъ, посади и старѣйшинъ. И кого изъ народа замѣтишъ храбрецомъ и крикуномъ, того бей жезломъ и привѣтствуй уже не мягкими словами: Негодяй! сиди смирно, слушай тѣхъ, кто лучше тебя; а ты не способенъ къ войнѣ, ты малосиленъ, не можешъ ни носить оружія, ни присутствовать въ совѣтѣ.

Сократъ будто бы объяснялъ эти стихи такъ: стихотворецъ учитъ побоями угощать простолюдиновъ и бѣдняковъ. Но Сократъ не такъ понималъ эти стихи (иначе онъ осудилъ бы и себя самаго на одинаковую участь съ бѣдняками); онъ говорилъ, что не приносящихъ пользы ни словомъ, ни дѣломъ и неспособныхъ, въ случаѣ нужды, помогать ни войску, ни городу, ни самому народу, особенно если они будутъ еще дерзски, надобно всѣми силами обуздывать, хотя бы они были и большіе богачи.

Напротивъ того, какъ всѣмъ было извѣстно, Сократъ былъ и общителенъ и человѣколюбивъ.

Ибо онъ, принимая къ себѣ желающихъ бесѣдовать съ нимъ и изъ гражданъ и изъ иностранцевъ, никогда не требовалъ съ нихъ платы за свои уроки, но всѣмъ и щедролюбно сообщалъ все, что́ самъ зналъ. Нѣкоторые же, за даромъ поучившись у Сократа кое-чему, дорого́ю цѣною продавали это другимъ, и не были, какъ онъ, столько общительны. Они не хотѣли давать уроковъ тѣмъ, у кого не было денегъ для платы за ученье.

Сократъ и у другихъ народовъ считался бо́льшимъ украшеніемъ для своего отечества, чѣмъ Лихасъ для Лакедэмонянъ, хвалившихся имъ. Этотъ Лихасъ отличался только тѣмъ, что во время гимнопэдій роскошно угощалъ иностранцевъ, бывшихъ на этотъ случай въ Лакедэмонѣ; а Сократъ, во всю свою жизнь щедро удѣляя всѣмъ отъ своей сокровищницы, доставлялъ величайшую пользу тѣмъ, кто только приходилъ къ нему; ибо приходившихъ къ нему

исправлялъ и дѣлалъ возможно лучшими, и потомъ уже отпускалъ отъ себя.

По моему мнѣнію Сократъ, имѣя таковыя достоинства, заслуживалъ у государства великія почести, а не смерть. Это согласно было бы и съ мѣстными законами. Ибо, по законамъ, наказывается смертью тотъ, кто будетъ уличенъ въ воровствѣ, грабительствѣ, мошенничествѣ, въ подкапываніи стѣнъ, продаваніи свободныхъ въ неволю, въ святотатствѣ и т. п, а Сократъ умѣлъ воздерживаться отъ всего этого лучше всѣхъ. Онъ для своего государства никогда не былъ причиною ни неудачной войны, ни мятежей, ни измѣны, ни какихъ либо другихъ нещастій. И въ частной жизни онъ никогда не лишалъ никого имѣнія и не подвергъ никого никакимъ непріятностямъ; даже никогда не подавалъ повода подозрѣвать себя въ какомъ либо изъ вышесказанныхъ пороковъ.

И такъ какимъ же образомъ подпалъ осуж-
денію на смерть тотъ, который вмѣсто того,
чтобы отвергать боговъ (какъ написано было
въ доносѣ) открыто предъ всѣми чествовалъ
ихъ, и при томъ усерднѣе, чѣмъ другіе, кото-
рый вмѣсто того, чтобъ развращать молодыхъ
людей (въ чемъ такъ же обвинялъ его доно-
щикъ) тѣхъ изъ своихъ учениковъ, кои увле-
кались дурными пожеланіями, отучалъ отъ этого
и заставлялъ любить одну достолюбезнѣйшую
и приличнѣйшую для человѣка добродѣтель, отъ
которой зависитъ благоденствіе и государствъ
и семействъ. Поступавшій такимъ образомъ по-
чему же государствомъ не удостоенъ великихъ
почестей?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Теперь, сколько припомню, намѣренъ я объяснить, какимъ образомъ Сократъ доставлялъ пользу своимъ ученикамъ, то на самомъ дѣлѣ представляя имъ въ примѣръ самаго себя, то въ разговорахъ преподавая имъ свои уроки. Въ отношеніи къ богамъ онъ поступалъ и говорилъ такъ, какъ отвѣчаетъ Пиѳія вопрошающимъ о томъ, какимъ образомъ поступать при жертвоприношеніяхъ, при поминовеніи предковъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Ибо Пиѳія вопрошающимъ объ этомъ обыкновенно отвѣчаетъ: тотъ благочестиво поступаетъ, кто чтитъ боговъ по установленіямъ своего отечества: Сократъ

такъ и поступалъ самъ и прочимъ внушалъ тоже; совершающихъ же служеніе богамъ иначе называлъ суевѣрами и пустосвятами. Онъ молилъ боговъ просто даровать ему блага, такъ какъ боги лучше насъ знаютъ, что́ для насъ полезно, а просившихъ у боговъ или золота, или серебра, или высочайшей власти, или чего нибудь подобнаго, уподоблялъ тѣмъ, которые молятъ боговъ, чтобъ посчастливилось имъ въ игрѣ въ кости или карты, или въ начинаніи войны, или въ другихъ предпріятіяхъ, коихъ изходъ вовсе неизвѣстенъ.

Сократъ, принося малыя жертвы отъ малаго своего достатка, не думалъ, что онъ за это хуже тѣхъ, кто отъ многихъ и великихъ достатковъ приноситъ большія и дорогія жертвы. Онъ говорилъ: не согласно будетъ съ свойствами боговъ, если для нихъ большія жертвы будутъ пріятнѣе малыхъ; ибо они стали бы чествоваться чаще жертвами нечестивыхъ, чѣмъ

благочестивыхъ; не стоило бы и жить на этомъ свѣтѣ, если бы для боговъ жертвы порочныхъ были пріятнѣе жертвъ, приносимыхъ добрыми людьми; но Сократъ думалъ, что боги болѣе благоволятъ къ жертвамъ людей благочестивыхъ; по этому онъ и хвалилъ слѣдующій стихъ:

Καδ' δύναμιν δ' ἔρδειν ἱερ' ἀθανατοῖσι θεοῖσι.

По силамъ припоси жертвы безсмертнымъ богамъ.

И говорилъ, что этотъ совѣтъ приноситъ жертвы по силамъ, идетъ и для друзей, и для иностранцевъ и для всякаго другаго званія. Если же онъ удостоивался какого либо откровенія отъ боговъ; то убѣдить его поступить во преки данному откровенію было бы также не возможно, какъ не возможно было согласить, въ провожатые по неизвѣстной дорогѣ, вмѣсто

зрячаго и знающаго ее, взять слѣпаго и не знающаго дороги. По этому онъ и охуждалъ безуміе тѣхъ, кто, опасаясь людскихъ пересудовъ, поступаетъ вопреки даннымъ отъ боговъ откровеніямъ и ни вочто ставитъ всѣ человѣческія сужденія въ сравненіи ихъ съ совѣтами боговъ.

Въ отношеніи къ душѣ и тѣлу онъ такъ велъ себя, что и другіе, подражая ему, при благополучныхъ обстоятельствахъ, могли спокойно и безопасно проводить жизнь и не чувствовать недостатковъ въ содержаніи себя. Сократъ былъ столь умѣренъ въ содержаніи себя, что, вѣрно, самый дешевый поденщикъ могъ бы заработать въ день столько денегъ, сколько требовалось въ день для содержанія Сократа. Онъ столько употреблялъ пищи, сколько могъ ѣсть съ пріятностью, и къ столу приступалъ тогда, когда аппетитъ служилъ для него лучшею приправою кушаній. Всякое питье

было для него пріятно, потому что онъ, не чувствуя жажды, никогда не пилъ.

Если когда нибудь, по приглашенію, ходилъ онъ въ гости; то, что́ для большей части людей очень трудно, всегда остерегался пресыщенія, а не могшимъ дѣлать этого, совѣтовалъ остерегаться лакомыхъ кушаній, когда не чувствуютъ голода, и уклоняться отъ приманчивыхъ питій, когда не томятся жаждою. Ибо невоздержаніе въ пищѣ и питьѣ гибельно и для желудка, и для головы, и для души. — Въ шутку расказывалъ онъ, какъ Цирцея, задавая пиры троянскимъ героямъ, превращала людей въ свиней; только Одиссей, предостереженный Эрмесомъ и строго внимавшій самому себѣ, не своевременно даже не прикасался до пищи; и отъ этого не сдѣлался свиньей. Впрочемъ Сократъ расказывалъ это между серіозными разсужденіями.

Разсуждая о непозволенной любви, онъ убѣждалъ всячески остерегаться красивенькихъ.

Ибо, говорилъ онъ, не легко сохранить цѣломудріе тому, кто прикоснется ихъ. Однажды узнавъ, что Критовулъ, сынъ Критоновъ, поцаловалъ красавца — сына Алкивіадова, въ присутствіи Критовула спросилъ меня:

Сократъ: Скажи мнѣ, Ксенофонъ, не почиталъ ли и ты Критовула болѣе скромнымъ, нежели дерзкимъ, болѣе предусмотрительнымъ, чѣмъ безразсуднымъ и кидающимся на опасности?

Ксенофонъ: Дѣйствительно такъ; а теперь онъ до чрезвычайности распаленъ своею страстью и готовъ рѣшиться на все; онъ готовъ броситься на ножъ и прыгнуть въ огонь. Что же замѣтилъ ты, что перемѣняешь о немъ свое мнѣніе?

Сократъ: Да не онъ ли осмѣлился цаловать Алкивіадова сына, этого пригоженькаго на лицо и вообще рѣдкаго красавца?

Ксенофонъ: Если это значитъ кидаться на опасность; то и я могу подвергнуться тому же.

Сократъ: Нещастный! что, думаешь, можетъ произойти отъ этихъ поцалуевъ? Не сдѣлаешься ли тотчасъ же изъ свободнаго рабомъ? Не будешь ли тратиться на этѣ гибельныя удовольствія? Не будетъ ли это мѣшать тебѣ заниматься чѣмъ нибудь честнымъ и добрымъ? И не заставитъ ли безпрестанно помышлять о томъ, на что не рѣшился бы и сумашедшій?

Ксенофонъ: Да; ты приписываешъ поцалуямъ ужасную силу.

Сократъ: Ты удивляешся этому? Развѣ не знаешъ, что пауки величиною съ половола, прикоснувшись только къ губамъ, поражаютъ человѣка несносною болью, даже повергаютъ въ сумасшествіе?

Ксенофонъ: Подлинно такъ; пауки только укусятъ, и тутъ же пускаютъ ядъ.

Сократъ: Глупый! Развѣ ты не думаешь, что и эти красавцы жалятъ цалующихъ ихъ чѣмъ-то такимъ, чего ты не видишъ? Вѣрно, ты не знаешъ, что то животное, которое называемъ и красивымъ и милымъ, тѣмъ опаснѣе пауковъ, что пауки, прикасаясь, а это не прикасаясь, однимъ взглядомъ жалитъ даже изъ далека и доводитъ до сумасшествія? Можетъ быть и эроты изображаются со стрѣлами по той причинѣ, что красивенькіе пускаютъ свои стрѣлы и ранятъ издалека. По этому совѣтую тебѣ, Ксенофонъ, увидѣвъ красавчика, безъ оглядки бѣжать отъ него; а тебѣ, Критовулъ, совѣтую отправиться въ чужіе краи на годъ; въ это время едва, едва заживетъ твоя рана.

Тѣмъ, кто никакъ не могъ удержаться отъ любострастныхъ дѣлъ, снисходилъ это, впро-

чемъ такъ, чтобъ душа не чуствовала никакого къ тому расположенія, особенно когда и тѣло не будетъ безотвязно требовать этого, а если же случится послѣднее; то чтобъ это ни сколько не причиняло хлопотъ духу нашему; самъ же въ отношеніи къ этому предмету такъ велъ себя, что для него легче было воздержаться отъ самыхъ красивыхъ предметовъ, чѣмъ другимъ отъ самыхъ мерзкихъ и отвратительныхъ лицъ. Такъ велъ себя Сократъ въ отношеніи и къ пищѣ, и къ питью и къ дѣламъ любострастнымъ, и сознавалъ, что и въ образѣ его жизни удовольствій не меньше, какъ и у тѣхъ, которые чрезмѣру даже хлопочутъ о помянутыхъ предметахъ, и что онъ по жизни почти никогда не чувствовалъ никакихъ непріятностей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кто думалъ, что Сократъ (какъ нѣкоторые и пишутъ и говорятъ о немъ) лучше всѣхъ убѣждалъ людей къ добродѣтели, а между тѣмъ будто не съумѣлъ сдѣлать нѣкоторыхъ добрыми; тотъ пусть приметъ въ соображеніе не только то, какъ онъ въ наказаніе всезнаекъ, обличалъ ихъ своими вопросами, но и то, что́ онъ говорилъ, разсуждая иногда цѣлый день съ своими учениками; и тогда пусть заключаютъ, способенъ ли онъ былъ сдѣлать учениковъ своихъ лучшими.

Во первыхъ скажу то, что́ однажды слышалъ я отъ него, когда онъ разговаривалъ о

Богѣ съ Аристодимомъ, по прозванію, малымъ. Узнавъ, что онъ не приноситъ жертвъ богамъ (хотя и не возстаетъ противъ нихъ), не вопрошаетъ ихъ, даже смѣется надъ тѣми, кто дѣлаетъ это, спросилъ:

Сократъ: Скажи мнѣ, Аристодимъ; есть ли между людьми такіе, мудрости коихъ ты удивляешся?

Аристодимъ: Есть.

Сократъ: Скажи же, кто именно?

Аристодимъ: Въ сочиненіи эпоса больше всего удивляюсь Гомеру, Меланиппиду за дивирамбы, Софоклу за трагэдіи, Поликлиту въ ваяніи, Зевксису въ живописи.

Сократъ: Какіе, по твоему мнѣнію, художники заслуживаютъ больше удивленія, тѣ ли,

кои дѣлаютъ бездушныхъ и не могущихъ двигаться идоловъ, или тѣ, кои изображаютъ одушевленныхъ и могущихъ дѣйствовать животныхъ?

Аристодимъ: Больше тѣ, кои изображаютъ животныхъ, если только это дѣлается не по какому нибудь безпричинному случаю, а съ намѣреніемъ.

Сократъ: Изъ тѣхъ произведеній, о которыхъ неизвѣстно, для чего онѣ сдѣланы, и о которыхъ извѣстно, что онѣ сдѣланы для пользы, которыя дѣло случая и которыя опредѣленнаго намѣренія?

Аристодимъ: Произведенія, сдѣланныя для пользы, слѣдуетъ приписать извѣстному намѣренію.

Сократъ: Какъ тебѣ кажется, сотворившій изъ начала человѣка не для пользы ли его далъ

ему органы чувствъ, — глаза, чтобъ видѣть предметы видимые, уши, чтобъ слышать слышимое? Какая бы намъ была польза въ благовоніяхъ, если бы не дано было ноздрей? Какъ бы стали чувствовать и сладость и пряность и вообще все пріятное, входящее въ уста, если бы не данъ былъ намъ языкъ, разпознаватель этого? Сверхъ того, не есть ли дѣло промысла то, что Богъ, зная слабость глазъ нашихъ, оградилъ ихъ, какъ дверьми, вѣками, которыя, когда нужно смотрѣть, отворяются, а во время сна опять сжимаются; чтобъ вѣтеръ не вредилъ глазамъ, Богъ выростилъ рѣсницы, сквозь кои, какъ сквозь рѣшето, пробиваются глаза наши, а верхъ глазъ покрылъ бровями, какъ карнизомъ, чтобъ могущій идти съ головы потъ не причилъ вреда самымъ глазамъ; онъ сдѣлалъ, чтобъ уши принимали всѣ звуки, и сами никогда не наполнялись; переднія зубы далъ всѣмъ животнымъ, чтобъ раздроблять пищу, а заднія для пережовыванія того,

что́ примутъ отъ переднихъ; ротъ, которымъ животныя принимаютъ пищу и питье, помѣстилъ близъ глазъ и ноздрей, а изходы непріятнаго для глазъ и для обонянія удалилъ и помѣстилъ отъ этихъ чувствъ, какъ можно, дальше. Можешъ ли сомнѣваться, что все это, такъ прозорливо сдѣланное, есть дѣло слѣпаго случая, а не ума?

Аристодима: Никакъ; разсматривая это должнымъ образомъ, я совершенно убѣждаюсь въ томъ, что все это дѣло мудраго и животолюбиваго творца.

Сократа: Человѣку врождено расположеніе къ дѣторожденію, въ особенности матерямъ расположенность къ воспитанію дѣтей, взрослымъ чрезвычайная любовь къ жизни и ужасное нехотѣніе умирать. Откуда это?

Аристодима: Конечно и все это произведено искуствомъ создавшаго всѣхъ животныхъ, по

предварительному плану, какъ бы по предварительному совѣщанію съ кѣмъ-то.

Сократъ: Думаешъ ли ты, что и въ тебѣ есть умъ? Спрашивай меня; я буду отвѣчать. А въ другихъ предметахъ развѣ нѣтъ ни гдѣ слѣдовъ ума, особенно если обратишъ вниманіе на то, что отъ огромной массы земли и въ твоемъ тѣлѣ есть ея частичка и отъ обширныхъ водныхъ пространствъ въ твоемъ тѣлѣ есть часть влаги и отъ прочихъ великихъ стихій не большая часть взята для составленія твоего тѣла? А умъ, который ни гдѣ не является въ видѣ недѣлимаго (individuum), какимъ образомъ удалось тебѣ какъ бы словить? Думаешъ ли, что эти огромныя творенія, отъ множества своего безпредѣльныя, какою нибудь личною глупостью такъ отлично сгармонированы?

Аристодимъ: Да; потому, что не вижу творцовъ ихъ, какъ виновниковъ вещей изъ обыкновеннаго быта.

Сократъ: Ты не видишъ своей души, которая управляетъ твоимъ тѣломъ; по этому можно сказать тебѣ, что ты дѣлаешъ все по случаю, а не по предварительному разсужденію ума.

Аристодимъ: Почтенный Сократъ! И я не презираю боговъ, но, кажется, для нихъ очень низко нуждаться въ моемъ чествованіи.

Сократъ: Чѣмъ большее имѣютъ боги попеченіе о тебѣ, тѣмъ бо́льшаго достойны чествованія.

Аристодимъ: Будь увѣренъ, что я, если боги въ самомъ дѣлѣ такъ заботятся о людяхъ, никогда не забуду чествовать ихъ.

Сократъ: Развѣ ты думаешъ, что они неимѣютъ попеченія о человѣкѣ, когда они изъ всѣхъ животныхъ одного человѣка сотворили въ прямомъ положеніи, которое положеніе даетъ

намъ способность и дальше видѣть, и лучше разсматривать высокіе предметы и избѣгать многихъ злоключеній, (когда снабдили голову глазами, ушами и ртомъ;) когда прочимъ животнымъ, какъ бы уже пресмыкающимся, дали только ноги, чтобъ могли ходить на нихъ, а человѣка одарили и руками, коими люди дѣлаютъ весьма многое, чѣмъ человѣкъ такъ же счастливѣе ихъ; когда человѣку дали и языкъ съ лучшими свойствами, чѣмъ прочимъ животнымъ; языкъ нашъ, имѣя способность поворачиваться во рту такъ или иначе и прикасаться рта въ томъ или другомъ мѣстѣ, произноситъ членораздѣльные звуки, коими мы сообщаемъ другъ другу то, что́ мыслимъ и чего хотимъ? не долженъ ли ты считать особеннымъ божіимъ промысломъ и того, что боги обнаруженіе склонности къ дѣторожденію у прочихъ животныхъ ограничили извѣстнымъ временемъ года, т. е. весною, а человѣку предоставили это на всякое время до самой старости? Богу недо-

статочнымъ показалось позаботиться объ одномъ нашемъ тѣлѣ, но (что́ важнѣе всего) онъ одарилъ человѣка и могучею душею. Ибо какого другаго животнаго душа больше всего сознаётъ бытіе боговъ, сотворившихъ столь великіе и прекрасные предметы? Какое другое племя чествуетъ боговъ такъ, какъ человѣкъ? Чья душа способнѣе человѣческой предотвращать или голодъ, или жажду, или холодъ, или зной, или помогать больнымъ, или учить упражнять телесныя силы, или пріобрѣтать и обработывать что нибудь при указаніи науки и сохранять въ памяти то, что слышимъ, или видимъ, или изучаемъ? Не видишъ ли ты, что люди между прочими животными живутъ какъ боги, по природѣ своей превосходя ихъ и тѣломъ и душею? Ибо имѣющій тѣло воловье, а душу человѣческую неможетъ сдѣлать того, что́ захотѣлъ бы: такъ и животныя, и имѣя руки, но не имѣя человѣческой души, немогли бы пріобрѣтать ничего другаго, кромѣ приличнаго

своей природѣ. А ты, получивъ душу и тѣло несравненно высшаго достоинства, развѣ несознаéшь, что бóги промышляютъ и о тебѣ? Или нужно, чтобъ они сотворили для тебя еще что нибудь другое, чтобъ увѣрить тебя, что они заботятся и о тебѣ?

Аристодимъ: Я желалъ бы еще, чтобъ боги посылали ко мнѣ, какъ и къ тебѣ, совѣтниковъ касательно того, чтó должно дѣлать, и чего не должно.

Сократъ: Когда боги чрезъ аракуловъ дáютъ отвѣты Аѳинянамъ на ихъ вопросы, развѣ ты не думаешь, что они вмѣстѣ съ Аѳинянами говорятъ и тебѣ? Когда боги, посылая чудныя знаменія Грекамъ и всѣмъ людямъ, предвѣщаютъ что нибудь; развѣ ты думаешь, что они изключили тебя изъ ихъ числа и забыли о тебѣ? Допускаешь ли, что боги внушили людямъ мысль, что они могутъ дѣлать счастливыми или

несчастными, а въ самомъ дѣлѣ будто немогутъ сдѣлать этого, и будто люди, обольщенные ими, до сихъ поръ немогли дознать этого? Не знаешъ ли, что древнѣйшія и носящія на себѣ печать величайшей мудрости государства и народы были и самые благочестивые, и что люди въ лѣтахъ зрѣлаго разсудка бываютъ особенно набожны? Знай, любезный Аристодимъ, что и твой умъ, обитая въ твоемъ тѣлѣ, управляетъ имъ, какъ хочетъ. Надобно думать, что и умъ, живущій во вселенной, располагаетъ всѣмъ, какъ ему угодно. Если твой глазъ можетъ видѣть на много стадій; то очи Божіи не могутъ ли видѣть всего въ одно и тоже время? Если твоя душа въ одно и тоже время можетъ мыслить о томъ, что́, совершается и здѣсь и въ Эгиптѣ и въ Сициліи; то божественный умъ уже ли неможетъ въ одно и тоже время промышлять о всемъ?

Если ты, услуживая людямъ, видишъ, что и они готовы отплатить тебѣ таковою же услугою;

если ты за твои милости хочешь пользоваться милостями другихъ, и, подавая совѣты, замѣчаешь тѣхъ, кто умно пользуется ими: такъ, и служа богамъ, на опытѣ узнаешь, хотятъ ли они подать и тебѣ совѣтъ касательно вещей, сокрытыхъ отъ человѣка, и тогда сознáешь, что божество и столь велико и такихъ высокихъ свойствъ, что въ одинъ моментъ видитъ все и также слышитъ все, и, вездѣ присутствуя, въ одинъ и тотъ же моментъ промышляетъ обо всемъ.

По этому, кажется мнѣ, Сократъ училъ и своихъ слушателей воздерживаться отъ дѣлъ нечестивыхъ, неправедныхъ и постыдныхъ не только при людяхъ, но и въ уединеніи и въ пустынѣ; потому-то и слушатели его должны были уже думать, что все, что́ бы они не стали дѣлать, никогда не укроется отъ боговъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сократъ говаривалъ, что воздержаніе служитъ для человѣка честнымъ и вполнѣ достойнымъ его прибыткомъ. Послушаемъ хорошо ли Сократъ говоритъ о немъ въ слѣдующемъ разсужденіи.

Господа! Когда во время войны нужно бываетъ избрать такого человѣка, который бы защитилъ насъ и побѣдилъ непріятеля, избремъ ли для этого таковаго человѣка, о коемъ знаемъ, что онъ служитъ или чреву, или вину, или плотоугодію и нерасположенъ къ трудамъ и бдительности? Даже можемъ ли подумать, что

таковой человѣкъ въ состояніи защитить насъ и одолѣть враговъ?

Или находясь при концѣ жизни, если захотимъ поручить кому нибудь или воспитаніе сыновей, или охраненіе дѣвства дочерей нашихъ, или сбереженіе нашихъ богатствъ, и въ этомъ случаѣ признаемъ ли достойнымъ нашего довѣрія человѣка невоздержнаго? Согласимся ли поручить невоздержному, даже собственному нашему человѣку, или кладовыя, или распоряженіе полевыми работами? рѣшимся ли даже даромъ принять къ себѣ невоздержнаго человѣка въ камердинеры или дворецкіе? Возможно ли это? По этому если нежелаемъ принять невоздержнаго человѣка въ услуженіе себѣ; то неболѣе ли мы должны беречься того, чтобъ самимъ не сдѣлаться невоздержными.

Съ невоздержнымъ не такъ бываетъ, какъ со скупымъ. Скупые, вытягивая деньги у дру-

гихъ, повидимому обогащаются, а невоздержный, причиняя вредъ другимъ, не проноситъ пользы и себѣ самому; онъ дѣлаетъ зло другимъ, а себѣ еще больше; ибо уже самое злодѣйское дѣло не только раззорять свой домъ, но и погублять и тѣло и душу.

Въ общежитіи кому пріятно будетъ обращаться съ такимъ, за кѣмъ будешъ замѣчать, что ему милѣе лакомства и вино, чѣмъ друзья, и что онъ любитъ непотребныхъ женщинъ болѣе, чѣмъ своихъ товарищей? По этому всякій человѣкъ, принявъ въ уваженіе то, что воздержаніе есть основаніе прочихъ добродѣтелей, не долженъ ли первѣе всего заготовлять эту добродѣтель въ душѣ своей? Ибо безъ этой добродѣтели можетъ ли кто нибудь научиться чему нибудь доброму, или съ похвалою заниматься чѣмъ либо? Преданный чувственнымъ удовольствіямъ не будетъ ли поскотски вести себя и по тѣлу и по душѣ? Ей, ей! благородно-

му человѣку надобно желать, чтобъ никогда не имѣть таковаго раба, а человѣку изъ несвободнаго состоянія, но преданному чувственнымъ удовольствіямъ, надобно молить боговъ, чтобъ они дали ему добрыхъ господъ; ибо тутъ только его и спасеніе.

Разсуждая такимъ образомъ о воздержаніи Сократъ выказывалъ эту добродѣтель въ себѣ самомъ дѣлами еще больше, чѣмъ словами. Ибо онъ воздерживался не только отъ плотскихъ удовольствій, но и отъ страсти къ богатству, принимая здѣсь въ соображеніе то, что незаконно получающій отъ кого нибудь деньги поставляетъ того господиномъ надъ самимъ собою и отдаетъ себя въ такое рабство, которое хуже рабства въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сто́итъ упомянуть и о томъ, какъ Сократъ разговаривалъ съ Софистомъ Антифономъ, который, желая отклонить отъ Сократа учениковъ его, однажды пришелъ къ нему, и въ присутствіи самыхъ учениковъ говорилъ.

Антифонъ: Сократъ! я думаю, философствующіе должны быть очень счастливые люди, а ты, кажется мнѣ, находишъ противное удовольствіе въ философіи. Ты живешъ такъ, какъ незахотѣлъ бы жить и послѣдній рабъ, состоя подъ властію строгаго господина; пищу и питье ты употребляешъ самыя дешевыя, одѣваешся

не только въ дешевую одежду, но въ одну и туже и лѣтомъ и зимой и ходишъ безъ обуви и безъ исподняго платья. Ты не принимаешъ и денегъ, кои такъ радуютъ любостяжателей! Онѣ доставляютъ способы и жить деликатнѣе и наслаждаться большими удовольствіями. И если ты, подобно учителямъ другихъ наукъ, заставляешъ своихъ учениковъ подражать тебѣ; то, право, ты учишъ не добру.

Сократъ: Вижу, Антифонъ; ты представляешъ мою жизнь крайне бѣдственною; я увѣренъ, что ты лучше рѣшился бы умереть, чѣмъ жить такъ, какъ я живу. Пожалуй, разсмотримъ, что ты находишъ непріятнаго въ моей жизни? То ли, что принимающіе деньги обязаны дѣлать то, за что получили плату, тогда какъ я, не взявъ денегъ за ученье, не обязанъ даже говорить съ тѣмъ, съ кѣмъ не захочу? Или не нравится тебѣ образъ моей жизни, какъ будто я ѣмъ пищу менѣе здоровую, чѣмъ ты,

и такую, которая не имѣетъ въ себѣ достаточной питательности? Или будто труднѣе достать мою пищу, чѣмъ твою по тому только, что твоя и рѣже и дороже? Или твоя пища имѣетъ больше пріятности для тебя, а моя пища неимѣетъ для меня такой пріятности? Или незнаешъ, что тотъ, кто ѣстъ съ большимъ аппетитомъ, непотребуетъ дорогихъ приправъ, и кто пьетъ для утоленія томящей его жажды, тотъ незахочетъ питьевъ, коихъ неслучится у него? Ты, вѣрно, знаешъ также, что перемѣняющіе одежды перемѣняютъ ихъ по причинѣ холода, или жару и обуваются для того, чтобъ не повредить чѣмъ нибудь ногъ и свободнѣе ходить; но замѣчалъ ли ты когда нибудь, чтобъ я по причинѣ холода сидѣлъ дома, или во время зноя спорилъ съ кѣмъ нибудь о тѣни, или по болѣзни ногъ не ходилъ, куда мнѣ вздумается? Или незнаешъ, что по природѣ имѣющіе самое слабое сложеніе тѣла чрезъ постоянное его упражненіе дѣлаются сильнѣе самыхъ здоровен-

ныхъ, но неупражняющихъ своего тѣла, и легче этихъ переносятъ всякіе труды? Слѣдовательно не долженъ ли ты думать, что и я, постоянно упражняя мое тѣло, чѣмъ только случится, переношу все легче, чѣмъ ты, оставляющій тѣло безъ упражненія? А что я не служу ни чреву, ни сну, ни любострастнымъ дѣламъ, думаешъ ли, что этому есть какая либо другая уважительнѣйшая причина кромѣ того, что у меня есть другія лучшія наслажденія, которыя нетолько радуютъ меня въ нуждѣ и при лишеніяхъ, но и подаютъ надежду, что онѣ навсегда пригодятся мнѣ? Далѣе, ты знаешъ, что ненадѣющіеся успѣть въ чемъ нибудь бываютъ не веселы, а надѣющіеся имѣть щастливый успѣхъ или въ земледѣліи, или въ судопромышленности, или въ чемъ либо другомъ, какъ хлопочутъ объ этомъ и какъ радуются этому! можешъ ли ты подумать, что какое отъ всего этого можно получать удовольствіе, такое же чувствуетъ и тотъ, кто становится лучшимъ по жизни и пріобрѣ-

таетъ очень хорошихъ людей въ друзья себѣ? Этого я немогу несказать и о себѣ самомъ.

Если бы нужно было помочь друзьямъ, или государству, кому бы досужнѣе было сдѣлать это? Тому ли, кто живетъ такъ, какъ я, или тому, кто живетъ такъ, какъ ты проповѣдуешъ? Кому легче быть въ военной службѣ, тому ли, коего содержаніе будетъ стóить большúхъ издержекъ, или тому, кто можетъ довольствоваться тѣмъ, чтó есть? При осадѣ города кто можетъ защищать себя долѣе, требующій ли того, чтó весьма трудно достать, или довольствующійся тѣмъ, чтó пріобрѣсть весьма легко?

Антифонъ! ты, кажется, полагаешъ счастіе въ роскоши и въ дорогихъ яствахъ, а я думаю, что не нуждаться ни въ чемъ свойственно только богамъ, а имѣть потребность въ самомъ маломъ, и это близко къ божественнымъ свойствамъ; но божество всемогуще; по этому бли-

жайшее къ свойствамъ божіимъ всего ближе къ всемогуществу.

Антифонъ: Сократъ! я считаю тебя человѣкомъ правдивымъ, но мудрымъ никогда, въ чемъ, я думаю, и самъ ты сознáешся. Ты ни съ кого не требуешь денегъ за ученье. Но извѣстно, что и платье, или домъ, или что нибудь изъ имѣнія, стоющее денегъ, мы не отдаемъ никому даромъ, даже не уступаемъ изъ той цѣны, которой что́ сто́итъ; по этому и ты если считаешъ свои уроки стоющими чего нибудь, долженъ бы брать за нихъ достойную плату. Слѣдовательно ты можешъ назваться правдивымъ, потому что для многостяжанія необманываешъ никого; но мудрымъ никогда, потому, что признаешъ свое ученіе не стоющимъ ни гроша.

Сократъ: Антифонъ! мы знаемъ, что и красоту и мудрость можно употребить и на добро

и на худо. Кто за деньги продаетъ свою красоту всякому желающему, того называютъ любодѣемъ, а того, о комъ узнаемъ, что онъ любитъ честное и хорошее, избираемъ себѣ въ друзья и называемъ умнымъ. По этому и продающихъ свою мудрость за деньги называютъ софистами, какъ бы любодѣями въ нравственно-умственномъ отношеніи; а кто того, въ комъ замѣтитъ хорошія дарованія, научитъ добру и сдѣлаетъ себѣ другомъ, о томъ говоримъ, что онъ дѣлаетъ приличное честному и доброму гражданину.

Антифонъ! Другіе получаютъ удовольствіе отъ хорошихъ лошадей, или собакъ, или птицъ, а я больше чувствую удовольствіе отъ добрыхъ друзей; учу ихъ добру, сколько самъ знаю, и указываю имъ путь къ тому, что́, по моему усмотрѣнію, можетъ руководить ихъ къ добродѣтели. Даже сокровищницы древнихъ мудрецовъ, оставленныя намъ въ ихъ сочиненіяхъ,

читаю и разбираю вмѣстѣ съ моими друзьями; что́ находимъ въ нихъ хорошаго, выбираемъ, и за великое считаемъ счастіе, если, сдѣлавшись друзьями между собою, подружимся и съ ихъ ученіемъ. Слушая таковыя разсужденія, я считалъ блаженными и самаго Сократа и его слушателей, коихъ онъ руководилъ, только къ честному и доброму.

Антифонъ еще однажды спрашивалъ Сократа: какъ онъ, самъ незанимавшись политикой, хотя могъ имѣть свѣдѣнія и въ ней, надѣется сдѣлать другихъ государственными людьми?

Сократъ: Антифонъ! Лучше ли буду знать государственныя дѣла, если буду заниматься ими самъ одинъ, или если постараюсь сдѣлать, какъ можно больше, и другихъ способными къ этому?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Далѣе, разсмотримъ, какъ Сократъ отклонялъ своихъ учениковъ отъ хвастовства и всячески заставлялъ любить одну добродѣтель. Онъ часто говаривалъ: нѣтъ лучше дороги къ славѣ кромѣ той, когда кто будетъ добрымъ человѣкомъ, а небудетъ только казаться таковымъ. Истину этого увидимъ изъ слѣдующаго.

Если бы кто, неумѣвъ играть на флейтѣ, захотѣлъ прослыть знатокомъ въ этомъ искуствѣ; то что бы надлежало ему дѣлать? Не долженъ ли онъ подражать хорошимъ флейтистамъ даже въ томъ, что несовсѣмъ необходимо для ихъ иску-

ства? Во первыхъ онъ долженъ имѣть хорошіе инструменты и своихъ учениковъ. Далѣе многіе хвалятъ умѣющихъ играть на флѣйтѣ; слѣдовательно и ему надобно заслужить таковую же похвалу, и ни подъ какимъ видомъ недолженъ оставлять своего искуства, резвѣ будетъ осмѣянъ и признанъ не только дурнымъ игрокомъ на флѣйтѣ, но и самохваломъ. И что же? Истративъ много денегъ, и за свое неумѣнье не получивъ никакой пользы отъ своего предпріятія, сверхъ того прослывъ дурнымъ человѣкомъ, не долженъ ли онъ будетъ провождать жизнь бѣдственную и безполезную и не будетъ ли для другихъ предметомъ посмѣянія?

Также, еслибы кто захотѣлъ выдать себя за хорошаго военачальника, или кормчаго, самъ не бывъ искусенъ въ этомъ дѣлѣ; посмотри, что выйдетъ изъ этого? Не будетъ ли тутъ непріятностей для него самаго, если онъ, желая казаться способнымъ къ этѣмъ должностямъ, не

въ состояніи будетъ убѣдить другихъ въ этомъ? А если и удастся ему убѣдить ихъ, то еще хуже будетъ для него. Ибо извѣстно, что избранный въ кормчіе или въ военачальники, не имѣя познаній, нужныхъ для этѣхъ должностей нéхотя погубитъ другихъ, и самъ съ пятномъ и со стыдомъ отстанетъ отъ принятыхъ на себя должностей.

Также, казаться или богачемъ, или храбрымъ, или силачемъ Сократъ считалъ безполезнымъ дѣломъ для того, кто на самомъ дѣлѣ не таковъ. Ибо таковымъ людямъ могутъ дѣлать порученія выше ихъ силъ; и не смотря на то, что они выдавали себя способными къ этому, немогши выполнить сдѣланныхъ имъ порученій, будутъ неизвинительны предъ начальствомъ.

Сократъ почиталъ непослѣднимъ обманщикомъ и того, кто, выманивъ у какого нибудь про-

стячка деньги, или цѣнную вещь, затратитъ ихъ; а величайшимъ обманщикомъ называлъ того, кто, не имѣя никакихъ личныхъ достоинствъ, обольститъ другихъ, что онъ способенъ заниматься даже государственными дѣлами. Мнѣ кажется, что Сократъ, разсуждая такимъ образомъ, убѣдительно отклонялъ своихъ учениковъ отъ хвастовства.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

ВТОРАЯ КНИГА.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

ВТОРАЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кажется мнѣ, Сократъ и въ слѣдующемъ разговорѣ побуждалъ своихъ учениковъ всячески стараться быть умѣренными и въ пищѣ, и въ питьѣ, и въ плотоугодіи и терпѣливо переносить и холодъ, и зной и труды.

Замѣтивъ, что одинъ изъ его учениковъ ведетъ себя очень невоздержно, сказалъ.

Сократъ: Скажи мнѣ, Аристиппъ; Если бы ты, принявъ къ себѣ двухъ молодыхъ людей, долженъ былъ научить: одного, чтобъ онъ современемъ могъ быть хорошимъ начальникомъ, а другаго, чтобъ онъ и неподумалъ о начальнической должности; какъ бы ты сталъ учить и тóго и другаго? Разсмотримъ это, начавъ съ пищи, какъ перваго начала нашей жизни.

Аристиппъ: И по моему мнѣнію, пища главная вещь для жизни; безъ пищи никто и жить неможетъ.

Сократъ: По этому оба они, когда прійдетъ время, вѣрно, захотятъ и покушать?

Аристиппъ: Да.

Сократъ: Котораго же изъ нихъ будемъ пріучать заниматься предподчительнѣе государственными дѣлами, чѣмъ чревоугожденіемъ?

Аристиппъ: Безъ сомнѣнія того, кто готовился быть начальникомъ, для того, чтобъ въ его правленіе не остановились дѣла государственныя.

Сократъ: Не тому же ли надобно предложить и то, чтобъ онъ научился переносить и жажду, когда захочется имъ пить?

Аристиппъ: Конечно такъ.

Сократъ: А быть умѣреннымъ во снѣ, такъ чтобъ ложиться спать поздно, вставать рано, а въ случаѣ нужды, и вовсе не спать, которому изъ нихъ предложимъ это?

Аристиппъ: И это тому же.

Сократъ: А удерживаться отъ любострастныхъ дѣлъ, чтобъ онѣ не препятствовали заниматься нужнымъ?

Аристиппъ: И это надобно внушить ему же.

Сократъ: Чтобъ неуклоняться отъ трудовъ, но съ охотою переносить ихъ,—это чья будетъ должность?

Аристиппъ: Безъ сомнѣнія того же, кто хочетъ быть начальникомъ.

Сократъ: Чтожъ еще? Кажется учатъ еще, какъ побѣждать непріятелей; которому изъ нихъ нужна эта наука?

Аристиппъ: Преимущественно тому, кто предназначаетъ себя въ начальники; ибо безъ этой науки и прочія помянутыя познанія будутъ безполезны для него.

Сократъ: Такимъ образомъ приготовленный, и по твоему мнѣнію, не скорѣе ли избѣжитъ опасности попасть въ сѣти, разставленныя не-

пріятелемъ, чѣмъ прочія животныя? Ибо нѣкоторыя изъ безсловесныхъ животныхъ, побуждаемыя прожорливостью, отъ природы даже очень боязливыя, но нудимыя голодомъ, сами бѣгутъ на прикормъ и попадаютъ въ ловушки, а нѣкоторыя изъ нихъ съ жажды бросаются на питье, и тутъ же въ сѣти.

Аристиппъ: Правда.

Сократъ: По этому правда и то, что нѣкоторыя изъ безсловесныхъ, какъ то перепѣла́ и ку́ропати, желая и надѣясь удовлетворить естественному побужденію къ пониманію, летятъ на голосъ самки, и, не думая о предстоящихъ имъ опасностяхъ, попадаютъ въ сѣти.

Аристиппъ: Я согласенъ и съ этимъ.

Сократъ: Слѣдовательно, и по твоему мнѣнію, не стыдно ли человѣку вдаваться въ оди-

наковыя съ безсловесными животными страсти? Такъ, прелюбодѣй, зная, что предстоитъ ему опасность потерпѣть то, чѣмъ угрожаютъ законы, т. е. и быть пойману и подвергнуться осмѣянію, вламывается въ запертые домы, и, не смотря на предстоящія ему бѣду и безславіе, тогда какъ еще есть много средствъ, могущихъ отклонить его отъ любодѣйныхъ желаній, какъ бы погоняемый чѣмъ-то безстрашно несется на явныя опасности. Не есть ли это дѣло какъ бы одержимаго злымъ духомъ?

Аристиппъ: И мнѣ кажется также.

Сократъ: У человѣка бываетъ весьма много самыхъ нужныхъ дѣлъ, коими онъ долженъ заниматься подъ открытымъ небомъ; сюда отнести можно: дѣла военныя, полевыя работы и т. д., межлу тѣмъ многіе непривыкаютъ къ холоду и зною; не чрезвычайное ли это нерадѣніе?

Аристиппъ: Дѣйствительно такъ.

Сократъ: А будущій начальникъ долженъ упражняться въ этомъ; слѣдовательно и терпѣливо сносить и холодъ и зной.

Аристиппъ: Конечно.

Сократъ: И такъ, если только могущихъ переносить трудности и воздерживаться отъ удовлетворенія страстямъ предназначаемъ въ начальники; то-людей безъ таковыхъ достоинствъ не слѣдуетъ ли помѣстить въ разрядъ тѣхъ, кои недолжны и подумать о томъ, чтобъ быть начальниками?

Аристиппъ: Правда.

Сократъ: И такъ что же? Теперь ты, зная требованія и того и другаго разряда людей, подумалъ ли когда нибудь самъ съ собою, въ

который изъ этихъ разрядовъ пожелалъ бы ты законно и праведно помѣстить себя самого?

Аристиппъ: Я никакъ немогу помѣстить себя въ разрядъ желающихъ быть начальниками, и мнѣ кажется, весьма глупо было бы въ то время, какъ великаго труда стóитъ намъ исправить свои собственныя нужды, недовольствоваться этимъ и браться за дѣла другихъ, предлагать другимъ заниматься ихъ дѣлами. У самúхъ не достаетъ времени на многое, очень нужное, а взяться за дѣла гражданъ и неисполнить того, чтó требуется обществомъ, это значитъ прямо подвергать себя взысканіямъ, даже наказанію. Не есть ли это дѣло великой глупости? Ибо и градскія общества хотятъ, чтобъ ихъ начальники были для нихъ тѣмъ же, чѣмъ для меня мой слуга. А я требую, чтобъ мой слуга въ довольствѣ приготовлялъ для меня все нужное, а самъ не прикасался ничему изъ приготовленнаго. Такъ и городскія общества

хотятъ поступать съ своими начальниками, т. е. чтобъ они доставляли обществу какъ можно больше выгодъ, а сами не участвовали въ нихъ. И такъ я желающихъ имѣть много занятій, и доставлять занятія и самимъ себѣ и другимъ, по надлежащемъ ихъ образованіи, опредѣлилъ бы въ начальники, а себя самаго помѣщаю въ число тѣхъ, кои желаютъ проводить жизнь со всѣми удобствами и во всѣхъ удовольствіяхъ.

Сократъ: Угодно; разсмотримъ и то, кто проводитъ жизнь болѣе пріятную, начальники, или подчиненные?

Аристиппъ: Согласенъ.

Сократъ: И во первыхъ, изъ извѣстныхъ намъ народовъ въ Азіи властвуютъ Персы, а имъ подчинены Сиріяне, Фригійцы и Лидяне; въ Европѣ властвуютъ Скиѳы, а имъ подвластны Мэотійцы; въ Ливіи властвуютъ Карѳагеняне, и Ливійцы подвластны имъ. По твоему мнѣнію, которые изъ нихъ живутъ лучше? И

изъ Грековъ, въ числѣ коихъ и ты, которые, думаетъ, проводятъ жизнь болѣе пріятную, начальствующіе, или подчиненные?

Аристиппъ: Я не хочу быть и въ числѣ рабовъ; думаю, есть еще средняя дорога, по которой и я хочу идти, т. е. не быть ни начальникомъ, ни рабомъ, но быть свободнымъ, что́ преимущественно и способствуетъ счастію.

Сократъ: Если эта доро́га нейдетъ ни чрезъ начальство, ни чрезъ рабство, слѣдовательно и не чрезъ людей; что же скажешъ еще? А живя между людьми, можешъ ли сказать, что ты не хочешъ быть ни начальникомъ, ни подчиненнымъ, и что ты не хочешъ почитать властей? Я думаю, ты видишъ, какъ сильные поступаютъ съ слабыми, они поступаютъ съ ними какъ съ рабами и заставляютъ ихъ лить слезы и при людяхъ, и особенно наединѣ. Или ты незнаешъ, что сильные, когда слабые посѣютъ

хлѣбъ и посадятъ деревья, сжинаютъ посѣвы ихъ и вырубаютъ деревья, и всѣми способами тѣснятъ слабыхъ, особенно не расположенныхъ угождать имъ, тѣснятъ до тѣхъ поръ, пока таковыми средствами наконецъ заставятъ ихъ лучше согласиться на всѣ виды низкаго рабства, чѣмъ тягаться съ сильными? Развѣ не знаешъ, что и въ частной жизни смѣлые и сильные, обративъ въ свои рабы трусовъ и малосильныхъ, извлекаютъ изъ нихъ свои выгоды?

Аристиппъ: Но я, чтобъ не потерпѣть этого, нигдѣ нехочу быть гражданиномъ; я хочу быть всемірнымъ странникомъ.

Сократъ: Вотъ славная уловка! Правда, съ того времени, какъ умерли Синисъ, Скиронъ и Прокрустъ, никто необижаетъ странниковъ, и нынѣ царствующіе въ своихъ отечествахъ издаютъ законы, чтобъ никто необижалъ ихъ, и,

кромѣ своихъ родственниковъ, въ друзьяхъ своихъ пріобрѣтаютъ себѣ новыхъ помощниковъ, ограждаютъ города крѣпостями, запасаютъ оружіе для защиты противъ людей непріязненныхъ, и сверхъ того заготовляютъ для себя внѣшнихъ союзниковъ; и не смотря на все это, странники не безопасны отъ оскорбленій со стороны другихъ.

А ты, не имѣя ничего такого и обязываясь проводить бо́льшую часть времени въ дорогахъ, гдѣ обиды не рѣдкость, въ какой городъ ни-прійдешъ, будешъ ни́же всѣхъ гражданъ, будешъ первымъ предметомъ для насмѣшекъ, потому именно, что ты иностранецъ, недумаешъ ли ты избѣжать всѣхъ этихъ и подобныхъ непріятностей? Или ты отваживаешся на это потому, что будто городскія общества торжественно согласятся обѣщать тебѣ безопасность и въ то время, когда будешъ входить въ городъ и когда будешъ выходить изъ него? Или надѣешся по-

ступить къ кому нибудь въ услуженіе, и по своей неспособности, и неопытности, не будешъ служить съ пользою для своего господина? Но кто согласится имѣть въ своемъ домѣ такого человѣка, который трудиться не хочетъ, а любитъ только попить, да поѣсть? Обратимъ еще вниманіе и на то, какъ господа обращаются съ таковыми слугами. Не голодомъ ли укращаютъ ихъ сладострастныя желанія? Чтобъ не воровали, запираютъ отъ нихъ все; чтобъ не убѣжали, заковываютъ ихъ въ желѣза, а лѣность выбиваютъ изъ нихъ плетями. Или ты иначе поступаешъ, если замѣтишъ таковымъ кого нибудь изъ своихъ рабовъ?

Аристиппъ: И я наказываю таковаго всѣми способами до тѣхъ поръ, пока не станетъ служить, какъ слѣдуетъ. Но, любезный Сократъ! обучающіеся скиптродержавію, которую должность, кажется, ты почитаешъ высочайшимъ благомъ, если, по доброй волѣ будутъ терпѣть

голодъ, жажду, холодъ, будутъ проводить ночи безъ сна, терпѣливо переносить всѣ труды, чѣмъ же будутъ отличаться отъ тѣхъ, кои, по необходимости, подвергаются всѣмъ этимъ и подобнымъ злостраданіямъ? Я не знаю, какое различіе въ томъ, когда одну и ту же кожу сѣкутъ розгами съ согласія, или безъ согласія ея хозяина, или когда вообще одно и тоже тѣло волею или неволею штурмуется всѣми помянутыми бѣдствіями? Есть ли другое, кромѣ того, что добровольно подвергающійся таковымъ непріятностямъ во все безразсуденъ?

Сократъ: Какъ же ты думаешъ, Аристиппъ, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ различія между тѣми, кто подвергается имъ по доброй волѣ, и кто по неволѣ? Ибо добровольно терпящій голодъ, когда только захочетъ, можетъ тотчасъ и утолить его; добровольно терпящій жажду, когда только захочетъ, можетъ тутъ же и напиться, и т. д. Напротивъ терпящій это по

необходимости не можетъ удовлетворить своимъ даже самымъ сильнымъ желаніямъ. Сверхъ того добровольно терпящій что нибудь утѣшается будущими пріятными надеждами, подобно охотникамъ, кои, не смотря на всѣ трудности, слѣдятъ звѣря, надѣясь поймать его. Но эти награды за таковые труды еще небольша́го сто́ютъ. А о тѣхъ, кои трудятся для того, чтобъ пріобрѣсти добрыхъ друзей, или побѣдить непріятелей, или чтобъ, сдѣлавшись сильными и по душѣ и по тѣлу, хорошо управлять своимъ хозяйствомъ, дѣлать добро своимъ друзьямъ и благотворить своему отечеству, какъ ты думаешъ, не съ удовольствіемъ ли они трудятся, своевременно наслаждаясь радостями жизни, утѣшаясь сами собою и заслуживая похвалу и соревнованіе отъ другихъ?

А изнѣженность и минутныя удовольствія не способствуютъ здоровью тѣла, какъ замѣчаютъ учители гимнастики, и не обогащаютъ душу

достойными ея познаніями; напротивъ того усидчивыя занятія помогаютъ намъ достигать честнаго и добраго, какъ говорятъ знаменитые мужи древности; на пр. Гезіодъ:

Τὴν μὲν γὰρ κακότητα καὶ ἱλαδόν ἐστιν ἑλέσθαι
Ῥηϊδίως. Λείη μὲν ὁδὸς, μάλα δ' ἐγγύθι ναίει.
Τῆς δ' ἀρετῆς ἱδρῶτα θεοὶ προπάροιθεν ἔθηκαν
Ἀθάνατοι. Μακρὸς δὲ καὶ ὄρθιος ὶμος ἐπ' αὐτήν
Καὶ τρηχὺς τὸ πρῶτον. Ἐπὴν δ' εἰς ἄκρον ἱκήαι,
Ῥηϊδίη δὶ ἔπειτα πέλει, χαλεπὴ περ ἐοῦσα.

Легко и кучами приходитъ къ намъ зло; доро́га къ нему гладкая; живетъ оно очень близко; а передъ дверями добродѣтели безсмертные боги поставили потъ и труды; путь къ ней длиненъ; хотя и прямой, но шероховатый, особенно при началѣ; когда дойдешъ до конца его, покажется легокъ, не смотря на всѣ его трудности.

Эпихармъ:

. . . . . τῶν πόνων
Πωλοῦσιν ἡμῖν πάντα τ' ἀγαθὰ θεοί.

За труды боги тотчасъ даютъ намъ всѣ блага.

Онъ же въ другомъ мѣстѣ:

. . . . . Ὦ πονηρέ συ,
Μή μοι τὰ μαλακὰ μώμεο, μὴ τὰ σκληῤ ἔχῃς.

Глупый! Неиспытавъ горькаго, неполучишъ и сладкаго.

И мудрый Продикъ въ извѣстномъ сочиненіи о Геркулесѣ, помнится мнѣ, такъ изображаетъ добродѣтель:

Геркулесъ, перешедъ изъ дѣтскаго возраста въ юношескій (въ коемъ возрастѣ молодые

люди, дѣйствуя уже по своей волѣ, выказывают, по какому пути хотятъ идти въ этой жизни, по пути ли добродѣтели, или порока) въ этомъ возрастѣ удалившись въ уединеніе, сѣлъ тамъ и размышлялъ самъ въ себѣ, который путь избрать ему. Въ это время представилось ему, будто подходятъ къ нему двѣ женщины величественнаго вида, одна красивая, благолѣпная, благородная, тѣло ея отъ природы украшено непорочностію, взоръ стыдливостью, поступь скромностью, въ бѣлой одеждѣ, а другая упитанная, толстая, мягкая, разнаряженная, набѣленая, нарумяненая, подтянутая донельзя, глаза безстыжіе, сквозь прозрачную одежду виднѣются ея прелести, сплошь заглядывалась на самую себя, замѣчала, смотрятъ ли на нее другіе, почасту смотрѣла даже на свою тѣнь.

Приближаясь къ Геркулесу, первая шла ровно, а другая, желая опередить ее, подбѣжала къ нему и начала говорить: Любезный Герку-

лесъ! я вижу, ты недоумѣваешъ, какой избрать тебѣ путь въ этой жизни. Если полюбишъ меня, я поведу тебя путемъ самымъ пріятнымъ и самымъ удобнымъ; ты будешъ вкушать всѣ наслажденія и проведешъ жизнь безъ всякихъ непріятностей; ты не будешъ имѣть надобности заботиться ни о войнахъ, ни о другихъ дѣлахъ, а будешъ помышлять только о томъ, что́ бы къ душѣ съѣсть и выпить, что́ можетъ доставлять наслажденіе и твоему слуху, и твоему обонянію, и твоему осязанію, съ какими людьми бесѣдуя можешъ вкушать всѣ радости, какъ можешъ сладостно поспать и какъ достигать всего этого безъ малѣйшихъ трудовъ.

Если будешъ недоумѣвать, откуда все это будетъ, не бойся; для того, чтобъ достать это, незаставлю ни трудиться, ни бѣдствовать ни твое тѣло, ни твою душу; другіе будутъ работать, а ты будешъ поѣдать труды ихъ, и не жалѣй ничего, лишъ бы только захотѣлось

тебѣ пріобрѣсть что нибудь. Моимъ поклонникамъ даю власть пользоваться всѣмъ отовсюду.

Геркулесъ, выслушавъ это, спросилъ ее: Любезная! какъ тебѣ имя? Друзья мои зовутъ меня счастіемъ, а недобродѣлатели, изъ зависти, прозвали меня порокомъ, чувственностію.

Между тѣмъ подходитъ другая женщина и говоритъ: Геркулесъ! Зная твоихъ родителей и твои способности къ наукамъ, вотъ и я къ твоимъ услугамъ. Надѣюсь, что ты, если пойдешъ по пути, который ведетъ ко мнѣ, совершишъ дѣла́ славныя и честныя и еще болѣе прославишъ меня; счастіе, полученное тобою отъ меня, будетъ служить къ бо́льшей моей чести.

Я не буду обольщать тебя предварительными похвалами чувственнымъ удовольствіямъ; но, согласно совѣтамъ боговъ, поправдѣ объясню

тебѣ самое дѣло. Ничего ни добраго, ни честнаго боги не даютъ людямъ безъ труда и старанія, и если хочешъ, чтобъ боги были милостивы къ тебѣ, надобно чествовать ихъ; если хочешъ, чтобъ друзья любили тебя, ты долженъ дѣлать имъ добро; если хочешъ заслужить честь отъ общества, долженъ доставлять ему выгоды; если хочешъ, чтобъ вся Грецiя удивлялась твоимъ добродѣтелямъ, старайся дѣлать добро всей Греціи; если хочешъ, чтобъ земля приносила тебѣ обильные плоды, тщательно воздѣлывай ее; если хочешъ обогатиться отъ стадъ твоихъ, ухаживай за ними; если хочешъ возвыситься посредствомъ войны, освободить друзей и побѣдить непріятелей, изучи для этого военныя науки у людей свѣдущихъ въ нихъ и собственнымъ въ нихъ упражненіемъ дознай, какъ прилагать ихъ къ дѣлу; если хочешъ быть силенъ тѣломъ, заставь тѣло покоряться разуму и упражняй тѣло трудами и потовыми подвигами.

Чувственность, говоритъ Продикъ, перебивъ рѣчь, еще сказала: Геркулесъ! Видишъ ли сколь трудный и длинный путь къ радостямъ предлагаетъ тебѣ эта госпожа? А я бы повела тебя къ счастью путемъ гладкимъ и кратчайшимъ?

Добродѣтель на это сказала: несчастное творенье! Что у тебя добраго? О какихъ удовольствіяхъ мечтаешъ ты, нисколько не желая потрудиться для нихъ? Ты не дожидаешся позыва къ наслажденію удовольствіями; прежде чѣмъ явится желаніе, ты удовлетворяешъ ему; ѣшъ, нечувствуя еще голода; пьешъ, неимѣя жажды; чтобъ сладко поѣсть, нанимаешъ лучшихъ поваровъ; чтобъ насладиться питьями, покупаешъ дорогія ви́на; среди лѣта бѣгаешъ по лавкамъ, ищешъ, гдѣ бы купить снѣгу; чтобъ сладостно поспать, не только приготовляешъ мягкія посте́ли, но и пышныя кровати и ковры подъ постели и подъ ноги. И спать ложишся

не отъ утомленія трудами, а отъ нечего дѣлать. Къ дѣламъ любострастнымъ, прежде естественаго побужденія къ нимъ, всячески принуждаешъ себя и для этого выдумываешъ всѣ способы; для удовлетворенія этой страсти употребляешъ и женскій и мужескій полъ; такъ ты учишъ своихъ друзей, ночью побуждая ихъ ко всѣмъ видамъ распутства, и лучшую часть времени, — день заставляешъ проводить во снѣ. Хотя ты называешъ себя безсмертною, но богами отвержена и добрые люди ругаютъ тебя, и, что́ всего пріятнѣе, слышать похвалу себѣ самой, ты никогда не услышишъ ея, и что́ всего пріятнѣе видѣть, ты никогда неувидишъ. Ибо ты никогда не увидишъ у себя ни одного даже порядочнаго поступка. Кто же повѣритъ однимъ словамъ твоимъ? Кто удовлетворитъ твоимъ требованіямъ? Кто здравосмыслящій захочетъ быть съ тобой въ дружбѣ? Поклонники твои, молодые люди, преждевременно разслабѣваютъ тѣломъ, старики доходятъ до безумія;

беззаботно проводя молодость, щеголяютъ, а въ старости постигаютъ ихъ труды и бѣдность; старики стыдятся прежнихъ своихъ дѣлъ; въ ихъ возрастѣ уже тяжело, даже соединено съ болѣзнями выполненіе твоихъ желаній; въ молодости на перерывъ другъ предъ другомъ переиспытываютъ всѣ удовольствія, а на старость оставляютъ себѣ одну скуку.

А я живу съ богами, живу съ людьми добрыми; безъ меня ни у боговъ, ни у людей не совершается ни одно доброе дѣло. Меня чествуютъ больше всего и боги, и люди чествуютъ, какъ слѣдуетъ: Художникамъ я любимая помощница, для господъ вѣрный стражъ ихъ домовъ, благосклонная заступница рабовъ, добрая помощница въ мирныхъ трудахъ, вѣрная союзница въ военныхъ дѣйствіяхъ, самая лучшая общительница друзей. Для друзей моихъ служатъ наслажденіемъ неизысканныя и пища и питье; они вкушаютъ ихъ, пока чувствуютъ

необходимую потребность. Сонъ для нихъ пріятнѣе, чѣмъ для нетрудившихся; встаютъ весело и для сна не забываютъ своихъ обязанностей. Молодые люди интересуются похвальными о себѣ отзывами старшихъ; старшіе, заслуженнѣйшіе, восхищаются почестями, какія воздаютъ имъ младшіе; старшіе съ пріятностью вспоминаютъ о прежнихъ своихъ дѣлахъ, и чувствуютъ удовольствіе, по надлежащему занимаясь исполненіемъ настоящихъ обязанностей; чрезъ меня люди бываютъ пріятны богамъ, милы друзьямъ и почтенны въ глазахъ соотчичей. Когда прійдетъ назначенная судьбою кончина, они не предаются забвенію и не остаются безъ должныхъ почестей, но вѣчно цвѣтутъ, прославляемые въ памяти потомковъ. Геркулесъ сынъ добрыхъ родителей! И ты, потрудившись такимъ образомъ, пріобрѣтешъ самое лучшее счастіе.

Такъ Продикъ излагаетъ предложенное Геркулесу добродѣтелью наставленіе. Мысли эти

у него изложены еще лучше, чѣмъ у меня. Аристиппъ! и тебѣ прилично подумать о ея урокахъ и упрочить ихъ для будущаго времени твоей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Однажды замѣтивъ, что старшій сынъ его Лампроклъ досадуетъ на мать свою, сказалъ

Сократъ: Скажи мнѣ, Лампроклъ; ты знаешъ тѣхъ людей, коихъ зовутъ неблагодарными?

Лампроклъ: Знаю.

Сократъ: Вѣрно, замѣчалъ ты, какъ поступаютъ эти люди?

Лампроклъ: Замѣчалъ: Неблагодарными называютъ тѣхъ, кои, бывъ облагодѣтельствованы,

не воздаютъ за благодѣянія должнымъ образомъ, будучи сами въ состояніи сдѣлать это.

Сократъ: Слѣдовательно и по твоему мнѣнію, надобно помѣстить ихъ въ число людей несправедливыхъ?

Лампроклъ: Конечно, и я этого мнѣнія.

Сократъ: Принималъ ли ты когда нибудь въ соображеніе, что обращать друзей въ рабство дѣло не законное, а такимъ образомъ слѣдуетъ поступать со врагами: такъ не справедливо и быть неблагодарнымъ въ отношеніи къ своимъ друзьямъ, тогда какъ это не хорошо даже въ отношеніи ко врагамъ?

Лампроклъ: И очень. Мнѣ кажется, вообще несправедливъ тотъ, кто, получивъ благодѣяніе отъ друга или недруга, не старается отблагодарить за это.

Сократъ: А если это такъ; то не благодарность не есть ли явная несправедливость?

Лампроклъ: Конечно такъ.

Сократъ: По этому кто чѣмъ больше получаетъ благодѣяній и не воздаетъ за нихъ благодарностью, тотъ тѣмъ болѣе несправедливъ?

Лампроклъ: Да.

Сократъ: Кто же больше получаетъ благодѣяній, какъ не дѣти отъ родителей? Родители, сотворивъ ихъ изъ ничего, даютъ имъ случай созерцать столько красотъ въ мірѣ и участвовать во всѣхъ тѣхъ благахъ, которыя боги даруютъ людямъ; это, кажется, для насъ дороже всего; по этому мы больше всего и боимся лишиться этихъ благъ. И государства за самыя величайшія злодѣянія назначили въ наказаніе смерть, такъ какъ уже не нашли другой ужаснѣйшей казни для обузданія злодѣевъ.

Не думай, что законная чета рождаетъ дѣтей для удовлетворенія чувственнымъ пожеланіямъ, когда предметами, служащими къ удовлетворенію собственно любострастію, наполнены большія улицы и цѣлые непотребные домы. При расположеніи имѣть дѣтей мы должны имѣть въ соображеніи то, отъ какихъ лицъ могутъ родиться намъ хорошія дѣти, и, законно женясь на избранныхъ нами лицахъ, съ ними и должны рождать дѣтей. Мужъ питаетъ свою жену и будущимъ своимъ дѣтямъ заготовляетъ все нужное для ихъ жизни, и при томъ въ возможно большемъ количествѣ; а жена, принявъ бремя, носитъ ето, чувствуетъ тягость, иногда подвергаетъ жизнь свою опасности, съ зарожденнымъ дѣлится пищею, которою сама питается, и, съ великимъ трудомъ сносивъ бремя, съ муками невыразимо тяжкими рождаетъ зачатое; кормитъ и лелѣетъ младенца, который ничѣмъ неможетъ заплатить ей за это, который незнаетъ, отъ кого онъ получилъ бытіе, это

величайшее благо, который даже неможетъ показать знаками, что́ для него нужно; сама мать, догадываясь, что́ можетъ быть полезно и пріятно для дитяти, старается выполнять его желанія; и такимъ образомъ питаетъ его долгое время, и радушно безпокоясь о немъ и днемъ и ночью, не знаетъ, какую получитъ благодарность за все это.

Родители еще не довольствуются тѣмъ, чтобъ только вскормить дѣтей, но, замѣтивъ въ нихъ способность къ наукамъ, обучаютъ ихъ всему полезному для жизни, сколько могутъ, сами дома, а узнавъ, что есть другіе способнѣйшіе учители, посылаютъ дѣтей къ нимъ, не жалѣя никакихъ на это издержекъ; безпрестанно хлопочутъ о нихъ и дѣлаютъ все, чтобъ только дѣти ихъ вышли лучшими людьми.

Лампроклъ: Хотя бы мать моя слѣлала все это и еще многимъ бо́льшее; и тогда никто не вытерпѣлъ бы ея крутаго нрава.

Сократъ: Какъ ты думаешъ? Труднѣе ли перенесть лютость звѣря, или крутой нравъ матери?

Лампроклъ: Я думаю, послѣднее труднѣе, особенно такой матери, какъ моя.

Сократъ: Развѣ она когда нибудь кусала, или топтала тебя, и тѣмъ причинила тебѣ такое ужасное зло, какое часто случается терпѣть отъ звѣрей?

Лампроклъ: Клянусь Зевсомъ; она ругаетъ меня такими словами, какихъ никто незахотѣлъ бы слышать во всю свою жизнь.

Сократъ: А ты сколько надоѣдалъ ей, подумай; въ дѣтствѣ и крикомъ и своими причудами мучилъ ее; сколько причинилъ ей печали твоею болѣзнью?

Лампроклъ: Я никогда ни сказалъ, ни сдѣлалъ ей ничего такого, отъ чего она могла бы вспыхнуть.

Сократъ: Тяжелѣе ли тебѣ слушать ея ругачьки, чѣмъ актерамъ разныя колкости, кои они говорятъ другъ другу въ трагэдіяхъ? Я думаю, они переносятъ это равнодушно, потому что не думаютъ, чтобъ ругающій ругалъ своего товарища для того, чтобъ причинить ему вредъ и угрожающій угрожалъ другому съ тѣмъ, чтобъ на самомъ дѣлѣ выполнить свои угрозы? А ты, хорошо зная, что мать, когда говоритъ тебѣ что нибудь, говоритъ безъ худаго умысла, а единственно потому, что желаетъ тебѣ столько добра, сколько никому другому; и ты на нее досадуешъ? Или думаешъ, что мать желаетъ тебѣ зла?

Лампроклъ: Нѣтъ, недумаю этого.

Сократъ: И такъ ту, которая хорошо расположена къ тебѣ, которая, сколько есть силъ, старается и хлопочетъ о тебѣ, когда ты бываешъ болѣнъ, старается, чтобъ ты былъ здоровъ и не нуждался ни въ чемъ потребномъ, сверхъ того даетъ богамъ за тебя обѣты, совершаетъ молитвы, ты называешъ жестокою? Изъ этого я заключаю, что если ты неможешъ терпѣть такой матери; и всякое добро будетъ несносно для тебя. Скажи еще мнѣ: вообще нужно ли кому нибудь воздавать почтеніе? Или ты такъ настроилъ себя, что не хочешъ никому ни угождать, ни послѣдовать, ни повиноваться ни градоначальнику, ни другимъ властямъ?

Лампроклъ: Не скажу этого.

Сократъ: По этому ты будешъ угождать и сосѣду, чтобъ онъ иногда далъ тебѣ огня, т. е. когда нужно будетъ, и находясь близко, помогъ тебѣ въ какомъ нибудь случаѣ, особенно при какомъ либо нещастіи?

Лампроклъ: Конечно.

Сократъ: Что же? Или для тебя все равно имѣть товарищемъ въ дорогѣ, или во время плаванія по морю, или въ другомъ случаѣ друга, или недруга? Не должно ли дорожить благорасположенностью людей?

Лампроклъ: Непремѣнно.

Сократъ: И такъ ты рѣшаешся дорожить добрымъ къ тебѣ расположеніемъ другихъ, а мать, которая любитъ тебя больше всѣхъ, нехочешъ уважать? Развѣ незнаешъ, что государство не обращаетъ особеннаго вниманія на другіе роды неблагодарности и не подвергаетъ ихъ суду; даже не воздающихъ благодарностью за благодѣянія наказываетъ только презрѣніемъ; но того, кто не почитаетъ родителей, подвергаетъ жестокому наказанію, даже не позволяетъ ему участвовать въ народныхъ выборахъ, не-

допускаетъ къ должностямъ, и приносимыя имъ при общественномъ богослуженіи жертвы не угодны богамъ, потому что онъ неможетъ ничего дѣлать ни добраго, ни справедливаго? Клянусь Зевсомъ! Государство при народныхъ выборахъ въ архонты не позволяетъ балтироваться въ эту должность тѣмъ, кто не украсилъ гробовъ умершихъ своихъ родителей. По этому ты, сынъ мой любезный, пока въ здравомъ умѣ, моли боговъ, чтобъ они простили тебѣ неуваженіе, оказанное тобою матери и не почли тебя неблагодарнымъ и недостойнымъ ихъ милостей; а въ отношеніи къ другимъ людямъ веди себя такъ осторожно, чтобъ они не замѣтили таковаго твоего поведенія къ родителямъ, не обезславили тебя и наконецъ не оставили тебя безъ друзей. Ибо другіе, замѣтивъ, что ты неблагодаренъ въ отношеніи къ родителямъ, пожалуй, не повѣрятъ, что за оказываемое тебѣ благодѣяніе будешъ отплачивать хотя благодарностью.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Однажды замѣтивъ, что братья Хэрефонъ и Хэрекратъ, знакомые и ему, не согласно живутъ между собою, при свиданіи съ послѣднимъ, спросилъ его

Сократъ: Хэрекратъ! Скажи мнѣ, и ты не изъ числа ли тѣхъ людей, которые думаютъ, что богатства полезнѣе единственнаго брата, несмотря на то, что первыя неодушевленны, а послѣдній имѣетъ разумъ; первыя требуютъ хлопотъ, а послѣдній самъ можетъ помогать другимъ, первыхъ можетъ быть очень много, а послѣдній одинъ? Удивительно и то, что мы

иногда считаемъ братьевъ въ тяжесть себѣ, когда не можемъ завладѣть ихъ имѣніемъ, а сограждан-ъ не считаемъ себѣ въ тягость за то, что не обладаемъ имѣніями всѣхъ ихъ, здѣсь мы должны бы принимать въ соображеніе то, что лучше жить вмѣстѣ со многими и спокойно имѣть довольство во всемъ, чѣмъ, съ опасностью завладѣвши имѣніями всѣхъ, жить одиноко, чего къ братьямъ не хотѣлось бы прилагать.

И состоятельные люди покупаютъ рабовъ для того, чтобъ имѣть себѣ сотрудниковъ, а друзей пріобрѣтаютъ потому, что имѣютъ нужду въ помощникахъ, а между тѣмъ нѣкоторые вовсе незаботятся о братьяхъ, какъ будто изъ сограждан-ъ можно пріобрѣсть себѣ друзей, а изъ братьевъ нельзя сдѣлать этого. Напротивъ родиться отъ однихъ и тѣхъ же родителей и быть воспитану вмѣстѣ, это очень много способствуетъ эружбѣ. Ибо и между звѣрями вскормленные одною и тою же матерью имѣютъ между собою

дружелюбное сочувствіе. Сверхъ того и другіе больше уважаютъ тѣхъ, у кого есть братья, даже меньше нападаютъ на нихъ.

Хэрекратъ: Сократъ! Если не будетъ уважительныхъ причинъ къ раздорамъ, надобно терпѣть брата и изъ мелочей не должно чуждаться его; ибо братъ, какъ и ты говоришъ, есть божіе дарованіе, особенно если онъ таковъ, каковымъ долженъ быть; но если вовсе не будетъ въ немъ ничего братскаго, и если будетъ въ немъ вовсе противное братской любви; то должно ли будетъ терпѣть его?

Сократъ: Хэрекратъ! Ужели Хэрефонъ не можетъ угождать и другимъ, какъ и тебѣ; или есть и такіе, кому и онъ угождаетъ?

Хэрекратъ: Сократъ! Потому-то мнѣ и слѣдуетъ ненавидѣть его, что онъ считаетъ возможнымъ угождать другимъ, а мнѣ, гдѣ бы онъ

нибылъ, вездѣ и словомъ и дѣломъ больше всего старается вредить.

Сократъ: Какъ конь неопытному всаднику, который вздумалъ бы ѣхать на немъ, легко можетъ причинить вредъ; такъ и братъ можетъ причинить вредъ своему брату, если сей послѣдній не съумѣетъ приспособляться къ его характеру.

Хэрекратъ: Ужели жъ я не съумѣю обращаться съ братомъ, умѣя оказывать къ нему свое доброе расположеніе и словами и дѣлами, ужели не съумѣю сдѣлать этого, когда и онъ самъ будетъ благорасположенъ ко мнѣ и на словахъ и на дѣлѣ? Но кто будетъ стараться оскорблять меня и словами и дѣломъ; тому и я не могу, даже не хочу дѣлать добра ни на словахъ, ни на дѣлѣ.

Сократъ: Хэрекратъ! Ты говоришъ удивительныя вещи. Если бы собака, которая умѣетъ

сторожить твоихъ овецъ и ласкаться къ пастухамъ, злобно залаяла на тебя, увидѣвъ, что ты идешъ къ стаду; безъ сомнѣнія ты, не сердясь, приласкалъ бы и успокоилъ бы ее; а брата, коего ты называешъ великимъ благомъ, и который находится въ должномъ къ тебѣ отношеніи, умѣя, даже по твоему сознанію, хорошо обращаться и ласково говорить съ другими, ты будто ненайдешъ уже никакихъ средствъ сдѣлать самымъ добрымъ и благорасположеннымъ къ тебѣ?

Хэрекратъ: Сократъ! Что-то я сомнѣваюсь; я неимѣю такаго умѣнья, чтобъ сдѣлать Хэрефона такимъ, какимъ онъ долженъ быть въ отношеніи ко мнѣ.

Сократъ: А по моему мнѣнію, для этого ненужно выдумывать ничего хитраго, ничего новаго; тѣми способами, кои ты самъ знаешъ, я думаю, онъ убѣдится и будетъ уважать тебя.

Хэрекратъ: Сдѣлай милость, скажи мнѣ напередъ, какое знаю я для него приворотное средство, о коемъ будто бы я забылъ?

Сократъ: А ты скажи мнѣ, какъ бы поступилъ ты, если бы какой нибудь твой знакомецъ сталъ звать тебя на жерственный пиръ?

Хэрекратъ: Извѣстно; напередъ я самъ позвалъ бы его на такой праздникъ.

Сократъ: А какъ бы поступилъ ты, если бы, отправляясь въ путешествіе, захотѣхъ попросить кого нибудь изъ твоихъ друзей имѣть хожденіе по твоимъ дѣламъ?

Хэрекратъ: Безъ сомнѣнія, я самъ напередъ постарался бы озаботиться его дѣлами во время его отсутствія.

Сократъ: Что сдѣлалъ бы ты, если бы захотѣлъ, чтобъ какой нибудь иностранецъ при-

нялъ тебя хорошо, когда прійдешъ въ ихъ городъ?

Хэрекратъ: Конечно напередъ я постарался бы радушно принять его у себя, когда пришелъ бы онъ въ Аѳины. А если бы я пожелалъ, чтобъ онъ помогъ мнѣ въ дѣлахъ, по коимъ я приходилъ въ ихъ городъ, безъ сомнѣнія я самъ напередъ постарался бы услужить ему и въ этомъ отношеніи.

Сократъ: Изъ этого видно, что ты, зная всѣ этѣ издавна существующія между людьми приворотныя зелья, доселѣ таилъ ихъ. Или нехочешъ первый начать мириться съ братомъ потому, будто это будетъ для тебя низко. Мнѣ кажется, особенную похвалу заслуживаетъ тотъ, кто первый старается нанести вредъ врагамъ, а друзьямъ доставить пользу. И если бы я замѣтилъ, что Хэрефонъ будетъ склоннѣе тебя къ таковому образу мыслей, я попытался бы

убѣдить его, чтобъ онъ предупредилъ тебя въ возобновленіи братской пріязни; но теперь представилось мнѣ, что ты лучше можетъ начать и лучше можешъ выполнить это.

Хэрекратъ: Сократъ! Ты говоришъ нелѣпыя вещи, вовсе неприличныя тебѣ: мнѣ младшему совѣтуешъ начать дѣло. Между людьми, кажется, бываетъ иначе, обыкновенно старшему предоставляется честь начинать и дѣла, и разговоры.

Сократъ: Какъ? Не вездѣ ли водится такъ, чтобъ младшій уступалъ дорогу встрѣтившемуся съ нимъ старшему, вставалъ передъ нимъ, на пирахъ предоставлялъ ему почетное мѣсто и непротиворѣчилъ въ разговорахъ. Любезный! Неполѣнись, попытайся привести этого человѣка въ сознаніе; конечно онъ послушаетъ тебя. Развѣ ты незнаешь, какъ онъ честолюбивъ и благороденъ? Низкихъ людей ничѣмъ лучше

непривлечешъ къ себѣ, какъ деньгами; а честныхъ и благородныхъ людей легче всего привлечешъ къ себѣ дружелюбнымъ и уступчивымъ съ ними обращеніемъ.

Хэрекратъ: Чтожъ? Если я сдѣлаю это, и онъ нисколько не будетъ лучше?

Сократъ: Чтожъ изъ этого? Естественно, докажешъ, что ты добрый человѣкъ и любишь брата, а онъ негодяй и не заслуживаетъ твоихъ благодѣяній; однакожъ, кажется, это такъ не случится. По моему мнѣнію, онъ узнавъ, что ты вызываешъ его на таковый подвигъ, постарается и на словахъ и на дѣлѣ превзойти тебя добрымъ къ тебѣ расположеніемъ. Нынѣ вы находитесь въ такомъ же между собою отношеніи, какъ если бы руки, данныя для того, чтобъ помогали одна другой, пренебрегши этимъ назначеніемъ, стали препятствовать взаимнымъ дѣйствіямъ; или если бы ноги, по усмотрѣнію

божію, сотворенныя для взаимнаго вспомоществованія, оставивъ это, стали препятствовать одна другой. Не великое ли было бы невѣжество и нещастіе, предметы, созданные для нашей пользы, употреблять во вредъ? А братьевъ, кажется, Богъ сотворилъ еще для бо́льшевзаимной пользы, чѣмъ руки, или ноги, или глаза, или ноздри, или уши, или почки, или другія двойничныя принадлежности тѣла. Ибо и обѣ руки, если бы велѣли имъ вмѣстѣ дѣйствовать болѣе, нежели на сажень, не могутъ сдѣлать этого, и обѣ ноги также не могутъ вмѣстѣ переступать вдругъ растоянія въ сажень; глаза, кои, кажется, могутъ видѣть очень далеко, немогутъ въ одно и тоже время видѣть даже очень близкіе предметы и напереди и за спиной находящіеся, напротивъ того братья, если они дружны между собой, даже раздѣленные великими пространствами, въ одно и то же время могутъ успѣшно дѣйствовать въ пользу другъ друга.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Однажды слышалъ я Сократово разсужденіе о друзьяхъ. Изъ этого разсужденія, кажется, легко можно научиться, какъ пріобрѣтать друзей и какъ обращаться съ ними. Слыхалъ я отъ многихъ, говорилъ Сократъ, что вѣрный и добрый другъ лучше всѣхъ сокровищъ, и что очень многіе заботятся о пріобрѣтеніи чего нибудь другаго, а не друзей. И правда; многіе любятъ пріобрѣтать домы, земли, крестьянъ, стада́, домашнюю рухлядь и стараются сберегать свои имѣнія, а друзей, это величайшее благо, многіе не хотятъ ни пріобрѣтать, ни дорожить пріобрѣтенными.

Нѣкоторые, когда друзья ихъ и слуги сдѣлаются больны, для слугъ приглашаютъ лѣкарей и всячески заботятся о ихъ выздоровленіи, а о больныхъ друзьяхъ и не подумаютъ; когда умираютъ оба, о слугѣ ахаютъ и видятъ въ этомъ большо́й для себя ущербъ, а въ потерѣ друга невидятъ никакого для себя убытка; ни одну часть изъ своего хозяйства не оставляютъ безъ попеченія и безъ наблюденія, а о друзьяхъ, имѣющихъ нужду въ ихъ заботливости, и не подумаютъ; многіе ведутъ и знаютъ вѣрный счетъ своему имѣнію, не смотря на то, что статьи ихъ имѣнія иногда очень многочисленны, а счету друзей, коихъ у нихъ очень не много, не только незнаютъ, но и спрашивающимъ объ этомъ стараясь перечислить ихъ, въ отвѣтахъ своихъ, однихъ и тѣхъ же лицъ, въ одно и тоже время помѣщаютъ и въ число друзей и въ число людей даже незнакомыхъ имъ. Такъ-то (они) заботятся о друзьяхъ своихъ.

По добрый другъ, сравненный съ какимъ угодно изъ предметовъ твоего имѣнія, не долженъ ли быть предпочтенъ любому изъ нихъ? Ибо какой конь, или какая пара воловъ столь полезны, сколько полезенъ добрый другъ? Какой рабъ будетъ столько благорасположенъ и приближенъ къ тебѣ? Или какая другая тварь изъ твоего имѣнія будетъ столь полезна по всѣмъ отношеніямъ? Ибо добрый другъ принимаетъ на себя всѣ недостатки друга по его частнымъ и общественнымъ обязанностямъ. Нужно ли оказать кому благодѣяніе, онъ содѣйствуетъ ему своими способами; безпокоютъ ли его какія либо опасенія, другъ помогаетъ ему, употребляя для этого свои издержки, или свои труды, помогаетъ иногда убѣжденіями, иногда понужденіями, особенно же радуетъ наслаждающихся благополучіемъ, а угнѣтаемыхъ бѣдствіями утѣшаетъ. И что́ руки дѣлаютъ, что́ глаза видятъ впереди, уши чутко слышатъ, сколько ноги переходятъ, все это можетъ замѣнить намъ

добрый другъ. Часто то, чего самъ кто нибудь или не сдѣлалъ, или не могъ увидѣть, или не могъ услышать, или не могъ окончить, часто выполняетъ все это добрый другъ вмѣсто своего друга. Мы ухаживаемъ за деревьями, чтобъ получить съ нихъ плоды, а о плодоноснѣйшемъ растеніи, о добромъ другѣ весьма многіе очень мало и рѣдко заботятся.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Нѣкогда слышалъ я еще другой Сократовъ разговоръ, который, кажется, направленъ былъ къ тому, чтобъ побудить слушателей его испытывать себя самихъ, чего они стóютъ въ глазахъ друзей.

Замѣтивъ, что одинъ изъ его учениковъ незаботится о другѣ, удрученномъ бѣдностью, въ присутствіи этого нещастнаго и многихъ другихъ, спросилъ Антисѳена.

Сократъ: Антисѳенъ! Назначена ли какая цѣна за друзей подобно какъ за рабовъ? Изъ

рабовъ одинъ сто́итъ двухъ мнасъ, другой ни полумнаса, иной пяти мнасъ, а иной десяти. Говорятъ, Никій, сынъ Никирата, далъ цѣлый талантъ за раба и опредѣлилъ его въ управители серебрянныхъ рудниковъ. Разсмотримъ, есть ли извѣстная цѣна друзьямъ такъ какъ и рабамъ?

Антисѳенъ: Вѣрно, есть. Я желалъ бы лучше имѣть у себя иного другомъ, чѣмъ два мнаса, за другаго не далъ бы и полумнаса, иного оцѣнилъ бы въ десять, а другаго́ предпочелъ бы всѣмъ богатствамъ и всѣмъ доходамъ.

Сократъ: Если это такъ; то справедливо поступитъ тотъ, кто испытаетъ себя самаго и оцѣнитъ, чего онъ сто́итъ для друзей своихъ, и постарается какъ можно тяжелѣе потянуть на вѣсахъ ихъ, чтобъ друзья не бросили его, какъ ничтожную вещь. Ибо я часто слышу отъ од-

ного, что другъ оставилъ его, отъ другаго, что другъ промѣнялъ его на мнасъ. Изъ всего этого заключаю, не такъ же ли, какъ продаютъ дурныхъ рабовъ тому, кто больше дастъ, можно продать и худаго друга, когда можно будетъ взять за него больше, нежели чего онъ стóитъ? Но не вижу, чтобъ продавали усердныхъ рабовъ и оставляли вѣрныхъ друзей.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Желая преподать своимъ ученикамъ наставленіе, кого слѣдуетъ избирать въ друзья, говорилъ

Сократъ: Критовулъ! Скажи мнѣ: если намъ нуженъ будетъ вѣрный другъ, что мы должны имѣть въ соображеніи при избраніи его? Не надобно ли первѣе всего дознать, избираемый въ друзья воздерживается ли отъ объядѣнія, пьянства, плотоугодія, сонливости и праздности? Ибо обладаемый этими пороками не можетъ дѣлать ничего даже нужнаго ни для себя самаго, ни для друзей.

Критовулъ: Конечно такъ.

Сократъ: И такъ, по твоему мнѣнію, надобно удаляться отъ такого человѣка?

Критовулъ: Непремѣнно.

Сократъ: По чему же? Расточительный никогда небываетъ доволенъ своимъ состояніемъ, нуждается въ чужомъ, занимаетъ у другихъ и неможетъ въ свое время отдавать занятое; немогши занять, ненавидитъ того, кто не одолжаетъ его. Какъ думаешъ? Таковый другъ не будетъ ли въ тягость?

Критовулъ: И очень.

Сократъ: Слѣдовательно и отъ этого надобно удаляться?

Критовулъ: Да, слѣдуетъ.

Сократъ: А что скажешъ о томъ, кто захочетъ обогащаться, захочетъ имѣть много денегъ, и кто для этого дѣлается несговорчивымъ, охотно беретъ въ займы, а отдавать не любитъ?

Критовулъ: Мнѣ кажется, этотъ еще хуже перваго.

Сократъ: Какъ думаешъ о томъ, кто, по страсти къ обогащенію, ничѣмъ небудетъ заниматься, какъ только чтобъ получать прибыли, да барыши?

Критовулъ: И этого надобно удаляться; потому что онъ будетъ безполезенъ тому, кто будетъ имѣть съ нимъ дѣло и будетъ нуждаться въ его помощи.

Сократъ: А какъ бы ты поступилъ съ тѣмъ, кто склоненъ къ мятежамъ и любитъ вооружать другихъ противъ своихъ друзей?

Критовула: Безъ сомнѣнія и этого надобно избѣгать.

Сократъ: А кто неимѣетъ этихъ пороковъ, но позволяетъ себѣ пользоваться благодѣяніями другихъ, а самъ незаботится отплатить за нихъ?

Критовула: Не годился бы и этотъ. Но, почтенный Сократъ! Кого же изберешъ въ друзья себѣ?

Сократъ: По моему мнѣнію того, кто имѣетъ противныя свойства, того, кто воздерживается отъ чувственныхъ удовольствій, свято хранитъ клятвы, кто обходителенъ, всячески старается не оставаться въ долгу у своихъ благодѣтелей и кто старается быть полезнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто обращается съ нимъ.

Критовула: Но какъ мы можемъ узнать это, напередъ непоживъ съ нимъ?

Сократъ: Мы узна́емъ ваятелей не по словамъ ихъ; и о томъ, о которомъ знаемъ, что онъ прежде дѣлалъ хорошія статуи, заключаемъ, что и въ слѣдующее время онъ будетъ хорошо работать.

Критовулъ: По этому ты допускаешъ, что тотъ, кто показалъ себя хорошимъ въ отношеніи къ прежнимъ друзьямъ, будетъ таковымъ же и въ отношеніи къ будущимъ.

Сократъ: Да. Ибо и тотъ ѣздокъ, который прежде хорошо управлялъ лошадьми, будетъ таковымъ же и послѣ.

Критовулъ: Пусть такъ; а того, кто окажется достойнымъ нашей дружбы, какъ мы объявимъ нашимъ другомъ?

Сократъ: Сперва надобно вопросить боговъ, соизволяютъ ли они, чтобъ онъ былъ нашимъ другомъ?

Критовулъ: Кто нравится намъ и на избраніе кого въ друзья соизволятъ и боги; скажи, какъ уловить его (расположеніе)?

Сократъ: Конечно не уловишъ его какъ зайца по слѣдамъ, не уловишъ и обманомъ, какъ птицъ, ни силою, какъ непріятеля. Трудно избрать кого нибудь въ друзья противъ воли, и труднѣе еще удержать его; небудешъ держать его на привязи какъ невольника; потому что такъ поступаютъ со врагами, а не съ друзьями.

Критовулъ: Какъ же привлекать къ себѣ друзей?

Сократъ: Есть, говорятъ, нѣкоторыя обаятельныя пѣсенки; напѣваніемъ ихъ дѣлаютъ себѣ друзьями, кого только захотятъ; есть еще и приворотныя зелья; употребляющіе ихъ заслуживаютъ любовь у тѣхъ, у кого только пожелаютъ.

Критовулъ: Гдѣ же мнѣ научиться имъ?

Сократъ: Ты, вѣрно, слыхалъ тѣ Гомеровы стихи, коими Сирены очаровывали Одиссея? Они такъ начинаются:

Δεῦρ ἄγε δή πολύαιν' Ὀδυσσεῦ, μέγα κῦδος Ἀχαιῶν.

Приди сюда многохвальный Одиссей, рѣдкая краса Ахэянъ!

Критовулъ: Почтенный Сократъ! Сирены, напѣвая эти обаянія и другимъ людямъ, могли ли сдѣлать, чтобъ увлекшіеся ихъ пѣснями не могли отойдти отъ нихъ!

Сократъ: Нѣтъ; онѣ пѣли это только тѣмъ, кто стремился къ добродѣтели по честолюбивымъ видамъ.

Критовулъ: Ты почти говоришъ то, что надобно хвалить каждаго такимъ образомъ,

чтобъ онъ, услышавъ похвалы себѣ, неподумалъ, что это дѣлается ему въ насмѣшку. Напѣвающій таковыя похвалы хуже врага и можетъ отогнать отъ себя людей, если того, кто самъ сознаётъ, что онъ и малъ, и безобразенъ, и хилъ, будетъ величать и красавцомъ, и великаномъ, и силачемъ. Незнаешъ ли еще другихъ какихъ нибудь обаяній?

Сократъ: Нѣтъ; впрочемъ слышалъ я, что Периклъ зналъ много ихъ, и, напѣвая народу, привлекъ къ себѣ любовь его.

Критовулъ: А какимъ способомъ Ѳемистолкъ заставилъ государство любить себя?

Сократъ: Ей, ей, не обаяніями, а благодѣяніями онъ привлекъ къ себѣ гражданъ.

Критовулъ: Почтенный Сократъ! Кажется мнѣ, ты высказываешъ этимъ то, что если хо-

тимъ пріобрѣсть добраго человѣка въ друзья себѣ, напередъ мы сами должны быть добрыми и на словахъ, и на дѣлѣ.

Сократъ: А ты думаешъ, порочному можно пріобрѣсть въ друзья добраго человѣка?

Критовулъ: Я видалъ, что дурные риторы были друзьями славныхъ народныхъ ораторовъ, и малоспособные къ управленію войскомъ были пріятелями отличныхъ полководцевъ.

Сократъ: Но обратимся къ предмету нашего разсужденія; знаешъ ли кого нибудь, ктобы самъ, непринося никому пользы, могъ пріобрѣсть друзей противнаго свойства?

Критовулъ: Незнаю. Но если не возможно порочному человѣку пріобрѣсть въ друзья людей честныхъ и добрыхъ, покрайней мѣрѣ скажи мнѣ, честному и доброму человѣку легко ли

можно сдѣлаться другомъ также честныхъ и добрыхъ людей?

Сократъ: Догадываюсь, что́ безпокоитъ тебя. Ты видишъ на опытѣ, что часто люди и честные и воздерживающіеся отъ низостей, вмѣсто того, чтобъ быть друзьями, ссорятся между собою и обращаются другъ съ другомъ хуже людей, ничего не стоющихъ.

Критовулъ: Да, это бываетъ не только между частными людьми, но даже тѣ государства, кои въ особенности должны бы дѣйствовать по правиламъ честности и какъ можно меньше допускать низостей, часто бываютъ въ непріязненныхъ между собою отношеніяхъ. Разсуждая объ этомъ и самъ съ собою, я вовсе отчаяваюсь въ пріобрѣтеніи друзей. Порочные немогутъ быть друзьями и промежъ себя; ибо какъ могутъ быть между собою друзьями или неблагодарные, или лѣнивые, или любостяжатель-

ные, или вѣроломные, или не воздержные? Порочные, какъ мнѣ кажется, и между собою чаще бываютъ врагами, чѣмъ друзьями. Но, какъ ты говоришъ, порочные немогутъ дружиться даже съ самыми добродушными; ибо какимъ образомъ они могутъ быть друзьями тѣхъ, кому ненавистны пороки? Если и добродѣтельные люди иногда спорятъ о первенствѣ въ обществахъ, и изъ зависти ненавидятъ другъ друга; то кто наконецъ будетъ друзьями, и между какими людьми будетъ и благонамѣренность и вѣрность?

Сократъ: Но это бываетъ различно отъ различныхъ причинъ. Люди даже по природѣ склонны къ дружбѣ; ибо они нуждаются другъ въ другѣ, сжаливаются одинъ надъ другимъ, своими спомоществованіями приносятъ пользу другъ другу, и, сознавая это, не остаются неблагодарными одинъ передъ другимъ; они также по природѣ склонны и ко враждѣ; ибо при-

знавая однѣ и тѣже вещи и полезными и пріятпыми всякій для себя, сражаются изъ за нихъ, и, разъединяясь въ образѣ мыслей, дѣлаются между собою врагами. А ссоры и гнѣвъ это уже дѣло вражды; любостяжаніемъ выказывается уже непріязнь, а зависть послѣдуется ненавистью.

Но дружба, минуя все это, соединяетъ между собою вполнѣ и честныхъ и добрыхъ людей. Они, руководясь правилами одной добродѣтели, лучше желаютъ безъ непріятностей пріобрѣтать посредственное состояніе, чѣмъ чрезъ тяжбы и войны дѣлаться обладателями великихъ сокровищъ; чувствуя голодъ и жажду, они могутъ спокойно дѣлиться между собою и пищей и питьемъ; чувствуя позывъ къ предметамъ любострастія, воздерживаются отъ нихъ, чтобъ неоскорбить, кого неслѣдуетъ; воздерживаясь отъ любостяжанія, могутъ не только сами быть довольны законными достатками, но даже

охотно довольствуютъ ими и другъ друга; не согласія свои прекращаютъ не только безобидно, но еще со взаимною пользою; всячески избѣгаютъ гнѣва, чтобъ во время гнѣва не сдѣлать чего нибудь такого, въ чемъ послѣ нужно будетъ раскаяваться; всѣми мѣрами изгоняютъ изъ среды себя зависть, предоставляя друзьямъ пользоваться своимъ имѣніемъ какъ ихъ собственнымъ, и ихъ имѣніе считая за свое.

По этому не естественно ли, что честные и добрые люди не только безъ вреда другимъ могутъ пользоваться гражданскими чинами, но и съ пользою другъ для друга? Ибо тѣ, кои желаютъ въ государствѣ пользоваться чинами и быть начальниками для того только, чтобъ имѣть случай наворовать казенныхъ денегъ, попритѣснить другихъ и пожить въ свое удовольствіе, это обидчики, это люди порочные, кои немогутъ ни съ кѣмъ имѣть добраго согласія. Но если кто въ государствѣ хочетъ быть чи-

новникомъ или начальникомъ для того, чтобъ самому нетерпѣть обидъ и имѣть возможность законно помогать друзьямъ, а неменѣе для того, чтобъ распоряженіями въ свое правленіе сдѣлать что нибудь доброе для своего отечества, какъ же таковой не съумѣетъ жить въ согласіи съ подобными себѣ? Или находящійся съ честными и добрыми людьми меньше принесетъ пользы для друзей, или не въ состояніи будетъ дѣлать добро обществу тотъ, кто имѣетъ своими помощниками людей честныхъ и добрыхъ? Правда, въ гимнастическихъ подвигахъ, если бы позволено было сильнѣйшимъ соединенными силами нападать на слабѣйшихъ; сильнѣйшіе на всѣхъ подвигахъ оставались бы побѣдителями и получали бы всѣ награды; но тамъ не позволено это; напротивъ того въ гражданскихъ дѣлахъ, коими преимущественно должны заниматься люди честные и добрые, никто никому не запрещаетъ дѣйствовать на пользу отечества соединенными силами. И имѣющій у себя от-

лично добрыхъ друзей какъ же не принесетъ пользы въ занятіи гражданскими дѣлами, находя въ друзьяхъ и товарищей и помощниковъ по дѣламъ, а не противодѣйствователей?

Это видно и изъ того, что намѣревающійся вести войну съ кѣмъ нибудь будетъ имѣть нужду въ союзникахъ, и при томъ во многихъ, если нужно будетъ сражаться съ непріятелями смѣлыми и храбрыми; изъявившихъ желаніе быть союзниками напередъ надобно облагодѣтельствовать, чтобъ тѣмъ охотнѣе помогали. И многимъ полезнѣе имѣть союзниковъ не многихъ, но самыхъ лучшихъ, чѣмъ многихъ, но плохихъ; ибо плохіе требуютъ еще многимъ больше услугъ, чѣмъ хорошіе.

А ты, любезный Критовулъ, старайся напередъ сдѣлаться добрымъ, а, сдѣлавшись такимъ, смѣло можешъ искать себѣ въ друзья людей честныхъ и добрыхъ. Можетъ быть, и я по-

могу тебѣ въ пріисканіи таковыхъ людей; потому что я и самъ расположенъ ко взаимной любви. Ибо къ тѣмъ людямъ, коихъ захотѣлъ бы я полюбить, стремлюсь всей душой, съ тѣмъ, чтобъ любя ихъ, самому быть любиму; желая ихъ отъ души, желаю быть и для нихъ предметомъ вожделѣннымъ; стремясь къ обращенію съ ними, желаю заслуживать тоже и отъ нихъ. Вижу, что и тебѣ будетъ нужда въ этомъ, когда пожелаешъ свести дружбу съ кѣмъ нибудь. Не скрывай отъ меня, съ кѣмъ ты захочешъ подружиться. Ибо и я, стараясь угождать угождающимъ мнѣ, кажется, попривыкъ ловить людей.

Критовулъ: Почтенный Сократъ! Давно, давно уже желаю поучиться этому, особенно если эта наука поможетъ мнѣ избирать въ друзья добрыхъ по душѣ и красивыхъ тѣломъ.

Сократъ: Любезный Критовулъ! По моей наукѣ не слѣдуетъ насильно привлекать къ себѣ

красавцовъ. Я увѣренъ, что люди избѣгаютъ Сциллы потому, что она протягиваетъ къ нимъ руки, чтобъ схватить ихъ, а Сиренъ избѣгаютъ потому, что онѣ, не протягивая ни къ кому рукъ, издали напѣваютъ всѣмъ свои волшебныя пѣсни, останавливаютъ всѣхъ и слушающіе очаровы́ваются ими.

Критовулъ: Я ни на кого неналожу рукъ, только научи меня не укоризненнымъ способомъ пріобрѣтать друзей.

Сократъ: Не прикоснешся и устами къ устамъ?

Критовулъ: Не опасайся; и уста мои неприкоснутся ни къ чьимъ устамъ; развѣ уже будетъ самый пригоженькій.

Сократъ: Ахъ, Критовулъ! Ты опять заговорилъ не то, что́ слѣдуетъ. Красавцы нещутъ

этого; напротивъ безобразные охотно соглашаются на такія дѣла, думая, что за умъ будутъ почитать и ихъ красавцами.

Критовулъ: Пусть, я буду цаловать только красивенькихъ, но къ добрымъ буду имѣть еще бо́льшее расположеніе; только поскорѣе научи меня, какъ пріобрѣтать друзей.

Сократъ: Любезный Критовулъ! Когда ты захочешь быть другомъ кому нибудь, позволишъ ли мнѣ напередъ сказать ему, что ты особенно уважаешъ его и хочешъ быть его другомъ?

Критовулъ: Очень согласенъ; я думаю, никто небудетъ ненавидѣть того, кто хвалитъ его.

Сократъ: А если я еще скажу, что ты, особенно уважая его, имѣешъ къ нему уже и

доброе расположеніе; подумаешъ ли тогда, что я привожу тебя въ ненависть у него?

Критовулъ: И во мнѣ самомъ уже рождается доброе расположеніе къ тѣмъ, о комъ думаю, что они хорошо расположены ко мнѣ.

Сократъ: Такъ; ты позволяешъ мнѣ сказать это о тебѣ тому, кого хочешъ избрать себѣ въ друзья. А если позволишъ еще сказать о тебѣ, что ты и заботливъ о друзьяхъ, что ни въ комъ ненаходишъ больше удовольствія, какъ въ вѣрныхъ друзьяхъ, что добрымъ дѣламъ твоихъ друзей ты также радуешся, какъ своимъ; что собственность твоихъ друзей также тебѣ дорога́, какъ и твоя и за трудъ себѣ непочитаешъ изобрѣтать средства къ улучшенію ихъ состоянія, и что ты сознаёшъ добродѣтелью, достойною человѣка, побѣждать друзей благодѣяніями, а враговъ противнымъ; тогда, кажется, и я способенъ буду оказать тебѣ помощь въ пріобрѣтеніи добрыхъ друзей.

Критовулъ: Для чего ты спрашиваешъ меня объ этомъ, какъ будто не въ твоей волѣ сказать о мнѣ, что́ тебѣ угодно?

Сократъ: Конечно не въ моей, какъ я слыхалъ это и отъ Аспазіи. Она говорила, что добрыя свахи, справедливо расказывая о состояніи главнаго предмета своихъ рѣчей, напр. о состояніи жениха, удивительно какъ помогаютъ людямъ составлять хорошія родственныя связи, а свахи вруньи, ничего неговоря, кромѣ похвалъ, не приносятъ никакой пользы. Ибо обманутые ненавидятъ другъ друга, да и самую сваху угощаютъ тѣмъ же. Зная это, я думаю, и мнѣ нельзя ничего говорить въ твою похвалу кромѣ истины.

Критовулъ: Слѣдовательно, почтеннѣйшій Сократъ! Ты тотъ другъ мой, коего я ищу; ты-то мнѣ и поможешъ пріобрѣсть друзей, если только буду имѣть въ себѣ то, что́ нужно для

пріобрѣтенія ихъ; а если небудетъ во мнѣ этого; то прошу неговорить въ мою пользу никакихъ выдумокъ.

Сократъ: Недумаешь ли ты, любезный Критовулъ, что я, несправедливо выхваляя тебя, принесу тебѣ больше пользы, чѣмъ убѣждая тебя сдѣлаться добрымъ человѣкомъ? Если это не совсѣмъ ясно для тебя, уразумѣй изъ слѣдующаго: еслибы я, желая подружить тебя съ хозяиномъ какого нибудь корабля, сталъ ложно выхвалять тебя и сказалъ бы, что ты хорошій кормчій; онъ, повѣривъ мнѣ, поручилъ бы тебѣ корабль, тогда какъ ты неумѣешъ править имъ; чего ты будешъ ожидать тутъ? Погубишъ и себя самаго и корабль. Или если бы я торжественно убѣдилъ государство ввѣрить тебѣ правленіе, ложно называя тебя способнымъ къ дѣламъ военнымъ и государственнымъ, а не менѣе и къ судопроизводству; что, думаешъ, случилось бы отъ этого и съ тобой и съ тѣмъ го-

сударствомъ? Или, если бы я посовѣтовалъ кому нибудь изъ частныхъ гражданъ, тоже ложно, чтобъ поручили тебѣ дѣла свои, какъ человѣку домовитому и старательному, тогда ты, показавъ свое невѣжество на опытѣ, не оказался ли бы и вреднымъ и смѣшнымъ человѣкомъ?

Но, любезный Критовулъ, кратчайшій, безопаснѣйшій и самый прямый путь къ этому тотъ, чтобъ, въ чемъ хочешъ казаться хорошимъ, въ томъ и на самомъ дѣлѣ быть таковымъ. Всѣ извѣстныя между людьми добродѣтели, какъ ты и самъ можешъ замѣтить, могутъ быть усиливаемы и наукою и прилежаніемъ. Любезный Критовулъ! Я думаю, такимъ образомъ и мы должны снискивать себѣ друзей; а если ты понимаешъ это иначе, научи и меня.

Критовулъ: Почтенный Сократъ! Мнѣ стыдно было бы противорѣчить тебѣ; если бы я и рѣшился на это, не могъ бы я сказать ничего ни приличнаго, ни вѣрнаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Затруднительныя обстоятельства друзей, происходившія отъ какого нибудь недоумѣнія, Сократъ старался врачевать совѣтами, а въ случавшихся отъ бѣдности совѣтовалъ по силамъ помогать другъ другу. Скажу и объ этомъ, что мнѣ извѣстно:

Однажды замѣтивъ, что Аристархъ печалится о чемъ-то, сказалъ

Сократъ: Аристархъ! мнѣ кажется, ты скучаешъ о чемъ-то. Причину этого ты долженъ бы сообщить своимъ друзьямъ. Можетъ быть, мы сколько нибудь облегчили бы печаль твою.

Аристархъ: Ахъ, Сократъ! Я въ большóмъ затрудненіи. Когда въ городѣ произошелъ мятежъ и многіе бѣжали въ Пирей, изъ оставшихся тамъ сошлось ко мнѣ столько сестеръ родныхъ, двоюродныхъ и племянницъ, что въ моемъ домѣ теперь однихъ благородныхъ четырнадцать человѣкъ. Между тѣмъ мы неполучаемъ ничего ни съ земли; ибо непріятели занимаютъ ее; ни съ домомъ; ибо въ городу стало очень мало народу; домашнюю рухлядь ни кто непокупаетъ; занять денегъ не у кого: теперь, кажется, всякій скорѣе согласится поискать ихъ на дорогѣ, чѣмъ брать въ займы. Почтенный Сократъ! Безчеловѣчно было бы презрѣть погибающихъ родственниковъ; но, при таковыхъ обстоятельствахъ, содержать ихъ въ такомъ количествѣ, не имѣю способовъ.

Сократъ (услышавъ это): Какая тому причина, что Керамонъ, содержа многихъ, нетолько можетъ доставлять нужное и себѣ и имъ, но

получаетъ еще много барышей и богатѣетъ; а ты, имѣя на своемъ седержаніи многихъ родныхъ, боишся, чтобъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ неумереть вамъ?

Аристархъ: Причина та, что Керамонъ кормитъ своихъ рабовъ, а я благородныхъ.

Сократъ: Какъ ты думаешъ, кто лучше, благородные ли, которые живутъ у тебя, или рабы Керамоновы?

Аристархъ: Конечно благородные, которые живутъ у меня.

Сократъ: Не стыдно ли тебѣ, что Керамонъ богатѣетъ отъ людей очень низкихъ, а ты, имѣя у себя людей многимъ лучшихъ, чувствуешъ недостатки въ жизненныхъ потребностяхъ?

Аристархъ: Онъ содержитъ художниковъ, а я людей благородно воспитанныхъ.

Сократъ: Нельзя ли назвать художниками и тѣхъ, кто умѣетъ дѣлать что нибудь полезное?

Аристархъ: Конечно.

Сократъ: А мука́ вещь полезная?

Аристархъ: И очень.

Сократъ: А хлѣбы?

Аристархъ: .Неменьше.

Сократъ: А платье мужское и женское, рубашки, плащи, епанчи?

Аристархъ: Конечно, и это все полезныя вещи.

Сократъ: Живущіе у тебя развѣ неумѣютъ ничего дѣлать изъ этихъ предметовъ?

Аристархъ: Я думаю, всѣ умѣютъ.

Сократъ: Или ты незнаешъ, что Навсикидъ однимъ изъ этимъ ремеслъ, именно молотьемъ муки́, нетолько содержитъ себя самого и домашнихъ, но сверхъ того и много свиней и коровъ, и имѣетъ еще столько остатковъ, что часто одолжаетъ ими самое государство, что Кривъ доходами отъ хлѣбопеченія содержитъ весь домъ и живетъ въ довольствѣ, что Колиттейскій Димей живетъ шитьемъ плащей, что Менонъ получаетъ содержаніе отъ приготовленія рубашекъ и что бо́льшая часть Мегарянъ питаются отъ шитья епанчей?

Аристархъ: Конечно такъ; у нихъ куплены чужестранцы, коихъ они и заставляютъ работать, а у меня живутъ люди благородные, и ктомужъ родственники.

Сократъ: Развѣ ты думаешъ, что живущіе у тебя, по тому что онѣ люди благородные и

родственники тебѣ, недолжны ничего дѣлать кромѣ того, чтобъ только ѣсть, да спать? Или ты видалъ, чтобъ и другіе благородные люди, живя такимъ же образомъ, жили лучше и щастливѣе тѣхъ изъ нихъ, кои прилежно занимаются извѣстными имъ и полезными для жизни работами? Или думаешъ, что праздность и лѣность полезны людямъ для изученія чего нибудь нужнаго, для удержанія въ памяти выученнаго, полезны для здоровья, для доставленія силъ тѣлу и для пріобрѣтенія и сбереженія полезныхъ для жизни предметовъ, а дѣятельность и прилежаніе безполезны? Ужели твои родственницы тому, что́ знаютъ, учились какъ безполезному для жизни, и будто ничего немогутъ сдѣлать изъ знакомаго имъ; или напротивъ того онѣ могутъ и стараться объ этомъ и получать пользу отъ своихъ работъ? Люди, предающіеся бездѣйствію, умнѣе ли тѣхъ, кои заботятся о полезномъ? Работающіе для снисканія жизненныхъ потребностей правѣе ли будутъ тѣхъ, кои,

безпрестанно толкуя только объ этихъ потребностяхъ, предаются бездѣйствію? Поэтому, какъ я думаю, ни ты не любишь ихъ, ни онѣ тебя; ты, потому что считаешъ ихъ бременемъ для себя, а онѣ, потому, что видятъ, что ты все ахаешъ отъ нихъ. Можно опасаться, что изъ этого родится между вами ненависть, а прежняя любовь уменьшится. Если же понастоишъ, чтобъ онѣ занялись работами, тогда и ты будешъ любить ихъ, видя, что онѣ полезны тебѣ, и онѣ полюбятъ тебя, замѣчая, что ты чувствуешъ отъ нихъ удовольствіе; съ большóю пріятностью вспоминая о прежнихъ взаимныхъ услугахъ, умножите чрезъ то взаимную пріязнь и будете между собою дружелюбнѣе и благорасположеннѣе.

Если бы онѣ вздумали сдѣлать что нибудь постыдное, то лучше умереть имъ, чѣмъ дѣлать это. Между тѣмъ, вѣрно, онѣ умѣютъ работать прекрасныя вещи, и самыя приличныя

женскому полу. Ибо всякій, кто что умѣетъ, работетъ и легко и скоро и красиво, и съ большóй охотою. Итакъ немедля поручи имъ заниматься тѣмъ, чтó можетъ принести пользу и тебѣ и имъ; конечно онѣ послушаютъ тебя.

Аристархъ: Подлинно, почтенный Сократъ; ты даешъ мнѣ прекрасный совѣтъ; прежде я не рѣшался одолжиться у кого нибудь деньгами, зная, что истративъ ихъ и неполучивъ ничего ни откуда, небылъ бы въ состояніи заплатить долгъ, а теперь, чтобъ начать работы, рѣшусь на это. За тѣмъ Аристархъ сдѣлалъ заемъ, купилъ шерсти; женщины между работою завтракали; окончивъ работу, обѣдали, изъ мрачныхъ сдѣлались веселыми, вмѣсто того, чтобъ косо смотрѣть одной на другую, стали глядѣть весело. Женщины стали любить Аристарха, какъ своего попечителя, а онъ сталъ любить ихъ за полезные труды.

Послѣ Аристархъ, пришедъ къ Сократу, съ удовольствіемъ расказывалъ это, и что его одного изъ домашнихъ осуждаютъ за то, что даромъ ѣстъ хлѣбъ.

Сократъ: А ты нерасказывалъ имъ басни о собакѣ? Говорятъ, что когда животныя еще умѣли говорить, овца сказала своему хозяину: Ты чудно поступаешъ; Мы даемъ тебѣ и шерсть и ягнятъ, и сыръ, а ты ничего недаешъ намъ кромѣ того, что́ получаемъ отъ матушки земли, между тѣмъ собаку, которая недоставляетъ тебѣ ничего подобнаго, кормишъ хлѣбомъ, какой самъ ѣшъ. Собака, услышавъ это, отвѣчала: Точно такъ; но я сторожу́ васъ, чтобъ и люди не крали и волки неѣли васъ; вы, если бы я несторожила, немогли бы и спокойно пастись по пажитямъ, опасаясь, чтобъ непогибнуть. Послѣ этого, говорятъ, овцы согласились отдать предпочтеніе собакѣ. Аристархъ! Скажи имъ, что ты, замѣняя имъ со-

баку, служишъ для нихъ охранителемъ и попечителемъ, и что онѣ, состоя подъ твоимъ покровительствомъ, никѣмъ небудутъ обижены, и будутъ жить безопасно и спокойно заниматься своими работами.

ОСЬМАЯ ГЛАВА.

Однажды чрезъ долгое время увидѣвъ стараго друга, спросилъ

Сократъ: Откуда ты явился, Евѳиръ?

Евѳиръ: Подъ исходъ войны возвратился я изъ дальней стороны, а теперь вотъ здѣсь. Заграничныя мои имѣнія отняли у меня, а въ Аттикѣ отецъ неоставилъ мнѣ ничего; поэтому, теперь живя дома, я принужденъ снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Мнѣ кажется, это лучше, чѣмъ просить чего нибудь у людей, особенно когда у меня нѣтъ ничего, подочто бы я могъ сдѣлать заемъ.

Сократъ: Насколько, думаешъ, времени станетъ тебѣ тѣлесныхъ силъ твоихъ, чтобъ вырабатывать нужное для содержанія?

Евѳиръ: Конечно не надолго.

Сократъ: Когда ты будешъ старъ, и тогда нужно будетъ тебѣ дѣлать расходы, а заработывать платы ты небудешъ въ состояніи.

Евѳиръ: Ты правду говоришъ.

Сократъ: По этому лучше тебѣ нынѣ же заняться таковыми дѣлами, которыя могли бы помогать тебѣ и въ старости; напр. ты можешъ пристать къ какому нибудь богачу, который имѣетъ нужду въ помощникѣ, смотрѣть за его работами, вмѣстѣ съ нимъ собирать плоды съ полей, сберегать его имѣніе и за доставляемыя ему выгоды чтобъ и самому получать отъ него жалованье.

Евоиръ: Нѣтъ, Сократъ! я немогу отдать себя въ такое рабство.

Сократъ: Но градоначальники и попечители объ общественномъ благѣ за то, что они исполняютъ свои обязанности, непочитаются рабами; это доставляетъ имъ еще болѣе благородства.

Евоиръ: Все такъ, почтенный Сократъ! Однакожъ мнѣ не очень хочется быть отвѣтственнымъ передъ кѣмъ нибудь.

Сократъ: Любезный Евоиръ! Не очень легко найдти такое занятіе, за которое не стали бы хотя сколько нибудь обвинять насъ. Ибо трудно сдѣлать что нибудь такъ, чтобъ нисколько непогрѣшить; даже сдѣлавшему что нибудь безъ всякой ошибки трудно непопасть на какого нибудь судью кривотолка. Удивляюсь, если и въ этѣхъ дѣлахъ, которыми ты нынѣ занимаешся, ничто неподвергнется пересудамъ. По этому

надобно всячески стараться избѣгать людей, склонныхъ къ обвиненію другихъ и искать цѣнителей благонамѣренныхъ, и лучше предпринимать тѣ дѣла, кои можешъ удовлетворительно совершить, а коихъ не можешъ, за тѣ и небраться; что́ будешъ дѣлать, надобно стараться сдѣлать какъ можно лучше; поэтому надобно дѣлать со всѣмъ усердіемъ. Такимъ образомъ ты никогда не останешся виноватымъ, и удивительно какъ облегчишъ свои недостатки; будешъ жить совершенно покойно, безопасно и въ довольствѣ даже въ самой старости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Критонъ: Почтенный Сократъ! Трудно жить въ Аѳинахъ человѣку, желающему заниматься только своими дѣлами. Вотъ теперь нѣкоторые господа тянутъ меня въ судъ не потому, что будто я обидѣлъ ихъ, а думаютъ, что я скорѣе соглашусь дать имъ денегъ, чѣмъ заводить съ ними тяжебныя дѣла.

Сократъ: Любезный Критонъ! Скажи мнѣ, не для того ли ты кормишъ собакъ, чтобъ онѣ отгоняли волковъ отъ овецъ?

Критонъ: Конечно для того, и мнѣ полезнѣе кормить ихъ, чѣмъ некормить.

Сократъ: По этому несталъ ли бы ты кормить и того человѣка, который согласился бы и имѣлъ бы силу отбить тебя отъ людей, намѣревающихся нанести тебѣ обиду?

Критонъ: Съ удовольствіемъ бы, только чтобъ недумать мнѣ, что и онъ пойдетъ противъ меня же.

Сократъ: Какъ это? Развѣ ты не знаешъ, что многимъ пріятнѣе кому нибудь попользоваться чѣмъ либо отъ такаго человѣка, какъ ты, за услуги, а не за какія нибудь низости? Будь увѣренъ, что здѣсь есть и такіе люди, кои за большу́ю честь себѣ сочтутъ быть твоимъ другомъ.

Изъ числа таковыхъ они выискали Архедима, человѣка способнѣйшаго и на слова и на дѣла, между тѣмъ недостаточнаго. Онъ несклоненъ былъ пріобрѣтать выгоды всякими способами, былъ правдивъ; только говаривалъ, что легче всего взять взятку съ Сикофантовъ. Критонъ, собирая или съ полей хлѣбъ, или олив-

ковое масло, или вино, или шерсть, или что нибудь другое изъ предметовъ, полезныхъ для жизни, удѣлялъ изъ этого частицу и Архедиму; когда приносилъ жертвы, приглашалъ и его на пиръ, и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ незабывалъ его. Архедимъ, почитая домъ Критоновъ пріютомъ для себя, еще болѣе сталъ уважать его. И вскорѣ въ одномъ изъ лицъ, ложно клеветавшихъ на Критона, открываетъ множество преступленій, находитъ людей непріязненныхъ ему, призываетъ его въ народное судилище, въ коемъ надлежало ему судиться, и вслѣдствіе суда или быть наказану, или заплатить пэню. Призванный въ судъ, зная за собою много грѣшковъ, предпринималъ все, чтобъ только отдѣлаться отъ Архедима. Но Архедимъ не отсталъ отъ него, пока онъ не оставилъ Критона въ покоѣ и незаплатилъ ему судебныхъ убытковъ. Когда Архедимъ кончилъ этотъ и подобные ему другіе процессы, тогда подобно тому, какъ пастухъ, имѣя у себя хорошую

собаку, позволяетъ и другимъ пастухамъ, по ихъ просьбѣ, становить стадá близъ него, чтобъ и имъ пользоваться услугами его собаки; и многіе Критоновы друзья стали просить Критона, чтобъ онъ позволилъ и имъ пользоваться услугами своего охранителя Архедима. — Такимъ озбразомъ Архедимъ охотно услуживалъ Критону, и за нимъ не одинъ Критонъ наслаждался покоемъ, но и друзья его. А когда кто нибудь изъ недоброжелателей Архедима упрекалъ его, что онъ, получая оброки съ Критона, служитъ ему льстецомъ, тогда Архедимъ отвѣчалъ: стыдноли облагодѣтельствованному добрыми людьми отплачивать за это добромъ, сдѣлать ихъ себѣ друзьями и отстать отъ дурныхъ людей; или стараясь обижать честныхъ и добрыхъ людей, сдѣлать ихъ врагами себѣ, и, содѣйствуя злодѣямъ, дружиться съ ними и мѣнять людей честныхъ на безчестныхъ? Съ этого времени Архедимъ сталъ другомъ Критона и въ почтеніи у прочихъ друзей его.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Помню, что Сократъ съ другомъ своимъ Діодоромъ имѣлъ слѣдующій разговоръ:

Сократъ: Любезный Діодоръ! Скажи мнѣ, если кто нибудь изъ твоихъ слугъ убѣжитъ; стараешся ли найдти его?

Діодоръ: Даже другихъ прошу объ этомъ, обѣщая доставившему вознагражденіе.

Сократъ: А если кто изъ твоей прислуги заболитъ; незаботишся ли о немъ, не приглашаешъ ли лѣкаря, чтобъ больной не умеръ?

Діодоръ: И очень.

Сократъ: А если другъ твой, который, конечно, для тебя многимъ дороже раба, будетъ въ опасности потерять себя собственно отъ бѣдности; поставишъ ли себѣ въ обязанность позаботиться о немъ, такъ чтобъ во всемъ обезпечить его? Вѣрно, ты знаешъ Гермогена? Онъ за стыдъ поставилъ бы себѣ, получивъ отъ тебя вспомоществованіе во время нужды, неотплатить тебѣ тѣмъ же. И имѣть вольнонаемнаго слугу, человѣка благонамѣреннаго, постояннаго, умѣющаго исполнять приказанія, и нетолько способнаго къ этому, но могущаго доставлять и выгоды, предусматривать все и предъупреждать тебя своими представленіями, имѣть такого одного человѣка многимъ лучше, чѣмъ толпу рабовъ. Хорошіе домохозяева говорятъ: надобно дѣлать закупы, когда дорогое можно купить за дешевую цѣну. При настоящихъ обстоятельствахъ можно за дешево пріобрѣсть и хорошихъ друзей.

Діодоръ: Ты прекрасно говоришь; посовѣтуй Гермогену прійдти ко мнѣ.

Сократъ: Нѣтъ; я немогу сдѣлать этого. И для тебя было бы нехорошо звать его къ себѣ и напередъ несходить къ нему; это и ему также было бы безполезно, какъ и тебѣ. Убѣдясь этимъ Діодоръ пошелъ къ Гермогену, и подаривъ ему не большое количество денегъ, пріобрѣлъ въ немъ себѣ друга, который и на словахъ и на дѣлѣ только и заботился о томъ, что̀ могло доставлять Діодору пользы и радости.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

ТРЕТЬЯ КНИГА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Теперь я намѣренъ объяснить, какъ Сократъ былъ полезенъ для тѣхъ, кои стремились къ общественнымъ должностямъ, и какъ возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ расположенность къ этому.

Однажды услышавъ, что Діонисодоръ, пришедъ въ Аѳины, объявилъ о себѣ, что онъ

намѣренъ давать уроки о томъ, какъ управлять войскомъ, одному изъ своихъ учениковъ, о коемъ зналъ, что ему хочется достингуть этой чести въ государствѣ, сказалъ

Сократъ: Молодой человѣкъ! Желающему быть въ государствѣ полководцомъ стыдно было бы не поучиться этому, когда есть къ тому случай. Таковаго человѣка государство законно подвергнуло бы бо́льшему наказанію, чѣмъ того, кто, неучась искуству ваянія, взялся бы сдѣлать статую. Ибо когда государство во время военныхъ опасностей ввѣряетъ себя полководцу, тогда безъ сомнѣнія онъ, исправно дѣйствуя по своей должности, сдѣлаетъ много добра, а дѣйствуя ошибочно, причинитъ государству бѣдствія. По этому неслѣдуетъ ли подвергнуть наказанію того, кто хочетъ быть полководцомъ, неучась этой наукѣ собственно по нерадѣнію?

Этими словами Сократъ убѣдилъ молодаго человѣка идти поучиться у Діонисодора. Когда онъ возвратился отъ своего учителя,

Сократъ (подшучивая надъ нимъ) сказалъ: Дуузья мои! Какъ вы думаете? Гомеръ называетъ Агамемнона цареподобнымъ; этого же молодаго человѣка, научившагося быть полководцомъ, не должно ли уже назвать цареподобнѣйшимъ? Ибо узнавшій правила, какъ играть на цитрѣ, называется цитристомъ и тогда, когда еще не играетъ на циртѣ; и выучившійся врачебному искуству называется лѣкаремъ и тогда, когда еще нелѣчитъ: такимъ образомъ и этотъ молодой человѣкъ съ этого времени уже г. полководецъ, хотя еще и никѣмъ невыбранъ въ эту должность. Но кто незнаетъ своего дѣла, тотъ еще и не полководецъ, и не лѣкарь, хотя бы избранъ былъ въ этѣ и подобныя должности даже цѣлымъ свѣтомъ.

А можетъ быть, продолжалъ Сократъ, кому нибудь и изъ насъ случится подъ твоею командою быть или полковникомъ, или ротнымъ, и также должны будемъ знать въ особенности

военныя науки; для этого скажи намъ любезный, съ чего онъ началъ учить тебя?

Молодой человѣкъ: Съ того же, чѣмъ и кончилъ. Онъ училъ меня тактикѣ и окончилъ тактикой, и больше ничему.

Сократъ: Но это еще самая малая часть стратегіи. Ибо полководецъ долженъ умѣть заготовить все, нужное для войны, свое временно доставлять войску провіантъ; онъ долженъ быть изобрѣтателенъ, даже хитръ при составленіи плана войны, неутомимо дѣятеленъ, усидчивъ, терпѣливъ, предусмотрителенъ, снисходителенъ и суровъ, простъ и скрытенъ, осторожнъ и похожъ на вора, онъ любитъ дарить и грабить, долженъ быть щедръ и скупъ, долженъ умѣть обезопасить себя и нападать на другихъ, словомъ, желающій быть хорошимъ полководцемъ долженъ имѣть еще и другія добрыя качества и природныя и пріобрѣтаемыя чрезъ науку.

Конечно и тактика дѣло хорошее. Войско, расположенное по правиламъ тактики, многимъ отличается отъ войска, безпорядочно расположеннаго. И камни, и кирпичь, и дерево и черепица, набросанныя въ безпорядкѣ, еще не составляютъ ничего хорошаго; а когда онѣ упорядочатся и положены будутъ внизу и сверху негніющіе матеріалы и отъ воды не расплывающіеся, въ фундаментъ камни, на крышу черепица, а въ средину кирпичи и дерево, какъ это дѣлается при строеніи домовъ; тогда выйдетъ домъ, стоющій большóй цѣны.

Молодой человѣкъ: Почтенный Сократъ! Это прекрасное подобіе! Ибо и во время войны спереди и сзади надобно ставить самыхъ храбрыхъ воиновъ, а въ срединѣ слабыхъ, чтобъ передовые тащили за собой слабыхъ, а задніе погоняли ихъ.

Сократъ: Хорошо, если онъ научилъ тебя отличать храбрыхъ воиновъ отъ трусовъ; а

если ненаучилъ, то какая тебѣ польза отъ его уроковъ? Подобнымъ образомъ небыло бы тебѣ никакой пользы и отъ того, если бы онъ приказалъ тебѣ сначала и подконецъ класть чистое серебро, въ средину фальшивое, а между тѣмъ напередъ не научилъ бы отличать чистое серебро отъ подложнаго.

Молодой человѣкъ: Нѣтъ; неучилъ меня этому; а мы сами должны отличать храбрыхъ отъ трусовъ.

Сократъ: Не угодно ли разсмотрѣть это, чтобъ и намъ неошибаться?

Молодой человѣкъ: Очень пріятно.

Сократъ: Если бы случилось намъ грабить чью нибудь казну; то, по законамъ вашей тактики, не должны ли мы напередъ поставить самыхъ жадныхъ къ деньгамъ?

Молодой человѣкъ: Конечно такъ.

Сократъ: А когда мы будемъ подвергаться опасности, не надобно ли впередъ выставлять самыхъ честолюбивыхъ? Ибо они для полученія честей охотно рѣшаются на всѣ опасности; потому что они нелюбятъ оставаться въ неизвѣстности, вездѣ хотятъ выказывать себя, и по этому легко набрать ихъ. Или онъ училъ тебя только тактикѣ, или и тому, гдѣ и какимъ образомъ располагать войска́?

Молодой человѣкъ: Вовсе неучилъ.

Сократъ: Есть очень много случаевъ, въ коихъ нельзя одинаково располагать и управлять войсками.

Молодой человѣкъ: Право, онъ необъяснялъ мнѣ этого.

Сократъ: Ступай же къ нему снова, и спроси его, о чемъ нужно. Если онъ знаетъ это, и если есть у него совѣсть, то, взявши съ тебя деньги, стыдно ему будетъ отпустить тебя невѣжею.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Однажды случайно встрѣтившись съ выбраннымъ въ полководцы, єпросилъ

Сократъ: За что, ты думаешъ, Гомеръ назвалъ Агамемнона пастыремъ народовъ? Не за то ли, что какъ пастухъ долженъ заботиться о томъ, чтобъ овцы были цѣлы и чтобъ было у нихъ все нужное, такъ и полководецъ долженъ заботиться о томъ, чтобы воины его были цѣлы, имѣли все нужное и достигли того, для чего ополчаются? А ополчаются для того, чтобъ, побѣдивъ непріятелей, самимъ наслаждаться бо́льшимъ счастіемъ.

И для чего онъ такъ воспѣваетъ Агамемнона?

Ἀμφότερον, βασιλεύς τ' ἀγαθὸς, κρατερός τ' αἰχμητής;

Онъ то и другое, и добрый государь, и мощный воитель.

Слѣдовательно всякій можетъ назваться и воителемъ и притомъ могущественнымъ тогда, когда не только самъ одинъ будетъ отважно подвизаться противъ непріятелей, но будетъ побуждать къ этому и все войско. Онъ же можетъ назваться и добрымъ государемъ, когда не только удачно располагаетъ обстоятельствами своей жизни, но когда и своимъ подданнымъ доставляетъ счастіе? Государь бываетъ не для того, чтобъ особенно заботиться только о себѣ самомъ, но и о томъ, чтобъ и у подданныхъ его шли дѣла успѣшно. Всѣ ведутъ войны для ого, чтобъ послѣ наслаждаться лучшею жизнью;

и полководцовъ избираютъ для того, чтобъ они вели къ этой цѣли тѣхъ, кто избралъ ихъ въ эту должность и для сего употребляли всѣ, зависящія отъ нихъ, мѣры. И это очень похвальное дѣло для полководца, а все противное этому низко.

Такимъ образомъ разсуждая о томъ, какія должны быть главныя свойства хорошаго вождя, оставляя какъ бы все прочее въ сторонѣ, первою его обязанностью считаетъ, дѣлать счастливыми тѣхъ, кѣмъ управляетъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Помню, однажды Сократъ съ выбраннымъ въ начальники конницы разговаривалъ такимъ образомъ:

Сократъ: Молодой человѣкъ! Скажи мнѣ, для чего ты пожелалъ быть начальникомъ конницы? Конечно не для того, чтобъ ѣздить тебѣ впереди конницы. Для этого есть конные застрѣльщики; они ѣздятъ впереди всѣхъ.

Молодой человѣкъ: Ты говоришъ правду.

Сократъ: Вѣрно, и не для того, чтобъ всѣ глядѣли на тебя; всѣ глядятъ только на сумасшедшихъ.

Молодой человѣкъ: И это правда.

Сократъ: но, можетъ быть, для того, что надѣешся образовать для государства лучшую конницу, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ надобности въ всадникахъ, предводительствовать ими и тѣмъ доставить пользу своему отечеству?

Молодой человѣкъ: И очень.

Сократъ: Вотъ это прекрасно, если только можешъ выполнить свое намѣреніе. Власть, предоставляемая тебѣ, простирается и на лошадей и на всадниковъ.

Молодой человѣкъ: Да.

Сократъ: Пожалуйста, скажи намъ прежде всего: какимъ образомъ думаешъ ты сдѣлать лошадей самыми лучшими?

Молодой человѣкъ: Я думаю, это не моя должность; каждый самъ долженъ заботиться о своемъ дѣлѣ.

Сократъ: А если всадники представятъ тебѣ лошадей разныхъ свойствъ, одни разбитыхъ ногами и голяшками, или малосильныхъ, другіе столь тощихъ, что не въ состояніи будутъ держаться за другими, иные столь дикихъ, что неможно удержать, а иные еще такихъ, кои такъ бьютъ ногами, что никакъ нельзя поставить ихъ въ строй; то какая будетъ тебѣ польза отъ таковой конницы? Или какъ ты, командуя этою конницею, можешъ сдѣлать для государства что нибудь доброе?

Молодой человѣкъ: Сократъ! Ты прекрасно говоришъ; по возможности постараюсь позаботиться и о лошадяхъ.

Сократъ: Что же? Не долженъ ли ты постараться и о томъ, чтобъ всадники были люди очень хорошіе?

Молодой человѣкъ: Непремѣнно.

Сократъ: По этому ты прежде всего пріучишъ ихъ, какъ можно скорѣе садиться на лошадь.

Молодой человѣкъ: Да; ибо опытный въ этомъ, упавъ съ лошади, можетъ скорѣе оправиться.

Сократъ: Если будетъ нужно сразиться съ непріятелемъ, прикажешъ ли вводить непріятеля въ манежъ, гдѣ обыкновенно вы учите лошадей, или постараешся открыть свои дѣйствія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непріятель бываетъ?

Молодой человѣкъ: Я предпочелъ бы послѣднее.

Сократъ: Чтожъ? Ты конечно всячески постараешся, какъ можно больше, сбить непріятелей съ лошадей?

Молодой человѣкъ: Очень бы хорошо и это.

Сократъ: Обдумалъ ли ты, какъ разгорячать умы всадниковъ и возбудить въ нихъ свирѣпость противъ непріятелей, что́ конечно придастъ имъ больше отважности?

Молодой человѣкъ: Хотя доселѣ неводилось у насъ этого, впрочемъ попытаюсь исполнить твой совѣтъ.

Сократъ: Вѣрно, ты озаботился уже тѣмъ, чтобъ всадники повиновались тебѣ? Ибо безъ этого совершенно безполезны и лошади, и храбрые и сильные всадники.

Молодой человѣкъ: Ты справедливо говоришъ. Но почтенный Сократъ! какими мѣрами больше всего можно побудить къ этому всадниковъ?

Сократъ: Ты, вѣрно, знаешъ, что во всякомъ дѣлѣ люди весьма охотно повинуются тѣмъ, коихъ считаютъ самыми лучшими. Такъ: больные больше всего слушаютъ того врача, о комъ знаютъ, что онъ лѣчитъ лучше всѣхъ; плавающіе по морю всего охотнѣе ввѣряютъ себя тому, кто весьма искусенъ въ управленіи кораблемъ, а въ земледѣліи слушаютъ того, кто съ отличнымъ умѣньемъ и успѣхомъ ухаживаетъ за землею.

Молодой человѣкъ: Дѣйствительно такъ.

Сократъ: По этому и въ конной службѣ всѣ охотно будутъ повиноваться тому, о комъ узна́ютъ, что онъ самъ лучше всѣхъ знаетъ это дѣло.

Молодой человѣкъ: Но, почтенный Сократъ, убѣдятся ли они къ повиновенію мнѣ тѣмъ, когда увидятъ, что я искуснѣе ихъ?

Сократъ: Убѣдятся, особенно если сверхъ этого внушишь имъ, что отъ повиновенія тебѣ зависитъ ихъ и слава и спасеніе.

Молодой человѣкъ: Какъ же могу внушить это?

Сократъ: Многимъ легче, чѣмъ доказать имъ, что зло лучше и полезнѣе добра.

Молодой человѣкъ: Изъ твоихъ словъ я понимаю, что начальникъ конницы, сверхъ прочихъ обязанностей, долженъ имѣть и даръ слова?

Сократъ: А ты думалъ, конницею можно управлять мо́лча? Или ты не сообразилъ самъ съ собою, что всѣ пріобрѣтаемыя нами, по существующимъ законамъ, лучшія познанія, согласно коимъ мы должны располагать и нашу жизнь, пріобрѣтаются при помощи слова; если кто нибудь вздумаетъ изучать какую нибудь науку, долженъ изучать ее также при помощи слова; самые лучшіе учители для преподаванія

своихъ уроковъ употребляютъ слово, и пріобрѣтшіе основательныя познанія прекрасно и разговариваютъ? Или ты не замѣчалъ, что когда изъ жителей нашего города составляется хоръ, напр. отправляемый въ Делосъ, другой изъ другаго мѣста, равный ему неявляется, такъ какъ въ другомъ городу такихъ отлично способныхъ для этого мужей, подобныхъ нашимъ, не наберешъ?

Молодой человѣкъ: Правду говоришъ.

Сократъ: А Аѳиняне превосходятъ всѣхъ прочихъ нестолько отличными голосами, своею массивностью и силою тѣла, сколько стремленіемъ къ славѣ, которое и побуждаетъ ихъ къ дѣламъ славнымъ и досточтивымъ.

Молодой человѣкъ: И это правда.

Сократъ: Надѣешся ли, что и наша конница, если позаботишься о ней по надлежащему, мно-

гимъ превзойдетъ прочихъ убранствомъ оружія и коней, отличною выправкой и готовностью, въ битвѣ съ непріятелемъ, подвергаться всѣмъ опасностямъ, если впрочемъ дѣйствующія лица будутъ имѣть въ виду, что онѣ удостоятся похвалъ и наградъ за свои подвиги?

Молодой человѣкъ: Это возможно.

Сократъ: И такъ немедли этимъ; постарайся склонить всадниковъ къ тому, отъ чего можетъ быть польза и тебѣ и чрезъ тебя прочимъ гражданамъ.

Молодой человѣкъ: Ей, ей же, постараюсь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Однажды увидѣвъ Никомахида, возвращавшагося съ балтировки, спросилъ

Сократъ: Кто выбраны въ полководцы?

Никомахидъ: Почтенный Сократъ! Каковы же Аѳиняне? Не выбрали меня, не смотря на то, что я трусь съ рядоваго, былъ уже ротнымъ и полковымъ командиромъ и столько получилъ ранъ отъ непріятелей (раздѣваясь показываетъ рубцы отъ ранъ), а выбрали Антисѳена, который не служилъ и въ пѣхотѣ; считаясь по конницѣ, ничѣмъ не отличилъ себя и незнаетъ ничего; только умѣетъ копить деньги.

Сократъ: Послѣднее нехудо, если будетъ имѣть обязанность доставлять войску провіантъ.

Никомахидъ: И купцы умѣютъ собирать деньги; но, при этой способности, еще немогутъ быть полководцами.

Сократъ: Но и Антисѳенъ жаждетъ побѣдъ; это необходимое свойство полководца. Не знаешъ ли, что онъ, сколько разъ былъ начальникомъ хора, всякій разъ получалъ награды?

Никомахидъ: Точно; но не все равно, управлять хоромъ и управлять войскомъ.

Сократъ: Правда; самъ Антисѳенъ не умѣетъ ни пѣть, ни управлять хорами, но съумѣлъ найдти въ помощники себѣ такихъ людей, которые знали это дѣло лучше всѣхъ.

Никомахидъ: Такъ, и управляя войскомъ, онъ найдетъ хорошихъ себѣ помощниковъ; одни

будутъ располагать войсками, а другіе будутъ биться за него.

Сократъ: По этому, если онъ и для военныхъ дѣлъ, какъ и прежде для управленія хорами, найдетъ и выберетъ людей способнѣйшихъ, безъ сомнѣнія онъ явится побѣдоноснымъ полководцомъ, и, вѣроятно, онъ согласится пожертвовать бо́льшимъ состояніемъ для стяжанія на войнѣ побѣды совокупными силами цѣлаго государства, чѣмъ для пріобрѣтенія однимъ своимъ племенемъ первенства въ поставленіи хоровъ.

Никомахидъ: Сократъ! По твоимъ словамъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ успѣшно управлять и хорами и войскомъ?

Сократъ: Я говорю это въ томъ смыслѣ, что всякій, начальствующій надъ какою либо частью, имѣя нужныя для своего дѣла позна-

нія, и будучи въ состояніи приводить въ исполненіе свои намѣренія, можетъ быть хорошимъ начальникомъ и хора, и дома, и государства и войска.

Никомахидъ: Сократъ! Я никогда недумалъ слышать отъ тебя, что хорошіе домохозяева могутъ быть и хорошими полководцами.

Сократъ: Пожалуй, разсмотримъ обязанности каждаго изъ нихъ, чтобъ видѣть, одинаковы ли онѣ, или чѣмъ различаются между собою.

Никомахидъ: Согласенъ.

Сократъ: Вѣрно, и того и другаго первая обязанность, управлять подчиненными такъ, чтобъ они повиновались и были совершенно преданы тѣмъ, кто распоряжается ими.

Никомахидъ: И очень.

Сократъ: Что же? недолжны ли они приказывать всякому заниматься своимъ дѣломъ?

Никомахидъ: И это ихъ обязанность.

Сократъ: И тому и другому также прилично наказывать злыхъ, а добрыхъ награждать?

Никомахидъ: И очень прилично.

Сократъ: Не будетъ ли для обоихъ прекрасною обязанностью, сдѣлать своихъ подчиненныхъ благорасположенными къ себѣ.

Никомахидъ: Конечно.

Сократъ: Полезно ли будетъ для каждаго изъ нихъ снискать себѣ друзей и помощниковъ, или нѣтъ?

Никомахидъ: Очень полезно.

Сократъ: Не прилично ли каждому изъ нихъ беречь свое имѣніе?

Никомахидъ: Весьма прилично.

Сократъ: По этому и тотъ и другой изъ нихъ должны быть внимательны къ себѣ и трудолюбивы въ исполненіи своихъ обязанностей?

Никомахидъ: Правда; все это одинаково относится къ тому и другому; но сражаться, это уже не одинаково касается ихъ.

Сократъ: Да, вѣдь, у того и другаго могутъ быть враги?

Никомахидъ: И очень.

Сократъ: Слѣдовательно ненужно ли обоимъ имъ стараться превзойти своихъ враговъ?

Никомахидъ: Непремѣнно. Но это пока въ сторону. А если въ самомъ дѣлѣ нужно будетъ сражаться, къ чему тутъ знанія домохозяина?

Сократъ: Тутъ-то и великая польза отъ этѣхъ познаній. Ибо хорошій домохозяинъ, зная, что ничто столько не полезно и невыгодно, какъ сражающемуся побѣждать непріятелей, и что ни что столько не безполезно и не вредно какъ быть побѣжденнымъ, будетъ ревностно изыскивать и приготовлять все, споспѣшествующее побѣдѣ и тщательно предусматривать и предотвращать то, что́ можетъ быть причиною неудачи въ войнѣ; и замѣтивъ, что сдѣланныя приготовленія могутъ даровать побѣду, бьется со всей энергіей; а замѣтивъ недостатки въ приготовленіяхъ, побоится даже задѣть непріятеля.

И такъ, Никомахидъ! Непрезирай и мужей домовитыхъ. Ибо попеченіе о частныхъ дѣлахъ отличается отъ занятій общественными дѣлами

только количествомъ, а въ прочихъ отношеніяхъ онѣ очень сходны между собою; главнѣйшее же то, что безъ людей ни въ чемъ необойдешся; и частныя дѣла производятся людьми и общественныя также людьми. И занимающіеся общественными дѣлами употребляютъ для сего также и другихъ людей, равно какъ и занимающіеся дѣлами частными; умѣющіе пользоваться ихъ услугами успѣшно производятъ и дѣла общественныя и частныя, а неумѣющіе дѣлаютъ все не въ попадъ.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Некогда встрѣтившись съ Периклом, сы-
номъ знаменитаго Перикла, сказалъ

Сократъ: Периклъ! Теперь ты у насъ полководцомъ; надѣюсь, при тебѣ государство будетъ и лучше и славнѣе въ отношеніи къ военнымъ дѣламъ, будетъ одерживать верхъ надъ врагами.

Перикл: Сократъ! И я желалъ бы того, что ты предвѣщаешъ; но какимъ образомъ это можетъ случиться, не могу знать.

Сократъ: Пожалуй, поговоримъ объ этомъ, и узнаемъ, какъ это возможно.

Периклъ: Весьма пріятно.

Сократъ: Ты знаешъ, что Авиняне числомъ неменьше Віотянъ?

Периклъ: Знаю.

Сократъ: Какъ ты думаешъ, гдѣ больше честныхъ и добрыхъ личностей, въ Віотіи, или въ Аѳинахъ?

Периклъ: Кажется, довольно ихъ и въ томъ и другомъ мѣстѣ.

Сократъ: А которые изъ нихъ благорасположеннѣе между собою?

Периклъ: Я думаю Аѳиняне, ибо многіе изъ Віотянъ, тѣснимые Ѳивянами изъ выгодъ, не

хорошо расположены къ нимъ; а въ Аѳинахъ не видно ничего подобнаго.

Сократъ: Но Віотяне честолюбивѣе всѣхъ и болѣе всѣхъ расположены къ дружеству; каковыя свойства изъ честей и за отечество часто располагаютъ подвергаться опасностямъ.

Периклъ: Но въ этомъ отношеніи и Аѳиняне неударятъ себя лицомъ въ грязь.

Сократъ: Отличныя дѣла предковъ и значительнѣе и многочисленнѣе у кого, какъ не у Аѳинянъ? Многіе изъ нихъ, гордясь этимъ, всячески стараются отличаться добродѣтелями и храбростью.

Периклъ: Сократъ! Ты все говоришъ правду; но знаешъ, что съ того времени, какъ подъ предводительствомъ Толмиды погибли тысяча человѣкъ въ Левадіи и случилось нещастіе съ

Иппократомъ при Делiѣ, съ этого времени Аѳиняне уронили себя въ мнѣніи Віотянъ; умы Ѳивянъ стали быть направлены противъ Аѳинянъ, такъ, что уже Віотяне, кои прежде безъ помощи Лакедэмонянъ и прочихъ обитателей Пелопонниса своею личностью не смѣли вооружаться противъ Аѳинянъ, нынѣ одни сами собою грозятъ вторгнуться въ Аттику; а Аѳиняне прежде, когда Віотяне, были одни, опустошали Віотію, а нынѣ боятся, чтобъ уже Віотяне не опустошили Аттики.

Сократъ: Да, таковы настоящія обстоятельства; но, кажется мнѣ, наше отечество въ теперешнее время становится благорасположеннѣе къ своему доброму начальнику. Ибо самонадѣянность рождаетъ нерадѣніе, облѣненіе и непокорность, а страхъ дѣлаетъ болѣе внимательными, болѣе послушными и болѣе вѣрными исполнителями добрыхъ порядковъ. Возми въ доказательство этого матросовъ. Они когда ничего

не опасаются, вовсе незаботятся о соблюденіи дисциплины; а когда или предвидятъ бурю, или завидятъ непріятеля, не только строго выполняютъ всѣ приказанія, но всѣ затихаютъ и ждутъ сигналовъ, какъ хороводы.

Перикл: Но если бы они на это время сдѣлались внимательными; я благовременнымъ почелъ бы поговорить о томъ, какимъ бы образомъ убѣдить ихъ возпроизвести въ себѣ и доблести, и славу, и счастіе предковъ.

Сократъ: Если мы захотимъ, чтобъ они возвратили себѣ имѣнія, коими владѣютъ другіе, преимущественно должны расположить къ этому Віотянъ, особенно объяснить имъ, что эти имѣнія ихъ отцовъ и принадлежатъ собственно имъ. А поелику мы желаемъ, чтобъ они храбростью своею постарались достигнуть первенства; то для сего надобно объяснить имъ, что это свойство издревле принадлежало Аѳинянамъ; и они,

позаботившись объ этомъ, явятся могущественнѣе всѣхъ. Но какъ это внушить имъ? Я думаю, этого можно будетъ достигнуть, если припомнимъ имъ, что предки ихъ были древнѣе всѣхъ, и, повинуясь властямъ, сдѣлались самыми сильными.

Перикл: Кажется, ты говоришь о судѣ боговъ, котораго право предоставлено было потомкамъ Кекропса за ихъ добродѣтели?

Сократ: Да, о немъ; и о рожденіи и воспитаніи Ерехтѳея, равно и о войнѣ, въ его время производившейся съ жителями всего ближайшаго материка, о войнѣ во времена Ираклѝдовъ съ жителями Пелопонниса и вообще о всѣхъ войнахъ, производившихся во времена Ѳезея, въ коихъ Аѳиняне отличились и стали выше своихъ современниковъ. Если угодно, присовокупи къ этому и то, что̀ послѣ совершили незадолго прежде насъ жившіе ихъ по-

томи, которые частію собственными силами сражались съ народами, господствовавшими во всей Азіи и Европѣ до самой Македоніи, и, пріобрѣтши великую значимость и богатства отъ своихъ предковъ, совершили знаменитыя дѣла, а частію и при содѣйствіи Пелопоннезянъ оказали необыкновенные опыты своей храбрости и на сушѣ и на морѣ, и въ этомъ отношеніи превзошли всѣхъ своихъ современниковъ.

Перикла: Да, это извѣстно о нихъ.

Сократа: По этому, когда случились многія переселенія въ Греціи, Аоиняне остались на своихъ мѣстахъ, и споривше о своихъ правахъ разбирать это предоставляли Аоинянамъ; слабые, притѣсняемые сильными, прибѣгали подъ ихъ защиту.

Перикла: Сократъ! Я удивляюсь, какимъ образомъ наше отечество могло дойдти до очень худаго положенія.

Сократъ: За другими и я думаю, что государства, разновременно отличавшіяся доблестями гражданъ, достигши чрезвычайнаго могущества, впадаютъ въ облѣненіе и дѣлаются слабѣе своихъ соперниковъ; такимъ образомъ и Аѳиняне, въ свое время, превысясь надъ прочими народами, послѣ впали въ облѣненіе и отъ этого сдѣлались хуже и слабѣе другихъ.

Периклъ: Какъ же теперь поступитъ имъ, чтобъ востановить въ себѣ доблести предковъ?

Сократъ: Я думаю, это несокрыто ни отъ кого. Если они, узнавъ постановленія предковъ, будутъ дѣйствовать и распоряжаться не глупѣе ихъ, то, безъ сомнѣнія, будутъ и не хуже ихъ; если же не въ состояніи будутъ сдѣлать этого, по крайней мѣрѣ, подражая первенствующимъ въ настоящее время народамъ, и распоряжаясь и дѣйствуя одинаково съ ними, будутъ не хуже современниковъ, а если побольше постараются, то будутъ еще лучше ихъ.

Периклъ: По этому до таковаго совершенства еще далеко нашему отечеству. Ибо возможно ли, чтобъ Аѳиняне нынѣшняго времени, подобно Лакедэмонянамъ, стали чествовать старшихъ лѣтами, когда со временъ отцовъ своихъ привыкли презирать людей почтеннѣйшихъ; или возможно ли, чтобъ они постоянными упражненіями постарались укрѣплять свое тѣло, когда не только пренебрегаютъ здоровымъ тѣлосложеніемъ, но даже смѣются надъ заботящимися объ этомъ? Когда будутъ повиноваться начальникамъ тѣ, кои хвастаютъ тѣмъ, что иногда подшучиваютъ и надъ начальниками; или когда будутъ жить въ согласіи тѣ, кои вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать взаимнымъ пользамъ, обижаютъ другъ друга, завидуютъ своимъ собратамъ больше, чѣмъ стороннимъ, тѣ, которые больше всего и въ частныхъ и въ общественныхъ собраніяхъ вздорятъ между собою, почасту заводятъ между собою тяжбы и такимъ образомъ дѣйствованія надѣются болѣе пріоб-

рѣсти себѣ выгодъ, чѣмъ отъ взаимнаго вспомоществованія, тѣ, которые общественныя должности считая какъ бы принадлежащими чужому государству, ссорятся за нихъ, торгуются на нихъ, и на таковыя вещи достаетъ у нихъ силъ? Отъ всего этого рождаются въ государствѣ всѣ неслыханныя пошлости, большóе невѣжество въ дѣлопроизводствѣ, всеобщее развращеніе, между гражданами взаимная вражда и ненависть. Имѣя въ виду этѣ обстоятельства, я постоянно и крайне опасаюсь, чтобъ непостигли наше отечество еще бóльшія, тягчайшія нещастія.

Сократъ: Периклъ! Несмѣй думать, чтобъ Аѳиняне страдали столь неизлѣчимою болѣзнію. Или ты невидишъ, какъ хорошо устроены у нихъ морскія силы, и какъ точно выполняютъ они приказанія предсѣдательствующихъ на гимнастическихъ подвигахъ и какъ исправно услуживаютъ начальникамъ хоровъ?

Перикл: То и удивительно, что тогда какъ они охотно повинуются этимъ предсѣдателямъ, ихъ тяжело вооруженные пѣхотинцы и всадники, которые, кажется, и должны бы отличаться отъ прочихъ гражданъ храбростью и честностью, непослушливѣе всѣхъ.

Сократ: Судилище на Ареопагѣ состоитъ не изъ дознанныхъ ли въ добрыхъ качествахъ людей?

Перикл: Конечно.

Сократ: Знаешъ ли еще другихъ, которые разбирали бы тяжбы и поступали бы во всемъ лучше, законнѣе, честнѣе и справедливѣе ихъ?

Перикл: Я непорочу ихъ.

Сократ: По этому ненадобно отчаяваться и думать, будто Аѳиняне уже неисправимы.

Перикла: Въ военномъ дѣлѣ, гдѣ особенно должно отличаться скромностью, строгою дисциплиною и послушаніемъ, теперь ни на что необращаютъ вниманія.

Сократа: Можетъ быть, теперь въ войскахъ начальники люди малоопытные. Развѣ ты незнаешъ, что у цитаристовъ, при хорахъ, при оркестрѣ, при борцахъ и на панкратіонѣ могутъ быть начальниками дюди только самые опытные въ этихъ искуствахъ, и должны объяснять руководимымъ ими, отъ кого они сами пріобрѣли тѣ познанія, а у насъ теперь бо́льшая часть полководцовъ самоучки? Не думаю, чтобъ ты былъ изъ числа ихъ; о тебѣ даже могу сказать, когда именно ты началъ учиться управлять войсками и когда занимался искуствомъ борьбы; я даже думаю, что многія свѣдѣнія, касающіяся должности военачальника, полученныя тобою отъ отца, ты еще удержалъ въ памяти, а многія самъ пріобрѣлъ, откуда только

могъ научиться чему нибудь полезному для стратегіи. Ты и нынѣ постоянно заботишся о томъ, чтобъ неукрылось отъ тебя ничего, что́ нужно для стратегіи, и замѣчая за собой, чего ты незнаешъ, приискиваешъ людей свѣдущихъ въ этомъ и нещадишъ ни подарковъ, ни особенныхъ знаковъ любви твоей для того, чтобъ научиться отъ нихъ тому, что́ тебѣ неизвѣстно и чтобъ имѣть въ нихъ хорошихъ себѣ сотрудниковъ.

Перикла: Сократъ! Вижу, что ты говоришъ это, непотому, что предполагаешъ, будто я занимаюсь обязанностью полководца, а желая внушить мнѣ, что будущій полководецъ долженъ предварительно озаботиться изученіемъ своихъ обязанностей.

Сократа: И это правда. Периклъ! Ты конечно знаешъ, что на границахъ нашей страны лежатъ высокія горы, простирающіяся до Вio-

тіи, чрезъ эти горы дорога въ нашу страну тѣсная и утесистая, а средина нашего отечества окружена горами неприступными.

Периклъ: Да, знаю.

Сократъ: Что же? Конечно ты слышалъ и то, что Мизяне и Писидійцы, во владѣніяхъ Персидскаго царя занимая неприступныя мѣста и содержа легковооруженныя войска, дѣлаютъ набѣги на сосѣдственныя области, причиняютъ имъ великій вредъ, а сами живутъ покойно.

Периклъ: И это слышалъ.

Сократъ: Нельзя ли думать, что и Аѳиняне, изъ молодыхъ людей составивъ легковооруженныя войска и занявъ лежащія на границахъ горы, могутъ вредить непріятелямъ, а для своихъ согражданъ будутъ служить великою защитою?

Перикла: Конечно, это было бы полезно.

Сократъ: И такъ, любезный Периклъ! если это нравится тебѣ, приступи къ дѣлу. Все, что́ ты выполнишъ изъ моихъ совѣтовъ, составитъ для тебя славу, а для отечества счастіе. Если же чего нибудь не будешъ въ состояніи выполнить, это еще не послужитъ ко вреду государства и не обезславитъ тебя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Главкона, сына Аристонова, (когда онъ, не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, отваживался говорить рѣчи въ народныхъ собраніяхъ для того, чтобъ сдѣлаться главою государства) никто ни изъ родныхъ, ни изъ друзей немогъ отучить отъ этого, несмотря на то, что уже не разъ стаскивали его и съ каѳедры и подвергали осмѣянію, одинъ Сократъ, будучи хорошо расположенъ къ нему, по любви къ Хармиду, сыну Главконову и къ Платону, могъ отвадить отъ этой привычки. Однажды случайно встрѣтившись съ нимъ, чтобъ только вовлечь его въ разговоръ съ собой, остановилъ слѣдующими словами

Сократъ: Главконъ! Ты хочешъ быть у насъ главою государства?

Главконъ: Да, Сократъ!

Сократъ: Подлинно, этого нѣтъ ни чего славнѣе въ свѣтѣ. Ибо если достигнешъ этого званія, и самъ будешъ имѣть возможность получить все, чего тебѣ хочется; въ состояніи будешъ доставлять выгоды и друзьямъ твоимъ, возвысишъ родъ отца своего, разширишъ предѣлы отечества, сдѣлаешся славнымъ сперва въ Аѳинахъ, потомъ во всей Греціи, а, можетъ быть, подобно Ѳемистоклу, и въ чужихъ земляхъ, и гдѣ бы ты ни явился, вездѣ будутъ смотрѣть на тебя съ удивленіемъ. Этѣ слова возгордили Главкона; онъ съ удовольствіемъ остановился и сталъ разговаривать съ Сократомъ.

Сократъ продолжалъ: Если угодно тебѣ удостоиться таковыхъ почестей; то и ты долженъ

быть чѣмъ нибудь полезенъ для своего отечества.

Главконъ: Конечно.

Сократъ: Умоляю тебя богами, нескрой, а скажи намъ, чѣмъ начнешъ благодѣтельствовать отечеству?

А поелику Главконъ замолчалъ и соображалъ самъ въ себѣ, съ чего бы начать это, то продолжалъ

Сократъ: Если ты захочешъ возвысить домъ твоего друга, то безъ сомнѣнія, для этого постараешся сдѣлать его богаче; такимъ образомъ не постараешся ли доставить и своему отечеству большихъ средствъ къ его обогащенію?

Главконъ: Непремѣнно.

Сократъ: По этому наше отечество будетъ богаче, когда умножатся его доходы?

Главконъ: Естественно.

Сократъ: Скажи, пожалуй, изъ какихъ источниковъ нынѣ доходы у нашего государства и сколько ихъ? Вѣрно, ты разсуждалъ объ этомъ, чтобъ недостаточные изъ нихъ пополнить, а тѣ источники доходовъ, кои нынѣ остаются безъ вниманія, опять привести въ дѣйство.

Главконъ: Нѣтъ; я еще несоображалъ этого.

Сократъ: Если это было для тебя еще дѣломъ постороннимъ, покрайней мѣрѣ объясни намъ, какіе расходы у государства; вѣрно, ты намѣренъ прекратить излишніе.

Главконъ: Ей, ей! небыло времени подумать и объ этомъ.

Сократъ: И такъ разсужденіе о томъ, какъ сдѣлать государство богаче, пока въ сторону. Ибо въ самомъ дѣлѣ какъ можно разсуждать объ этомъ тому, кто незнаетъ ни доходовъ, ни расходовъ государства?

Главконъ: Это правда; но государство можно обогатить и изъ добычь непріятельскихъ?

Сократъ: И очень, если только мы побѣдимъ непріятелей, а если они побѣдятъ насъ, то лишимся и своего.

Главконъ: Правду говоришъ.

Сократъ: По этому намѣревающійся съ кѣмъ нибудь воевать, напередъ долженъ знать и силы своего государства и силы непріятеля, чтобъ въ томъ случаѣ, когда наше отечество окажется сильнѣе, могъ посовѣтовать начинать войну, а если непріятельскія силы будутъ больше, дол-

женъ посовѣтовать обществу, осторожно вести себя въ этомъ случаѣ.

Главконъ: Справедливо.

Сократъ: И такъ первѣе всего объясни намъ, сколько войскъ въ нашемъ отечествѣ сухопутныхъ и морскихъ, и сколько у непріятеля.

Главконъ: Не могу наизусть сказать тебѣ и этого.

Сократъ: Но можетъ быть у тебя есть записки объ этомъ. Прочитай; я съ удовольствіемъ послушаю.

Главконъ: У меня нѣтъ никакихъ записокъ.

Сократъ: По этому и разсужденіе о войнѣ пока въ сторону; можетъ быть, по многосложности этого предмета, ты недавно изволивъ быть

главою государства, еще неуспѣлъ обстоятельно обозрѣть его. Но я за вѣрное полагаю, что ты покрайней мѣрѣ разсуждалъ самъ съ собой о охраненіи нашей страны, и знаешъ, сколько въ ней гарнизоновъ, сколько ненужныхъ и сколько въ нихъ способныхъ еще къ службѣ воиновъ и сколько неспособныхъ, вѣрно соображалъ и то, которые гарнизоны усилить, и которые, какъ ненужные, упразднить.

Главконъ: Я упразднилъ бы всѣ; потому что они не стерегутъ насъ, ихъ самихъ надобно беречься; они же сами окрадываютъ наши поля.

Сократъ: Но уничтоживъ гарнизоны, какъ думаешъ, недадимъ ли воли уже всякому желающему производить у насъ грабежи? — Дознавалъ ли ты самъ на мѣстѣ, что́ говоришъ о гарнизонахъ; какъ знаешъ, что гарнизоны слабо содержатъ караулы?

Главконъ: Я догадываюсь объ этомъ.

Сократъ: И такъ и объ этомъ предметѣ поговоримъ тогда, когда въ состояніи будешъ разсуждать о немъ не по догадкамъ, а на основаніи вѣрныхъ свѣдѣній.

Главконъ: Дѣйствительно; можетъ быть это будетъ лучше.

Сократъ: Знаю, что ты еще неходилъ и въ серебреные рудники, чтобъ узнать и сказать, почему нынѣ оттуда доходовъ меньше прежняго?

Главконъ: Да; я еще неходилъ туда.

Сократъ: Говорятъ, что это мѣсто тяжело для здоровья; по этому когда бы нужно было тебѣ говорить съ кѣмъ нибудь объ этомъ, ты можешъ представить въ свое извиненіе тамошній нездоровый воздухъ.

Главконъ: Ты подшучиваешъ надо мной.

Сократъ: Но ужъ дѣйствительно знаю, что ты всегда внимательно соображалъ, на сколько времени достаточно будетъ хлѣба съ полей нашихъ для продовольствія государства и сколько потребуется его на годъ, чтобъ неоставаться тебѣ въ неизвѣстности, когда у гражданъ небудетъ хлѣба, но чтобъ, зпая это, ты своими совѣтами могъ оказать пособіе своему отечеству и обезопасить его въ этомъ отношеніи.

Главконъ: Претрудное дѣло ты предлагаешъ, особенно если о всемъ этомъ приведется хлопотать мнѣ самому.

Сократъ: Но ты неможешъ хорошо устроить и свой домъ, если не будешъ знать всего, что́ нужно для этого и если неностараешся удовлетворить всѣмъ его потребностямъ. Но если государство будетъ состоять больше, чѣмъ

изъ десяти тысячь домовъ и трудно будетъ въ одно и тоже время заботиться о столькихъ домахъ; то какъ же ты напередъ непопытался привести въ цвѣтущее состояніе одного дядина дома? А ему это необходимо бы нужно. Если ты сможешъ сдѣлать это, то въ состояніи будешъ сдѣлать и большее. А будучи не въ состояніи оказать пособія одному, какъ сможешъ сдѣлать это для многихъ? Если кто не въ состояніи будетъ нести одного таланта, то несочевидно ли, что онъ уже никакъ недолженъ рѣшаться на большее?

Главконъ: Я поправилъ бы домъ моего дядюшки, если бы онъ напередъ поклонился мнѣ.

Сократъ: Ты, немогши убѣдить къ этому одного своего дяди, развѣ считаешъ возмож-

нымъ, чтобъ всѣ Аѳиняне и вмѣстѣ съ твоимъ дядюшкой стали кланяться тебѣ?

Смотри, Главконъ! поостерегись; стремясь къ высокимъ честямъ неударь себя лицомъ въ грязь. Или ты незнаешъ, какъ опасно и говорить и дѣлать то, чего самъ несмыслишъ? Посмотри на другихъ, кои также говорятъ и дѣлаютъ то, чего сами незнаютъ. Какъ ты думаешъ, что они заслужатъ за это, похвалу, или упреки, будутъ ли удивляться имъ, или наградятъ ихъ всеобщимъ презрѣніемъ? Долженъ ты теперь же подумать и о тѣхъ, кои смыслятъ то, что́ говорятъ и дѣлаютъ; думаю, ты замѣтишъ, что тѣ, кои во всѣхъ дѣйствіяхъ слывутъ хорошими, даже заслуживаютъ удивленіе, принадлежатъ къ числу опытнѣйшихъ, а тѣ, кои въ худомъ мнѣніи и въ презрѣніи у другихъ, принадлежатъ къ числу великихъ невѣжъ. И такъ, если и ты желаешъ быть знаменитостью въ своемъ отечествѣ и хочешъ заслуживать уди-

вленіе, напередъ постарайся, какъ можно лучше, узнать обязанности будущаго своего званія. И если ты съ отличными свѣденіями начнешъ заниматься государственными дѣлами, то неудивительно, что легко достигнешъ и желаемой тобою должности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сократъ, замѣчая, что Хармидъ, сынъ Главконовъ, человѣкъ съ большими достоинствами и съ отличными способностями, не какъ особы, занимавшіяся тогда государственными дѣлами, нехочетъ даже сказать объ этомъ и слова народу и уклоняется отъ дѣлъ государственныхъ, сказалъ: скажи мнѣ, Хармидъ! Еслибы кто, чувствуя себя способнымъ заслужить побѣдный вѣнецъ на играхъ и чрезъ это прославить себя и свое отечество во всей Греціи, незахотѣлъ подвизаться на нихъ, какимъ бы ты почелъ этого человѣка?

Хармидъ: Конечно, нѣженкой и трусомъ.

Сократъ: А если бы кто, занимаясь государственными дѣлами въ состояніи былъ привести свое отечество въ цвѣтущее положеніе и за это удостоиться особенныхъ почестей, полѣнился сдѣлать это, таковой человѣкъ не заслужитъ ли по справедливости названіе труса?

Хармидъ: Можетъ быть. Но для чего ты спрашиваешъ меня объ этомъ?

Сократъ: Для того, что, ты, будучи въ состояніи заниматься государственными дѣлами, нехочешъ взяться за нихъ и поучаствовать въ томъ, къ чему обязываешся по званію гражданина.

Хармидъ: По изъ какого обстоятельства замѣтилъ ты во мнѣ такія способности, и на основаніи чего такъ думаешъ обо мнѣ?

Сократъ: Изъ тѣхъ собраній, въ коихъ ты бываешъ между государственными мужами; ибо я знаю, что ты, когда члены тѣхъ собраній спрашиваютъ тебя о чемъ нибудь, подаешъ имъ полезные совѣты и справедливо замѣчаешъ ихъ ошибки.

Хармидъ: Но не все равно, разсуждать въ частныхъ собраніяхъ и доказывать что нибудь передъ народомъ.

Сократъ: Такъ; но кто на пр. умѣетъ правильно считать, тотъ также правильно сосчитаетъ и при народѣ, какъ правильно считалъ и наединѣ самъ съ собою; отлично играющій на цитрѣ въ своемъ кабинетѣ, съ такимъ же искуствомъ выполнитъ это и въ публичномъ собраніи.

Хармидъ: Развѣ ты незнаешъ, что врожденныя человѣку стыдливость и боязливость

въ общественныхъ собраніяхъ дѣйствуютъ больше, чѣмъ въ домашнихъ бесѣдахъ?

Сократъ: Начавъ учить тебя, я замѣтилъ, что ты бесѣдуешь безъ застѣнчивости съ умнѣйшими мужами, безъ робости съ людьми сильными; а теперь стыдишся говорить передъ сущими невѣжами, передъ людми ничтожными. Или ты долженъ стыдиться валяльщиковъ, сапожниковъ, плотниковъ, кузнецовъ, пахарей, купцовъ, кулаковъ, шляющихся по рынкамъ и хлопочущихъ о томъ, чтобъ купить что нибудь подешевле, а продать подороже. Ибо изъ таковыхъ людей и состоятъ тѣ собранія. Какая, думаешь, будетъ разность между твоимъ образомъ дѣйствованія и межлу дѣйствованіемъ мощнаго атлета, который боится идіотовъ? Ты между первенствующими въ государствѣ (хотя нѣкоторые изъ нихъ еще не высоко думаютъ о тебѣ) свободно разсуждаешь и несравненно лучше тѣхъ, кои всячески стараются хотя нѣ-

сколько словъ сказать съ гражданами, а между людми, никогда незанимавшимися государственными дѣлами и несмѣющими думать о тебѣ невыгодно, ты нехочешъ говорить, боясь быть осмѣяннымъ?

Хармидъ: Что же? Или незнаешъ, что присутствующіе въ собраніи часто осмѣиваютъ и тѣхъ, кто говоритъ правду?

Сократъ: Это дѣлаютъ и другіе. По этому я и удивляюсь, что для тебя легко бывало побѣждать своимъ словомъ людей сильныхъ, а съ людьми ничтожмыми какъ будто уже и неможешъ справиться. Любезнѣйшій! Узнавай себя самаго, и неошибайся, въ чемъ ошибаются весьма многіе. Многіе, съ удовольствіемъ пересуживая дѣла чужія, нелюбятъ разсматривать своихъ дѣйствій. Незабудь этого; но больше

всего внимай самому себѣ; постарайся о дѣлахъ государственныхъ, особенно если можешъ поулучшить ихъ. Ибо если онѣ будутъ въ хорошемъ положеніи; то нетолько прочіе граждане, но и твои друзья и ты самъ сколько получите отъ этого пользы!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Когда Аристиппъ въ отмѣстку хотѣлъ обличить Сократа, этотъ, желая извлечь и изъ сего пользу для своихъ учениковъ, отвѣчалъ ему просто, не кавъ тѣ, кои боятся, чтобъ слова ихъ небыли извращены въ какомъ нибудь отношеніи, но съ тою цѣлію, чтобъ ученики его, совершенно убѣдившись въ нихъ, постарались заниматься исполненіемъ своихъ обязанностей.

Аристиппъ: Знаешъ ли что нибудь такое, что можетъ назваться истинно добрымъ?

Если бы Сократъ назвалъ что нибудь таковымъ, на пр. или пищу, или питье, или деньги,

или здоровье, или тѣлесную силу, или отважность, Аристиппъ указалъ бы ему, что и это иногда бываетъ зломъ. Но Сократъ, зная, что въ томъ случаѣ, когда какія нибудь непріятности безпокоютъ насъ, мы ищемъ средствъ противъ нихъ, въ предъупрежденіе возраженій со стороны Аристиппа, объяснилъ, что́ тогда лучше всего дѣлать.

Сократъ: Ты вѣрно спрашиваешъ: что можетъ быть хорошимъ въ лихорадкѣ?

Аристиппъ: Нѣтъ.

Сократъ: Или: что можетъ быть хорошимъ при гноетеченіи изъ глазъ?

Аристиппъ: Нѣтъ.

Сократъ: Или: что можетъ быть хорошимъ во время голода?

Аристиппъ: И не объ этомъ.

Сократъ: Или ты спрашиваешъ меня: есть ли что нибудь хорошее такое, что ни для чего нехорошо?—И незнаю, и ненуждаюсь знать этого.

Аристиппъ: Знаешъ ли, что такое прекрасное (приличное)?

Сократъ: Этого много видовъ.

Аристиппъ: И всѣ они между собою сходны?

Сократъ: Бываетъ; но нѣкоторые виды бываютъ и очень несходны между собою.

Аристиппъ: Какъ же можетъ быть прекраснымъ то, что́ не похоже на прекрасное?

Сократъ: Такъ и бываетъ. Съ человѣкомъ, умѣющимъ отлично (прекрасно) бѣгать, несхо-

день другой человѣкъ, умѣющій отлично бороться; щитъ прекрасенъ, когда съ нимъ можно безопасно нападать на непріятеля, но онъ вовсе непохожъ на прекрасный дротикъ, который сильно и быстро несется въ воздухѣ.

Аристиппъ: Твой отвѣтъ нисколько неотличается отъ того, который ты далъ на мой вопросъ: знаешъ ли что нибудь истинно доброе, или хорошее?

Сократъ: А ты, вѣрно, думаешъ, что иное дѣло доброе или хорошее, и иное прекрасное (приличное)? Развѣ ты незнаешъ, что все прекрасное и хорошее можетъ пренадлежать однимъ и тѣмъ же предметамъ? Напр. невозможно, чтобъ первѣйшій предметъ — добродѣтель въ одномъ случаѣ была и хороша и прекрасна, а въ другомъ случаѣ нетакова. — Такъ и люди въ одномъ и томъ же отношеніи къ однимъ и тѣмъ же предметамъ могутъ быть и хороши и прекра-

сны, и тѣла человѣческія по отношенію къ однимъ и тѣмъ же предметамъ кажутся и хорошими и прекрасными; и наконецъ все, чѣмъ люди занимаются и съ чѣмъ обращаются, въ отношеніи къ однѣмъ и тѣмъ же лицамъ въ одинаковыхъ случаяхъ и при надлежащемъ приспособленіи къ пользамъ чиловѣческимъ, бываетъ и хорошо и прекрасно.

Аристиппъ: По этому и кошель золотаря вещь прекрасная?

Сократъ: И очень; и золотой щитъ будетъ скверенъ, если будетъ сдѣланъ дурно и не будетъ пригоденъ къ употребленію, а кошель золотаря будетъ вещь прекрасная, если будетъ хорошо приспособленъ къ своей цѣли.

Аристиппъ: Слѣдовательно, по твоимъ словамъ, и прекрасное и отвратительное одно и тоже?

Сократъ: Да; даже добро бываетъ зломъ и прекрасное отвратительнымъ. Ибо часто то, что́ хорошо во время голода, бываетъ зломъ въ лихорадкѣ, и хорошее средство противъ лихорадки бываетъ нехорошо для голоднаго. Часто быстро бѣгущій къ цѣли кажется намъ прекраснымъ, онъ же въ борьбѣ является дурнымъ; а иной въ борьбѣ прекрасно дѣйствуетъ, а въ бѣганьѣ дуренъ, даже отвратителенъ. По этому все хорошо и прекрасно, когда оно таково для того, для чего назначено, и это хорошее и прекрасное дѣлается дурнымъ и отвратительнымъ, когда негодится для своихъ цѣлей.

Сократъ, говоря, что одни и тѣже домы могутъ быть и красивы и вмѣстѣ полезны, училъ и тому, какъ надобно строить домы. Онъ такъ разсуждалъ: Намѣревающійся построить себѣ по всѣмъ отношеніямъ хорошій домъ, не долженъ ли имѣть въ соображеніи, чтобъ домъ его былъ совершенно приспособленъ къ потребно-

стямъ помѣщеній и чтобъ былъ самый полезный. Далѣе, для насъ пріятно будетъ имѣть домъ для лѣта прохладный, а для зимы теплый. А для этого въ комнатахъ, обращенныхъ на полдень, солнце зимою должно свѣтить въ спальни, диванныя и столовыя такъ, чтобъ оно лѣтомъ, ходя надъ нашими головами и поверхъ кровель, давало намъ тѣнь. И если этотъ распорядокъ понравится, тогда комнаты на полдень должны быть выше, чтобъ и зимнее солнце невыходило изъ оконъ, а которыя комнаты на сѣверъ, должны быть ниже, чтобъ холодные вѣтры некасались ихъ. Словомъ, и самымъ пріятнымъ и удобнымъ для помѣщеній и вмѣстѣ прекраснымъ можно будетъ назвать тотъ домъ, въ коемъ во всякое время года можемъ съ удовольствіемъ и жить, и располагать и сохранять все совершенно безопасно. Но картины и пестрыя краски въ жилыхъ хорошо отдѣланныхъ комнатахъ почти недоставляютъ никакого удовольствія.

Для храмовъ же и жертвенниковъ Сократъ почиталъ самыми приличными мѣста совершенно открытыя и не поддорожныя. Ибо пріятно богамъ, когда издали видящіе храмъ, и оттуда могутъ молиться имъ; также пріятно и то, когда не будутъ приближаться къ нимъ всѣ безъ разбору, и самые нечистые.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сократъ, бывъ спрошенъ, храбрость пріобрѣтается ли наукою, или бываетъ прирождена, отвѣчалъ: какъ въ природѣ одно тѣло сильнѣе другаго въ перенесеніи трудовъ; такъ но природѣ же и одна душа терпѣливѣе другой переноситъ нещастія. Ибо я знаю, что воспитываемые по однимъ и тѣмъ же законамъ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же обычаевъ, чрезвычайно различаются между собою въ отношеніи къ отважности. И я думаю, что и храбрость во всякой природѣ развивается и наукою и упражненіемъ. Ибо извѣстяо, что Скиѳы и Ѳракіяне, вооруженные только щитами и копьями

несмѣютъ сражаться съ Лакедэмонянами; также извѣстно и то, что и Лакедэмоняне не рѣшались нападать на Ѳракіянъ съ однѣми пращами и дротиками, а на Скиѳовъ съ одними луками. Подобнымъ образомъ люди и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ и по природѣ различны между сэбою, и наукою и прилежаніемъ пріобрѣтаютъ очень многое, что также различаетъ ихъ. Изъ этого видно, что всѣ люди и очень счастливыхъ способностей отъ природы и очень тупые наукою и прилежаніемъ должны пріобрѣтать то, въ чемъ хотятъ прославиться.

Сократъ неотдѣлялъ мудрости отъ добраго поведенія, и мудрымъ и благонравнымъ называлъ того, кто, узнавши правила честности и добродѣтели, слѣдовалъ имъ, и, замѣчая свойства пороковъ, остерегался ихъ. Бывъ спрошенъ: можно ли назвать мудрыми и воздержными тѣхъ, кто знаетъ, что́ должно дѣлать, а дѣлаетъ противное, отвѣчалъ: лучше всего на-

звать ихъ глупыми и не воздержными. Ибо, по моему мнѣнію, всѣ избирающіе для себя изъ всѣхъ вещей самыя полезныя, справедливо поступаютъ. По этому тѣхъ, кто непоступаетъ такъ справедливо, не почитаю людьми умными и добраго поведенія.

Онъ говорилъ, что справедливость и прочіе виды добродѣтели не иное что какъ мудрость; ибо справедливость и всѣ дѣйствія, согласныя съ правилами добродѣтели, и честны и хороши; сознающіе ихъ неизбираютъ вмѣсто нихъ ничего другаго, а не сознающіе этихъ правилъ не могутъ исполнять ихъ, и пытаясь выполнить, впадаютъ въ погрѣшности: такимъ образомъ и мудрые совершаютъ дѣла честныя и добрыя, а неруководствующіеся правилами мудрости не могутъ дѣлать этого, и, пытаясь сдѣлать что нибудь честное и доброе, погрѣшаютъ. И такъ если справедливость и все честное и хорошее совершается добродѣтелью; то

справедливость и всѣ прочіе виды добродѣтели составляютъ также мудрость.

По словамъ Сократа мудрости противополагается безуміе; впрочемъ подъ безумiемъ онъ неразумѣлъ обыкновеннаго незнанія, но и незнать самаго себя и незнать того, въ чемъ, по самомнительности, ложно почитаемъ себя самихъ вполнѣ свѣдущими, и это, по мнѣнію его, очень близко къ безумію. Онъ говорилъ, что простой народъ непочитаетъ безумными тѣхъ кои ошибаются въ чемъ нибудь такомъ, чего незнаетъ бо́льшая часть людей, а называетъ безумными тѣхъ, кои незнаютъ и того, что́ знаетъ простой народъ. А еще безумнымъ или сумасшедшимъ называемъ того, кто воображаетъ себѣ, что онъ столь высокъ, что, ненагнувшись, не можетъ пройдти въ городскія ворота, или, что онъ столь силенъ, что можетъ поднять и понести на себѣ цѣлые домы, или можетъ сдѣлать то, что́, по сознанію всѣхъ, считается не

возможнымъ. А тѣхъ, которые еще не много ошибаются, по мнѣнію простонародія, не слѣдуетъ считать безумными, и какъ сильное плотское похотѣніе называемъ любострастіемъ, такъ и большія глупости можно называть безуміемъ.

Разсматривая зависть въ ея сущности, называлъ ею печаль, которая рождается въ насъ не тогда, когда видимъ друзей въ нещастіи, а враговъ въ счастіи, но тогда, когда мучимся счастіемъ друзей. Нѣкоторые удивлялись тому, какъ можно мучиться счастіемъ того, кого мы любимъ; по этому случаю онъ припомнилъ, что многіе такъ расположены къ инымъ, что когда эти иные и дурно дѣлаютъ и терпятъ неудачи, повидимому не презираютъ ихъ, даже помогаютъ умножаться ихъ бѣдамъ, а когда счастіе оборотится къ нимъ лицомъ, опять скучаютъ. Для разумнаго человѣка это вовся нейдетъ, а для безмозглыхъ головъ это любимая вещь.

Разсуждая о праздности, между прочимъ онъ немогъ незамѣчать, что большая часть людей все чѣмъ нибудь занимаются. Ибо играющіе въ кости (по нашему, въ карты) и самые смѣхотворы, — шуты и паяцы, и они не безъ дѣла, впрочемъ всѣ люди таковаго рода на самомъ дѣлѣ расположены къ праздности; потому что имъ можно было заниматься чѣмъ нибудь и лучшимъ. Но отъ лучшаго идти къ худшему это ненадоѣстъ никакому и дураку. И если кто, имѣя у себя нужныя дѣла, такъ поступаетъ, тотъ дурно поступаетъ.

Царями и начальниками Сократъ называлъ не только тѣхъ, кто имѣетъ внѣшніе знаки власти, или кто выбранъ кѣмъ нибудь по жребію, или хитростью пролезъ въ должность начальника, но преимущественно тѣхъ, кои при внѣшнихъ достоинствахъ, смыслятъ быть достойными начальниками. Когда соглашались съ нимъ въ томъ, что обязанность начальника повелѣ-

вать, что́ и какъ надобно дѣлать, а обязанность подчиненнаго повиноваться повелѣніямъ, онъ продолжалъ такъ: на кораблѣ, кто опытенъ въ мореплаваніи, начальствуетъ надъ всѣми, и всѣ находящіеся на кораблѣ повинуются ему; владѣльцы полей повинуются опытнымъ въ земледѣліи, больные искуснымъ врачамъ; упражняющіе тѣло учителямъ гимнастики и всѣ прочіе, у кого есть о чемъ либо забота, должны стараться узнать все, что́ для нихъ нужно. Кто ненадѣется на свои познанія, тотъ долженъ повиноваться имѣющимъ таковыя познанія не только тогда, когда можетъ лично видѣться съ ними, но и приглашать къ себѣ отсутствующихъ, чтобъ подъ ихъ руководствомъ заниматься исполненіемъ своихъ обязанностей. Онъ пояснялъ это тѣмъ, что женщины въ пряденіи шерсти преимуществуютъ предъ мущинами, потому что онѣ лучше ихъ прядутъ шерсть.

А когда кто нибудь въ возраженіе говорилъ ему, что самовластный правитель можетъ не

слушаться и добрыхъ совѣтовъ, Сократъ отвѣчалъ: какъ же можно неслушаться, когда за невниманіе добрымъ совѣтамъ не обходимо постигнетъ его несчастіе? Ибо въ какомъ нибудь дѣлѣ невнимающій добрымъ совѣтамъ легко можетъ погрѣшать, а погрѣшающій уже необходимо потерпитъ какую нибудь бѣду. А когда говорили, что самовластный правитель можетъ предавать смерти и здравомыслящихъ; тогда Сократъ въ объясненіе спрашивалъ: умерщвляющій лучшихъ своихъ помощниковъ можетъ ли считать себя безопаснымъ отъ всякой бѣды, или не подвергнется ли хотя какому нибудь нещастію? Или ты думаешъ, что дѣйствующій такимъ образомъ лучше уцѣлѣетъ и неускоритъ своей погибели?

Когда спрашивали его: какое самое лучшее занятіе для человѣка въ этой жизни, отвѣчалъ: неукоризненная дѣятельность. А когда еще спрашивали его: можно ли назвать и счастье

предметомъ дѣятельности, отвѣчалъ: счастье и неукоризненная дѣятельность—это двѣ противоположныя одна другой вещи. Ибо счастье есть то, чего мы не ищемъ, а что́ самослучайно приходитъ къ нашимъ услугамъ; а подъ неукоризненною дѣятельностью разумѣется то, что́ мы дѣлаемъ добраго или по наукѣ или въ слѣдствіе нашего прилежанія. Преданные таковой дѣятельности неукоризненно дѣйствуютъ. И называлъ людьми самыми лучшими и угоднѣйшими Богу тѣхъ, кто, при должныхъ свѣденіяхъ, съ искреннимъ усердіемъ дѣйствуетъ согласно требованіямъ своего званія, напр. земледѣлецъ въ обработываніи земли, врачь въ лѣченіи больныхъ, государственный человѣкъ въ занятіяхъ по дѣламъ гражданскимъ, и т. д.; а тѣхъ, кто такъ недѣйствуетъ, называлъ людьми безполезными и неугодными Богу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Сократъ иногда разговаривалъ и съ художниками, изъ прибыли занимавшимися искуствами, и имъ давалъ полезные совѣты. Однажды пришелъ къ живописцу Парразію и имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Сократъ: Парразій! Вѣдь, живописъ есть истое изображеніе видимыхъ предметовъ? Слѣдовательно вы, подражая природѣ, красками изображаете тѣла́ и съ углубленіями и выдавшіяся, и темныя и свѣтлыя, жесткія и мягкія, шероховатыя и гладкія, молодыя и старыя.

Парразій: Правду говоришъ.

Сократъ: По этому вы, изображая прекрасныя лица, и неимѣя возможности съ натуры одного человѣка писать всѣ принадлежности въ совершенныхъ видахъ, снимаете красоты со многихъ, съ каждаго самое лучшее, и такимъ образомъ у васъ цѣлый человѣкъ является прекраснымъ?

Парразій: Да; мы дѣлаемъ это.

Сократъ: Но можете ли вы подражательно изображать характеръ души человѣка и самаго послушливаго, и самаго ласковаго, и самаго дружелюбнаго, и самаго интереснѣйшаго, и самаго любезнаго? Или нельзя изображать этого чрезъ подражаніе природѣ?

Парразій: Сократъ! Какъ же можно подражательно изображать то, что́ неимѣетъ ни мѣры, ни цвѣта, вообще ничего, о чемъ ты самъ недавно говорилъ и вообще не подлежитъ зрѣнію?

Сократъ: Но неслучается ли человѣку взглянуть на кого нибудь или ласково, или сурово?

Парразій: Да, случается.

Сократъ: Слѣдовательно и взгляды можно изображать на картинѣ?

Парразій: И очень.

Сократъ: И счастливыя и несчастливыя обстоятельства друзей одинаково ли заставляютъ глядѣть и тѣхъ, кто участвуетъ въ нихъ, и кто не участвуетъ?

Парразій: Конечно не одинаково. При счастіи ихъ наше лице цвѣтетъ веселіемъ, а при нещастіи ихъ мы бываемъ мрачны.

Сократъ: И такъ эти разположенія духа можно изображать красками?

Парразій: Можно.

Сократъ: Слѣдовательно можно изобразить на картинѣ и видъ величественный и важно-благородный, и смиренность и раболѣпство, и скромность и глубокомыслiе, и наянливость и глубокую глупость и совершенное безвкусiе, и выражать все это и въ лицѣ и въ жестахъ, и изображать это въ человѣкѣ, когда онъ находится въ стоячемъ положенiи и въ движенiи.

Парразій: Правду говоришъ.

Сократъ: Слѣдовательно и все это можно изображать подражательно?

Парразій: И очень.

Сократъ: А на какія картины съ бóльшимъ удовольствiемъ смотрятъ люди, на тѣли, на коихъ изображаются и прекрасныя, и добрыя и

любезныя души, или на тѣ, гдѣ представляются и отвратительные, и тяжелые и ненавистные характеры?

Парразій: Конечно на первыя.

Однажды пришедъ къ ваятелю Клитону, сказалъ

Сократъ: Вижу, ты представляешъ людей въ различныхъ позахъ, однихъ бѣгущими, другихъ борющимися, иныхъ бьющимися на кулачки или подвизающимися въ панкратіонѣ; эти виды точно какъ живые, увлекательно, какъ бы очаровательно дѣйствуютъ на душу человѣка. Какъ ты влагаешъ такую силу въ статуи? Клитонъ ненашелся тотчасъ же отвѣтить что нибудь на этотъ вопросъ; почему продолжалъ

Сократъ: Твои статуи очень похожи на живыхъ; вѣрно, потому, что ты работы свои копируешъ съ живыхъ?

Клитонъ: Дѣйствительно такъ.

Сократъ: Слѣдовательно ты, выражая происходящія отъ различныхъ жестовъ перемѣны въ частяхъ тѣла, изображаешь, какъ этѣ части или поднимаются, или понижаются, или сжимаются, или растягиваются, или сильно напрягаются, или опадаютъ и ослабѣваютъ; представляешъ ихъ таковыми не для того ли, чтобъ онѣ болѣе походили на натуральныя и сильнѣе дѣйствовали на зрителей?

Клитонъ: Конечно для этого.

Сократъ: И подражательное выраженіе страстей въ дѣйствующихъ лицахъ недоставляетъ ли удовольствія зрителямъ?

Клитонъ: Вѣроятно.

Сократъ: По этому надобно представлять глаза сражающихся грозными, а лица побѣдителей веселыми?

Клитонъ: И очень.

Сократъ: И такъ ваятель долженъ выражать различныя состоянія души во внѣшнихъ образахъ.

Сократъ однажды зашелъ въ мастерскую слесаря Пистія. Пистій показалъ ему своей работы отличныя латы; вслѣдствіе чего сказалъ

Сократъ: Прекрасное изобрѣтеніе; латы покрываютъ тѣ части тѣла, кои нуждаются въ этомъ и между тѣмъ непрепятствуютъ дѣйствовать рукамм. Но скажи мнѣ, Пистій: почему ты, дѣлая латы и нетверже, и по матеріаламъ нецѣннѣе другихъ, продаешъ ихъ дороже?

Пистій: Потому что мои латы лучше другихъ приспособлены къ расположенію частей тѣла.

Сократъ: Таковую соразмѣрность и приспособленность или полагаешъ въ размѣрѣ, или въ вѣсу, и за то продаешъ ихъ дороже? Слѣдовательно ты дѣлаешъ латы не равныя и не одинаковыя, если приспособляешъ ихъ къ тѣлу каждаго?

Пистій: Это правда. Ибо безъ этого свойства и латы ни къ чему небудутъ годиться.

Сократъ: Слѣдовательно и тѣла́ требователей на этотъ снарядъ бываютъ однѣ пригодны, а другія не пригодны къ нему.

Пистій: Конечно.

Сократъ: Какъ же ты приспособляешъ свои латы къ такому тѣлу, которое неимѣетъ потребной соразмѣрности въ частяхъ?

Пистій: И для таковаго тѣла стараюсь слѣлать ихъ пригодными. Ибо пригодныя латы

уже будутъ имѣть и соразмѣрность съ частями тѣла.

Сократъ: Мнѣ кажется, ты здѣсь разсматриваешъ соразмѣрность не саму въ себѣ, но по отношенію къ употребляющему латы, такъ какъ ты называешъ соразмѣрнымъ тотъ щитъ, когда онъ приспособленъ къ употребленію, равно и плащь и другія вещи, по твоимъ словамъ, имѣютъ такое же отношеніе. Можетъ быть въ таковомъ приспособленіи вещей къ ихъ употребленію есть еще и другія выгодныя свойства.

Пистій: Сократъ! Научи меня и этому.

Сократъ: Латы, приспособленныя къ расположенію частей тѣла, при одинаковомъ съ другими вѣсѣ, не столько тяжелы для тѣла, сколько не приспособленныя къ нему. Ибо не приспособленныя къ расположенію частей тѣла или всѣ свѣшиваются съ плечь, или давятъ собою

одну какую либо часть тѣла, и отъ этого бываютъ неловки, безпрестанно безпокоятъ свой субъектъ; напротивъ того латы, приспособленныя къ расположенію частей тѣла, когда тяжесть ихъ облегчается ключи́цами, лопатками, плечами, грудью, загривкомъ и животомъ, служатъ не бременемъ, а какъ бы естественною принадлежостью тѣла.

Пистій: Теперь ты самъ высказалъ то, почему я могу считать мои работы стоющими самыхъ высокихъ цѣнъ. А между тѣмъ нѣкоторые охотнѣе покупаютъ латы золоченныя и съ чернядью.

Сократъ: Но если по этому только покупаютъ ихъ, и если эти латы небудутъ приспособлены къ расположенію частей тѣла; то, по моему мнѣнію, они покупаютъ себѣ зло раззолоченное, да еще и подъ чернядью. А поелику тѣло наше не остается всегда въ одинаковомъ

положеніи, но иногда нагибается, иногда выпрямляется; то какимъ же образомъ можно дѣлать латы по одной строгой мѣркѣ, не приспособляя ихъ къ положенію частей тѣла?

Пистій: Никакъ невозможно.

Сократъ: Ты говоришъ, что соразмѣренными съ частями тѣла латы называются не тѣ, кои сдѣланы строго по одной мѣркѣ, но тѣ кои нисколько небезпокоятъ насъ при употребленіи ихъ.

Пистій: Сократъ! Ты и самъ говоришъ тоже; теперь видна истина.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Въ Аѳинахъ нѣкогда жила одна прекрасная женщина, по имени Ѳеодота; она нечуждалась и добрыхъ людей. Одинъ изъ бывшихъ съ Сократомъ вспомнилъ о ней и сказалъ, что красота этой женщины сильнѣе словъ и что живописцы ходятъ къ ней копировать ея красоты, что́ она и позволяетъ дѣлать со всею благопристойностію.

Сократъ: Сходимъ, посмотримъ ее; ибо по слуху нельзя узнать тѣхъ красотъ, кои сильнѣе словъ.

Разказывавшій о ней: Пойдемъ, да поскорѣе.

Пришедъ къ Θеодотѣ и замѣтивъ, что она служитъ натурщицей одному живописцу, и сами обратили на нее свои взоры. Когда живописецъ окончилъ свои занятія, спросилъ

Сократъ: Господа! Мы ли болѣе должны благодарить Θеодоту за то, что она позволила намъ видѣть свои красоты, или она насъ за то, что мы взглянули на нее? Если ея представленіе полезнѣе для нея, то она должна благодарить насъ; а если ея представленіе полезнѣе для насъ, то мы должны благодарить ее.

Инкто: Ты справедливо разсуждаешъ.

Сократъ: Наша похвала ей уже служитъ прибылью; а когда разкажемъ о ней еще другимъ, можетъ быть, и очень многимъ; тогда

она еще больше получитъ пользы; а мы, поглядѣвъ на ея красоты, только возбудили въ себѣ нѣкоторыя новыя желанія, и, пощекотавъ наши чувства ея прелестями, уходимъ, и ушедши, все еще будемъ помнить ее. Изъ этого видно, что мы оказали ей уваженіе, а она воспользовалась нашимъ нижайшимъ почтеніемъ.

Θеодота: Если это въ самомъ дѣлѣ такъ; то я должна благодарить васъ за ваше ко мнѣ вниманіе.

Сократъ: Замѣтивъ, что она сама чрезвычайно богато одѣта, что мать ея бывшая при ней, также въ платьѣ не кое-какомъ и держитъ себя достопочтенно и что у ней много служанокъ и недурныхъ, и опрятно одѣтыхъ, и вообще во всемъ домѣ довольство и убранство, спросилъ:

Скажи мнѣ, Θеодота: есть у тебя деревенька?

Θеодота: Нѣтъ.

Сократъ: Домикъ, дающій доходы?

Θеодота: Нѣтъ и дому.

Сократъ: Покрайней мѣрѣ есть у тебя мастерицы?

Θеодота: Нѣтъ и мастерицъ.

Сократъ: Откуда же у тебя во всемъ такое довольство?

Θеодота: Иногда добрые люди дружатся со мной; и иной бываетъ такъ добръ, что неотказывается и поблагодѣтельствовать мнѣ кое чѣмъ; вотъ и всѣ источники для моего продовольствія.

Сократъ: Ну, Θеодота; прекрасные источники; они многимъ выгоднѣе хорошихъ имѣній;

выгоднѣе имѣть таковыхъ добрыхъ людей, чѣмъ стада́ овецъ, коровъ и козъ. Счастье ли служитъ тебѣ, что друзья твои льнутъ къ тебѣ какъ мухи, или и сама ты употребляешь тутъ какія нибудь хитрости?

Ѳеодота: Какія же тутъ могу употреблять хитрости?

Сократъ: Гораздо бо́льшія, нежели сколько хитростей имѣютъ пауки. Ты знаешь, какимъ образомъ ловятъ они свою добычу. Они плетутъ тонкія сѣти, и все, что́ попадется въ нихъ, служитъ для нихъ пищею.

Ѳеодота: По этому ты и мнѣ совѣтуешь плесть сѣти.

Сократъ: Ненадобно думать, чтобъ такъ просто можно было уловить эту многоцѣнную добычу, — таковыхъ добрыхъ друзей. Незна-

ешъ ли, что и охотящіеся за пустыми предметами, напр. за зайцами, употребляютъ много хитростей? Когда зайцы ночью ходятъ по лугамъ, охотники въ это время ловятъ ихъ ночниками, съ наступленіемъ дня зайцы сбѣгаютъ съ своихъ ночлеговъ, и охотники посылаютъ за ними другихъ собакъ, кои въ томъ случаѣ, когда зайцы уйдутъ въ свои норы, слѣдя ихъ по духу, догоняютъ; а поелику зайцы быстро бѣгаютъ, такъ что могутъ убѣгать изъ виду, то для этого употребляютъ борзыхъ, чтобъ поймать ихъ на бѣгу; а поелику иногда уходятъ и отъ этѣхъ собакъ, то ставятъ сѣти и другія ловушки на тропинкахъ, по коимъ они бѣгаютъ, чтобъ, попавъ въ нихъ запутались ногами.

Θеодота: Какими же бы мнѣ ловушками ловить кого нибудь въ пріятели?

Сократъ: Вмѣсто собакъ имѣй у себя такихъ людей, кои слѣдили и находили бы располо-

женныхъ къ хорошенькимъ, да богатенькихъ, а нашедши ихъ, похлопотали бы запутать ихъ въ твои сѣти.

Оеодота: Какія же я имѣю сѣти?

Сократъ: У тебя одна сѣть, но какъ ловко она ловитъ! Это прелести твоего тѣла и твоя смѣтливость; глазки твои какъ рублемъ дарятъ, слова твои какъ медъ сладки; должно радушно принимать того, кто ухаживаетъ за тобой, указывать дверь тому, кто потребуетъ излишняго; больнаго друга посѣщать почаще, отличившагося въ чемъ нибудь поспѣшить поздравить и всей душой благодарить того, кто обожаетъ тебя. Я знаю, что ты нетолько умѣешъ сладко ласкаться къ своимъ милымъ, но и съ уваженіемъ къ ихъ личностямъ. — А чтобъ у тебя были предобрые пріятели, къ этому располагаешъ не столько словами, сколько самымъ дѣломъ.

Θеодота: Ей, ей, я неупотребляю тутъ никакихъ хитростей.

Сократъ: Однакожъ много значитъ, приноровясь къ характеру человѣка, и кстати подойдти къ нему. Ибо силою невозмешъ и неудержишъ друга милаго; этого звѣрка можно уловить только ласками и прелестями.

Θеодота: Ты правду говоришъ.

Сократъ: По этому ты первѣе всего должна просить своихъ фаворитовъ, чтобъ они сдѣлали для тебя что нибудь самое ничтожное, за это ты отблагодари имъ своими любезностями; и они надолго будутъ тебѣ друзьями, долго будутъ любить тебя и будутъ къ тебѣ добры до крайней степени. Ты очень, очень угодишъ имъ, если отъ своихъ-си одолжишъ ихъ тѣмъ, въ чемъ они понуждаются. Ибо ты знаешъ, что и пища бываетъ для насъ непріятна, когда

даютъ ее намъ до появленія аппетита и совершенно сытымъ, а голодному дай и черстваго хлѣба, и тотъ покажется сладкимъ.

Оеодота: Какимъ же образомъ могу вазбуждать аппетитъ въ моихъ доброжелателяхъ?

Сократъ: Если они еще не съ голода, ничего не предлагай имъ, и не припоминай ни о чемъ, до тѣхъ поръ, пока они, почуствовавъ аппетитъ, захотятъ кое-чего. Если снова объявятъ свои желанія и требованія, сладцѣ побесѣдуй съ ними, и, какъ бы желая угодить имъ, продолжай разговаривать съ ними, убѣгай отъ нихъ, пока желанія ихъ дойдутъ до крайней степени. Тогда можно будетъ получить отъ нихъ еще не тѣ подарки, кои обѣщали прежде т. е. и получше.

Оеодота: Чтожъ, Сократъ? Помоги мнѣ ловить такихъ пріятелей?

Сократъ: Почему жъ не помочь? Впрочемъ если только напередъ сама убѣдишъ меня къ этому.

Θеодота: Да какъ же могу убѣдить тебя?

Сократъ: Сама дойди до этого, и удумай, въ чемъ могу быть полезенъ тебѣ?

Θеодота: Вопервыхъ, ходи ко мнѣ почаще.

Сократъ (подшучивая надъ ея бездѣльемъ): Милая Θеодота! Мнѣ вовся недосугъ часто ходить къ тебѣ. У меня множество частныхъ занятій, и общественныя обязанности недаютъ мнѣ покоя, сверхъ того у меня есть и пріятельницы, кои ни днемъ, ни ночью непозволяютъ мнѣ отходить отъ себя и учатся у меня любовнымъ зельямъ, и тому, какъ привораживать.

Θеодота: Сократъ! Ты и это знаешъ?

Сократъ: Почему ты думаешъ Аполлодоръ и Антисоенъ до сихъ поръ немогутъ оставить меня? Для чего же Кевитъ и Симмій пріѣзжаютъ ко мнѣ изъ Ѳивъ? Знай, матушка, что это бываетъ не безъ любовныхъ зелій, и не безъ чаръ, и не безъ приворожденья.

Ѳеодота: Научи же меня этимъ приворотамъ; и я испытаю ихъ на тебѣ на первомъ.

Сократъ: Ей, ей, не приворожишъ меня; а ты, пожалуй, жалуй ко мнѣ.

Ѳеодота: Пожалуй, буду жаловать; только принимай.

Сократъ: Буду принимать тебя, если на ту пору не будетъ у меня другой помилѣе тебя.

ДВѢНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Нѣкогда взглянувъ на одного изъ своихъ учениковъ, по имени Эпигена, человѣка молодаго, но имѣющаго худую комплексію, сказалъ

Сократъ: Эпигенъ! Какое незавидное у тебя тѣлосложеніе!

Эпигенъ: Да; дѣйствительно такъ.

Сократъ: Впрочемъ ты нехуже тѣхъ, кои хотятъ подвизаться на олимпійскихъ играхъ. Или ты думаешъ, что подвигъ противъ врага за жизнь, учреждаемый Аѳинянами, въ случаѣ

нужды, ничтоженъ? По причинѣ слабаго тѣлосложенія нѣкоторые умираютъ во время военныхъ натисковъ, нѣкоторые со стыдомъ уходятъ съ поля сраженія, многіе по этой же причинѣ живые попадаются въ плѣнъ, и, находясь въ плѣну, проводятъ остальное время жизни въ тяжкомъ рабствѣ, или впадаютъ въ убійственныя нужды, иногда, по необходимости заплативъ выкупу больше всего имѣнія, въ остальное время жизни терпятъ недостатки даже въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ и живутъ въ самомъ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи. А многіе заслуживаютъ худое о себѣ мнѣніе другихъ за то, что при слабосиліи кажутся другимъ трусами. Или ты считаешъ пустымъ этѣ непріятныя послѣдствія отъ слабаго тѣлосложенія и думаешъ, что легко переносить ихъ? Я думаю, легче и пріятнѣе бываетъ тому, кто наслаждается добрымъ здоровьемъ и въ томъ случаѣ, когда бы подвергся подобнымъ злоключеніямъ. Или ты думаешъ, что слабое

тѣлосложеніе болѣе способствуетъ здоровью и полезнѣе для всего прочаго, чѣмъ тѣлосложеніе крѣпкое и здоровое? Или ты за ничто считаешъ то, чего мы достигаемъ при пособіи здороваго тѣлосложенія? Иное бываетъ съ тѣми, кто крѣпкаго тѣлосложенія и иное съ тѣми, кто слабаго, больнаго сложенія. Ибо имѣющіе крѣпкое тѣлосложеніе наслаждаются вожделѣннымъ здравіемъ, бываютъ сильны; многіе изъ нихъ возвращаются съ войны не вредимы и съ честью и избѣгаютъ всѣхъ опасностей; многіе помогаютъ друзьямъ и дѣлаютъ добро для своего отечества, за что удостоиваются любви сограждан, заслуживаютъ отлично хорошіе отзывы другихъ и награждаются высокими почестями; остальную жизнь проводятъ въ большихъ удовольствіяхъ, выполняютъ требующіяся приличія и дѣтямъ своимъ оставляютъ порядочныя наслѣдства.

Если государство незанимается на общественный счетъ военными дѣлами; то частнымъ

людямъ еще неслѣдуетъ оставлять ихъ безъ вниманія; они тѣмъ неменѣе обязаны заниматься ими. И будь увѣренъ, что ты не проиграешъ ни на какомъ подвигѣ, ни въ какомъ дѣлѣ, когда тѣло твое будетъ очень хорошо приготовлено къ нимъ. Ибо тѣло полезно для всего того, чѣмъ занимаются люди; во всѣхъ житейскихъ нуждахъ чрезвычайно полезно имѣть тѣло сколько возможно здоровое. Или ты думаешъ, что вовсе ничтожна польза отъ тѣла для мышленія? Но кто незнаетъ, что многіе много погрѣшаютъ и въ образѣ мышленія тогда, когда тѣло ихъ нездорово? И забывчивость, и уныніе, и глуповатость, даже сумасшествіе, часто, происходя отъ слабаго сложенія тѣла, у многихъ такъ сильно дѣйствуютъ на душу, что изтребляютъ въ нихъ всѣ прежнія познанія. А у кого тѣло здорово, тѣ могутъ быть покойны и не опасаться болѣзней, происходящихъ отъ худаго тѣлосложенія. По этому можно сказать, что здоровое тѣлосложеніе доставляетъ намъ

противное тому, что происходитъ отъ слабаго тѣлосложенія. И кто здравомыслящій нерѣшится перенесть чего нибудь для отвращенія непріятностей, могущихъ происходить отъ худаго здоровья?

Но стыдно, по невниманію къ себѣ, состарѣться, не поживъ въ красѣ и невидавъ себя въ мужественномъ возрастѣ. Пренебрегающій своимъ здоровьемъ не можетъ увидѣть этого. Ибо ничего небываетъ самослучайно.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Нѣкогда одинъ человѣкъ сердился на то, что онъ на дорогѣ поклонился одному своему пріятелю, а тотъ не отвѣтилъ ему. Вслѣдствіе чего сказалъ

Сократъ: Смѣшно, что ты, встрѣтившись съ однимъ щадушнымъ, непосердился на него, а встрѣтившись съ человѣкомъ очень грубымъ оскорбился тѣмъ, что онъ непоклонился тебѣ.

Когда другой говорилъ, что ему всякая пища непріятна, сказалъ

Сократъ: Противъ этого вотъ тебѣ лѣкарство. Перестань ѣсть; переставши ѣсть будешъ чувствовать больше пріятности и будешъ экономнѣе и здоровѣе.

Еще одинъ сказалъ ему, что у него есть вода, но очень теплая; по этому нехочетъ пить ее.

Сократъ: А если хочешъ мыться теплой водой; то вотъ у тебя и готова.

N. Нѣтъ; для этого она еще холодна.

Сократъ: По этому даже твои люди незахотятъ ни пить ее, ни мыться ею?

N. Пожалуй; но я часто удивлялся тому, какъ они охотно употребляютъ ее и на то, и на другое.

Сократъ: Вода, которая у тебя, ужели горячѣе той, которая въ храмѣ Эскулапія?-

N. Нѣтъ; которая въ храмѣ Эскулапія, та горячѣе.

Сократъ: Смотри, чтобъ несказали о тебѣ, что ты прихотливѣе и твоихъ людей и даже самыхъ больныхъ.

Одинъ господинъ жестоко наказалъ своего слугу. Когда спросили его: за что онъ такъ сердится на своего камердинера, отвѣчалъ, за то, что онъ чрезвычайный лакомка, большóй волокита, любитъ денежки, сверхъ того соня. Да сообразилъ ли ты, спросилъ его Сократъ, который изъ васъ заслуживаетъ больше палокъ, ты, или твой камердинеръ?

Когда одинъ человѣкъ боялся идти въ Олимпію, сказалъ

Сократъ: Ты боишся отправиться въ эту дорогу? Не цѣлый ли день ты дома ходишъ изъ угла въ уголъ? А отправясь туда попойдешъ, потомъ позавтракаешъ; еще попойди, пообѣдай и отдохни. Или ты незнаешъ, что употребивъ пять, шесть дней на это путешествіе, легко прійдешъ изъ Аѳинъ въ Олимпію? Кажется мнѣ выгоднѣе отправиться въ дорогу однимъ днемъ раньше, чѣмъ позже. Ибо быть въ необходимости проходить дальше назначеннаго маршрутомъ непріятно; а однимъ днемъ больше пробыть въ дорогѣ, это легче будетъ. По этому лучше поспѣшить въ походъ, чѣмъ спѣшить въ дорогѣ.

Еще одинъ говорилъ, что онъ, совершивъ большую путину, усталъ.

Сократъ: Спросилъ его: Несъ *ли* на себѣ какую ношу?

N. Нѣтъ, кромѣ платья.

Сократъ: Одинъ ли ты шолъ, или былъ при тебѣ слуга?

N. Былъ.

Сократъ: Простой ли онъ шелъ, или несъ что нибудь?

N. Да; онъ несъ мою постель и прочую поклажу.

Сократъ: Какъ же онъ дошолъ дорогу?

N. Кажется, лучше моего.

Сократъ: Чтожъ? Если бы тебѣ случилось нести его ношу; каково, думаешъ, было бы тебѣ?

N. Конечно, дурно было бы; я небылъ бы въ состояніи донести ее.

Сократъ: И ты неможешъ нести столько, сколько твой слуга? А ты еще нарочито упражнялся въ гимнастикѣ?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда изъ приходившихъ къ нему на обѣды (пикники) одни мало приносили лакомыхъ блюдъ съ зеленью, а другіе много, Сократъ приказывалъ своему слугѣ предлагать небольшое свое блюдо на общую братію и раздѣлять каждому по части. Приносившимъ много стыдно было неѣсть предложеннаго Сократомъ на общую братію и непоставить тутъ же и своихъ кушаній. По этому и они ставили свои кушанья на средину, и, неимѣя ничего лишняго въ сравненіи съ приносившими немного, стали отставать, дорогою цѣною покупать для стола сласти. Замѣтивъ, что одинъ изъ обѣдавшихъ неѣлъ хлѣба,

а ѣлъ однѣ сласти безъ всего (когда разговоръ шелъ о томъ, для чего даютъ имена предметамъ) спросилъ

Сократъ: Друзья мои! Можемъ ли мы объяснить, за что называютъ иного лакомкой? Ибо всѣ ѣдятъ зелень съ хлѣбомъ, когда случится имѣть ее, и за это, кажется, неназываютъ ихъ лакомками.

N. Дѣйствительно, неназываютъ.

Сократъ: А если кто ѣстъ одну зелень безъ хлѣба, не вмѣсто приправы, а для удовольствія, будетъ ли это лакомка, или нѣтъ?

N. Едва ли другой кто нибудь приличнѣе можетъ быть названъ лакомкой. А кто съ маленькимъ кусочкомъ хлѣба съѣдаетъ много зелени?

Сократъ: Мнѣ кажется, и этого можно законно назвать лакомкой. Когда другіе будутъ молить боговъ о плодородіи, вѣроятно, этотъ господинъ станетъ просить у нихъ умноженія приправъ изъ зелени.

Когда Сократъ сказалъ это, тогда помянутый молодой человѣкъ, подумавъ, что Сократъ сказалъ это на его счетъ, непереставая ѣсть зеленныя лакомства, взялъ съ ними и хлѣба.

Сократъ, замѣтивъ это, сказалъ: посмотрите на этого человѣка, вы, сидящіе подлѣ него; хлѣбъ ли ему служитъ вмѣсто зелени, или зелень вмѣсто хлѣба?

Еще замѣтивъ, что другой изъ вечеряншихъ съ однимъ кускомъ хлѣба проглатываетъ очень много зелени сказалъ

Сократъ: Приготовленіе лакомыхъ блюдъ съ зеленью можетъ ли быть дороже отъ того, когда

потребляютъ зелени больше обыкновеннаго, или когда приготовляющій ихъ вдругъ пожираетъ многое и за одинъ разъ набиваетъ ротъ сластями всякаго рода? Кто въ одинъ разъ кладетъ себѣ въ ротъ всякихъ сластей больше, чѣмъ обыкновенные кондитеры для цѣлаго блюда, тотъ дѣлаетъ цѣннѣе и приготовленіе лакомыхъ кушаній; кондитеры, умѣющіе хорошо приготовлять кушанья, недѣлаютъ такой смѣси изъ разнородныхъ веществъ, а этотъ господинъ, дѣлая таковую смѣсь у себя во рту и погрѣшаетъ и портитъ поварское искуство. И не смѣшно ли было бы, если бы кто, имѣя весьма искусныхъ поваровъ, самъ, незная поварскаго дѣла, вздумалъ передѣлывать приготовленное ими? Съ привыкшимъ за одинъ разъ ѣсть по многу еще случается другое обстоятельство: когда нѣтъ у него на столѣ многоразличныхъ кушаній, ему все кажется недостаточнымъ; это обыкновенныя его желанія; а кто привыкъ довольствоваться кускомъ хлѣба и

одною порціею зелени, тотъ, когда на столѣ его нѣтъ многоразличныхъ блюдъ, спокойно довольствуется и этимъ.

Въ объясненіе этого же предмета Сократъ говаривалъ, что на языкѣ Аѳинянъ слово εὐωχεῖσθαι значитъ просто ѣсть, что частица εὖ выражаетъ такую пищу, которая не вредитъ ни душѣ, ни тѣлу и легко можетъ быть пріобрѣтаема, почему и слово εὐωχεῖσθαι употреблялъ въ разговорѣ о тѣхъ, кто имѣлъ умѣренный столъ.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОКРАТОВО УЧЕНІЕ,

ПО КСЕНОФОНУ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сократъ во всякомъ дѣлѣ и всѣми способами являлъ себя столь полезнымъ для своихъ слушателей, что каждый, даже съ посредственными познаніями, разсматривая это неможетъ незамѣтить, что всего полезнѣе было учиться у Сократа и бесѣдовать съ нимъ, гдѣ бы нибыло, и при какомъ бы нибыло случаѣ; и въ отсутствіи его воспоминать о немъ было очень инте-

ресно для тѣхъ, кто уже привыкъ обращаться съ нимъ и кто понималъ его бесѣды; даже въ шуточныхъ разговорахъ онъ былъ назидателенъ для своихъ учениковъ, и ни чемъ ни меньше, какъ и въ серіозныхъ; часто говаривалъ онъ, что влюбленъ въ кого нибудь, а въ самомъ дѣлѣ этѣми словами давалъ знать, что онъ особенно расположенъ не къ тѣлеснымъ красотамъ, а къ тѣмъ людямъ, чьи души какъ бы рождены для одной добродѣтели.

Признаками счастливыхъ природъ онъ почиталъ то, когда кто скоро понимаетъ преподаваемые уроки, твердо удерживаетъ въ памяти выученное и кто преданъ всѣмъ тѣмъ наукамъ, при помощи коихъ можно съ пользою и похвалою устроять свое хозяйство, съ пользою служить отечеству и совершенно удовлетворительно заниматься всѣмъ тѣмъ, что́ нужно человѣку и что́ касается до всѣхъ обстоятельствъ его жизни. Таковыхъ людей онъ называлъ образо-

ванными и приготовленными нетолько для того, чтобъ самимъ быть счястливыми и хорошо править своимъ домомъ, но чтобъ въ состояніи быть доставлять счастіе и другимъ и своему отечеству.

Впрочемъ онъ не однимъ и тѣмъ же способомъ обращался со всѣми, и почитавшихъ себя счастливыми природами, а между тѣмъ презиравшихъ образованіе, училъ, что этѣ счастливыя природы больше всего и нуждаются въ образованіи; это доказывалъ тѣмъ, что лошади отличнѣйшихъ породъ, будучи горячи и быстры, если въ молодыхъ лѣтахъ обучатъ ихъ, бываютъ весьма полезны и выходятъ съ отличными свойствами, а если останутся невыѣзженными, бываютъ самыми необузданными и самыми негодными. И собаки лучшихъ породъ по племени, и не утомимыя и способныя къ охотѣ, если будутъ хорошо выдрессированы, бываютъ отлично хорошихъ свойствъ и весьма полезными для

охоты, а невытрессированныя остаются безполезными, бѣшеными и самыми не послушливыми.

Подобнымъ образомъ и люди съ самыми счастливыми способностями, съ самыми мощными душами, сильные въ выполненіи своихъ предпріятій, бывъ образованы и изучивъ то, что́ должно дѣлать, бываютъ отличными и полезнѣйшими мужами и совершаютъ весьма многія и славныя дѣла; а оставшись необразованными и неученными, бываютъ людьми самыми дурными и самыми вредными. Ибо они, не умѣя обсудить, что́ должно дѣлать, часто предпринимаютъ дѣла́ не посиламъ и не похвальныя, а къ томужъ, иногда имѣя высокое значеніе и силу въ обществѣ, съ большимъ трудомъ могутъ быть удерживаемы и отклоняемы отъ своихъ намѣреній, отъ чего и дѣлаютъ весьма много зла.

Много надѣющихся на богатство и полагающихъ, что имъ вовсе не нужно образованіе, и

тѣхъ, кои воображаютъ, что для выполненія ихъ желаній и для того, чтобъ быть у людей въ чести, достаточно будетъ ихъ богатствъ, Сократъ вразумлялъ сими словами: глупо было бы, если бы кто сталъ воображать себѣ, что не учась можно различать полезныя вещи отъ вредныхъ; также глупо было бы, если бы кто, не различая добра отъ зла, и, при помощи богатства, пріобрѣтая все, чего захочетъ, сталъ думать, что онъ въ состояніи дѣлать и полезное; а вовсе безуменъ былъ бы тотъ, кто, немогши дѣлать ничего полезнаго, сталъ бы думать, что онъ хорошо дѣйствуетъ и можетъ приготовлять себѣ для жизни и приличное и потребное; но крайне уже безуменъ тотъ, кто, незная ничего, думаетъ, что за свое богатство будетъ казаться добрымъ, или, не имѣя никакихъ отличій, заслужитъ хорошіе о себѣ отзывы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Теперь объясню, какъ Сократъ обращался съ тѣми, кто почиталъ себя отлично образованнымъ и высоко думалъ о своихъ познаніяхъ.

Сократъ, узнавъ, что извѣстный красавецъ Евѳидимъ, накупивъ много сочиненій отличныхъ стихотворцевъ и философовъ, по одному этому считалъ себя выше своихъ современниковъ, и надѣялся силою сло́ва и дѣятельностью въ гражданствѣ превзойти всѣхъ, равно замѣчая и то, что Евѳидимъ, по молодости своей, еще немогъ ходить въ народныя собранія, а когда хотѣлось ему сколько нибудь поучаство-

вать въ гражданскихъ дѣлахъ, садился недалеко отъ близкой къ мѣсту народныхъ собраній одной шорной лавки, пришолъ туда съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ.

N. Какимъ образомъ Θемистоклъ, учившись ли у какого нибудь мудреца, или только при пособіи естественныхъ своихъ дарованій, столько отличился между гражданамп, что когда для государства настояла нужда въ человѣкѣ серіозномъ, основательномъ, Аѳиняне обращали свои взоры главно на него?

Сократъ, желая задѣть Евѳидима, сказалъ: Довольно глупо было бы думать, что и прилежный человѣкъ безъ способныхъ учителей неможетъ научиться простымъ искуствамъ; а править государствомъ, этому одному изъ важнѣйшихъ дѣлъ, могутъ ли люди научиться сами собою?

Въ другой разъ подойдя къ Евѳидиму и замѣтивъ, что онъ уклоняется изъ собранія для того, чтобъ неподумали, что онъ остановился тутъ подивиться Сократовой мудрости, сказалъ

Сократъ: Господа! Вотъ этотъ Евѳиднмъ, достигши совершеннолѣтія, когда въ какомъ нибудь народномъ собраніи предложено будетъ на разсужденіе какое либо дѣло, неоткажется подать совѣтъ, что́ видно уже изъ его приготовленій. Мнѣ кажется, что онъ уже приготовилъ и прекрасный приступъ къ своей рѣчи; въ этомъ приступѣ онъ предостережетъ слушателей, чтобъ никто недумалъ, что онъ когда нибудь у кого нибудь учился чему нибудь. Для этого онъ начнетъ свой приступъ такимъ образомъ: »Господа Аѳиняне! Я никогда ни укого неучился ни чему, и слыша, что есть люди опытные и сильные въ словѣ и въ дѣлахъ гражданскихъ, я никогда не встрѣчался съ ними и никогда недобивался, чтобъ кто нибудь изъ

людей ученыхъ сказался моимъ учителемъ. Но я поступалъ совершенно напротивъ. Я постоянно избѣгалъ нетолько того, чтобъ у кого нибудь учиться чему нибудь, но избѣгалъ даже тѣхъ случаевъ, по коимъ могли бы подумать это. Тѣмъ не меньше я предложу вамъ въ видѣ совѣтовъ то, что́ самослучайно прійдетъ мнѣ въ голову.»

Таковый же приступъ прилично употребить и желающему въ нашемъ городѣ занять должность лѣкаря. Ему прилично было бы начать свою рѣчь, вотъ съ чего: «Господа Аѳиняне! Никогда ни у кого не учился я врачебному искуству и нестарался, чтобъ кто нибудь изъ врачей былъ моимъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ; ибо я всегда избѣгалъ не только того, чтобъ научиться чему нибудь отъ лѣкарей, но избѣгалъ даже тѣхъ случаевъ, по коимъ другіе могли бы подумать, что я кончилъ курсъ медицинскихъ наукъ. Не смотря на это, прошу по-

ручить мнѣ должность лѣкаря въ вашемъ городѣ; и я, дѣлая опыты надъ вами, постараюсь узнать эту науку». Всѣ присутствовавшіе при этомъ случаѣ саркастически улыбнулись таковому приступу.

Когда Евѳидимъ примѣтнымъ уже образомъ сталъ внимать словамъ Сократа, а самъ еще боялся вступаться въ разговоры, такимъ молчаніемъ думая заслужить похвалу своей скромности, тогда

Сократъ, желая вывести его изъ этого положенія, сказалъ: Какъ удивительно! желающіе хорошо играть на цитрѣ или на флейтѣ, или ѣздить верхомъ, или быть способными къ чему нибудь другому, стараются безпрестанно заниматься тѣмъ, въ чемъ хотятъ быть сильными, и не только сами по себѣ, но учатся этому и у лучшихъ учителей, исполняютъ всѣ ихъ приказанія и ничего недѣлаютъ безъ ихъ согласія,

какъ будто бы не имѣютъ уже возможности другимъ путемъ идти къ славѣ; спрашивается, на какомъ же основаніи нѣкоторые изъ желающихъ сдѣлаться сильными въ словѣ, или въ занятіи дѣлами гражданскими, безъ предварительнаго приготовленія и безъ прилежанія, надѣются самоучкой, вдругъ явиться сильными въ этомъ? Науки труднѣе искуствъ, и тѣмъ важнѣе искуствъ, что очень мало выходитъ дѣльцовъ по наукамъ, не смотря на то, что очень многіе хотя изъ любознательности, и поэтому кое-какъ, проходятъ курсы ихъ. Изъ этого видно, что посвящающіе себя наукамъ должны имѣть и природныхъ дарованій и прилежанія больше, чѣмъ занимающіеся искуствами.

Таковыми словами Сократъ вразумлялъ Евѳидима, а замѣтивъ, что онъ охотнѣе сталъ слушать его, одинъ пришолъ въ шорную лавку, сѣлъ подлѣ него и сказалъ

Сократъ: Евѳидимъ! Скажи мнѣ, въ самомъ ли дѣлѣ, какъ я слышу, накупилъ ты себѣ множество сочиненій такъ называемыхъ мужей мудрыхъ?

Евѳидимъ: Дѣйствительно такъ; и продолжу собирать ихъ, пока пріобрѣту, сколько возможно больше.

Сократъ: Вотъ это похвально, что ты заботишся о пріобрѣтеніи серебра и золота меньше, чѣмъ о пріобрѣтеніи мудрости; видно, думаешъ, что серебро и золото ни сколько недѣлаютъ людей лучшими, иа противъ того мысли людей мудрыхъ обогащаютъ своихъ обладателей уроками добродѣтели.

Евѳидимъ, слушая эго, радовался, думая, что Сократъ признастъ законнымъ тотъ путь, которымъ Евѳидимъ идетъ къ мудрости.

Замѣтивъ, что Евѳидимъ восхищается такою похвалою. спросилъ

Сократъ: Евѳидимъ! Собирая сочиненія мудрыхъ мужей въ чемъ же ты хочешъ быть отличнымъ?

А поелику Евѳидимъ молчалъ, незная, что отвѣчать на этотъ вопросъ, то продолжалъ

Сократъ: Не лѣкаремъ ли хочешъ быть? Ибо много и медицинскихъ сочиненій.

Евѳидимъ: Никакъ.

Сократъ: Недумаешъ ли быть архитекторомъ? Ибо и это дѣло требуетъ не малаго ума.

Евѳидимъ: Нехочу быть и этимъ.

Сократъ: Нехочешъ ли быть отличнымъ геометромъ, подобно Ѳеодору?

Евѳидимъ: Нп даже геометромъ.

Сократъ: Покрайней мѣрѣ не угодно ли тебѣ быть астрологомъ?

Евѳидимъ: Нѣтъ.

Сократъ: Ну, неугодно ли быть распѣвателемъ рапсодій? Говорятъ, ты пріобрѣлъ и всѣ эпосы Гомера.

Евѳидимъ: Нѣтъ; ибо я знаю, что рапсодисты умѣютъ отлично распѣвать стихи, между тѣмъ сами очень глупые люди.

Сократъ: Евѳидимъ! Вѣрно, ты стремишся къ той доблести, для которой пригодны люди и искусные въ политикѣ, и дѣятельные домохозяева, и способные къ начальническимъ должностямъ, и приносящіе пользу и другимъ людямъ и себѣ самимъ?

Евѳидимъ: И очень, почтенный Сократъ! къ этому-то я и стремлюсь.

Сократъ: Точно; ты желаешь прекрасной доблести и самой высокой науки. Она свойственна и царямъ, и по этому называется царскою. Но подумалъ ли ты, вотъ о чемъ: возможно ли быть отличнымъ исполнителемъ сказанныхъ сейчасъ требованій, небывши напередъ справедливымъ?

Евтидимъ: Невозможно; дѣйствительно безъ справедливости нельзя быть добрымъ гражданиномъ.

Сократъ: Й такъ что же? Старался ли ты сдѣлаться такимъ?

Евтидимъ: Мнѣ кажется, я никому неуступлю въ справедливости.

Сократъ: Вѣрно, и у справедливыхъ также есть свои дѣла, какъ и у плотниковъ?

Евтидимъ: Конечно, есть.

Сократъ: Какъ плотники могутъ указать на свои работы: такъ, вѣрно, и справедливые люди могутъ расказать все, что́ они сдѣлали?

Евтидимъ: Развѣ я не въ состояніи разсказать о дѣлахъ справедливости и о дѣлахъ несправедливости, такъ какъ въ каждый день можно и слышать и видѣть ихъ въ достаткѣ.

Сократъ: Изволь, напишемъ на одной половинкѣ страницы *С* (справедливость, по греч. *Δ.-Δικαιοσύνη*), а на другой *Н* (несправедливость, по греч. *Δ.-Ἀδικία*). Что́ намъ покажется дѣломъ справедливости, то будемъ писать подъ *С*, а что́ окажется дѣломъ несправедливости, поставимъ подъ *Н*.

Евтидимъ: Поступимъ такъ, если ты считаешь это нужнымъ.

Сократъ (написавъ такъ, какъ сказалъ) спросилъ: Есть ли между людьми ложъ?

Евѳидимъ: Есть.

Сократъ: Подъ которую же букву подпишемъ ее?

Евѳидимъ: Извѣстно, что подъ *Н.*

Сократъ: Бываютъ ли между людми обманы?

Евѳидимъ: И часто.

Сократъ: Ихъ куда подпишемъ?

Евѳидимъ: Тоже подъ *Н.*

Сократъ: А бываютъ ли злодѣйства?

Евѳидимъ: Бываютъ.

Сократъ: А куда подпишемъ продажу въ неволю?

Евѳидимъ: Также подъ *Н.*

Сократъ: Слѣдовательно изъ этихъ дѣйствій ни одного нельзя подписать подъ *С*?

Евѳидимъ: Странно было бы, если бы мы сдѣлали это.

Сократъ: Чтожъ? Если избранный въ полководцы поработитъ вѣроломный и не пріязненный народъ, скажемъ ли, что это нееправедливо?

Евѳидимъ: Никакъ.

Сократъ: Слѣдовательно скажемъ, что онъ епранедливо поступилъ?

Евѳидимъ: И очень.

Сократъ: Чтожъ? Если онъ, воюя противъ непріятелей, обманетъ ихъ?

Евѳидимъ: И это справедливое дѣло.

Сократъ: А если онъ окрадетъ и ограбитъ ихъ; несправедливо поступитъ?

Евѳидимъ: Да.

Сократъ: Сначала думалъ я, что ты спрашиваешъ меня объ этомъ только въ отношеніи къ друзьямъ. По этому все то, чтó подписали подъ *Н.* можио поставить и подъ *С.*?

Евѳидимъ: Кажется такъ.

Сократъ: Пожалуй, предположивъ это, снова разграничимъ, что дѣйствовать такимъ образомъ въ отношеніи къ врагамъ справедливо, а въ отношеиін къ друзьямъ несправедливо; въ отношеніяхъ къ послѣднимъ должно быть, какъ можно, больше искренности и откровенности.

Евѳидимъ: И очень.

Сократъ: Что жъ? Если военачальникъ, замѣчая, что войско его ослабѣваетъ въ духѣ, солжетъ и скажетъ, что подходятъ на помощь союзники, и тѣмъ придастъ храбрость воинамъ; куда отнесемъ это?

Евтидимъ: Мнѣ кажется, къ справедливости.

Сократъ: Если бы кто больному своему сыну, имѣющему нужду въ лѣкарствѣ, но не принимающему лѣкарствъ, обманомъ далъ лѣкарство вмѣсто пищи, и, воспользовавшись этимъ обманомъ, возвратилъ бы ему здоровье; этомъ обманъ куда помѣстить?

Евтидимъ: По моему мнѣнію, и это подъ *С.*

Сократъ: Чтожъ? Если кто во время отчаянія своего друга, опасаясь, чтобъ онъ самъ неналожилъ на себя рукъ, тайно возметъ у него или даже силою отниметъ у него или ножъ,

или какое нибудь другое орудіе, куда отнесемъ этотъ поступокъ?

Евѳидимъ: И это къ справедливости.

Сократъ: По твоимъ словамъ и съ друзьями не во всякомъ случаѣ должно обращаться чистосердечно.

Евѳидимъ: Подлинно не во всякомъ случаѣ; и если можно, я назадь беру мое слово.

Сократъ: И лучше дозволить это, чѣмъ неосновательно утверждать что нибудь.

За тѣмъ продолжалъ

Сократъ: Изъ тѣхъ, кто обманываетъ своихъ друзей къ ихъ вреду (не оставимъ и этого неразсмотреннымъ), кто не справедливѣе, дѣлающій ли это по свей доброй волѣ, или по неволѣ?

Евѳидимъ: Сократъ! Теперь уже я начинаю невѣрить тому, что́ отвѣчаю тебѣ. Ибо, кажется мнѣ, все сказанное мною прежде, нынѣ представляется мнѣ совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ я думалъ. Впрочемъ наудачу скажу: обманывающій по своей волѣ не справедливѣе того, кто дѣлаетъ это противъ воли.

Сократъ: Думаешъ ли ты, что и справедливость можно изучать и узнавать также, какъ грамоту?

Евѳидимъ: Можетъ быть:

Сократъ: Кого же ты считаешъ болѣе свѣдущимъ въ грамотѣ, того ли, кто по доброй волѣ неправильно пишетъ и читаетъ, или того, кто дѣлаетъ это по неволѣ?

Евѳидимъ: Того, кто дѣлаетъ это по доброй волѣ: потому что онъ, если бы захотѣлъ, могъ бы и правильно сдѣлать это.

Сократъ: По этому по доброй волѣ неправильно пишущій будетъ грамотей, а дѣлающій зто противъ воли не грамотенъ?

Евѳидимъ: По чемужъ не такъ?

Сократъ: кто же знаетъ справедливость, тотъ ли, кто по доброй волѣ лжетъ и обманываетъ, или тотъ, кто дѣйствуетъ такъ противъ воли?

Евѳидимъ: Очевидно тотъ, кто дѣлаетъ это по доброй волѣ.

Сократъ: Вѣдь, ты говорилъ, что знающій грамоту грамотнѣе незнающаго?

Евѳидимъ: Да.

Сократъ: По этому и знающій справедливость справедливѣе не знающаго ея?

Евоидимъ: Кажется такъ. Да мнѣ кажется, что я и самъ уже непонимаю того, что́ говорю.

Сократъ: Что же, если бы кто, желая говорить истину, никогда несталъ говорить одного и тогоже объ однихъ и тѣхъ же предметахъ; такъ, говоря объ одной и той же дорогѣ, въ одинъ разъ сказалъ бы, что она идетъ на востокъ, а въ другой, что она идетъ на западъ, или, представляя разнымъ лицамъ счетъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, одному выказалъ бы больше, а другому меньше; каковъ тебѣ покажется этотъ человѣкъ?

Евоидимъ: Этимъ обнаружитъ онъ о себѣ, что онъ незнаетъ того, что́ казалось ему совершенно извѣстнымъ.

Сократъ: Знаешъ ли, что нѣкоторые люди называются *геноработими*?

Евоидимъ: Знаю.

Сократъ: За что же такъ называютъ ихъ, за образованный умъ, или за невѣжество?

Евѳидимъ: Очивидно, что за нэвѣжество.

Сократъ: Вѣрно, такъ называютъ ихъ за то, что они невѣжи на пр. въ кузнечномъ мастерствѣ?

Евѳидимъ: Вовсе не за то.

Сократъ: Вѣрно, за то, что они незнаютъ плотничнаго ремесла?

Евѳидимъ: И не за это.

Сократъ: Развѣ за то, что они неискусны въ кожевенномъ дѣлѣ?

Евѳидимъ: Нѣтъ; ни одна изъ этѣхъ причинъ нейдетъ сюда; а на оборотъ. Ибо большая часть этихъ людей и знаютъ главно этѣ дѣла; они-то и составляютъ классъ чернорабочихъ.

Сократъ: Слѣдовательно это названіе тѣмъ и принадлежитъ, кто незнаетъ ни честнаго, ни добраго, ни справедливаго?

Евтидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: По этому должно всѣми способами и всѣми силами убѣгать того, чтобъ и намъ непопасть въ классъ чернорабочихъ.

Евтидимъ: Сократъ! клянусь богами; доселѣ я рѣшительно думалъ, что уже я занимаюсь тою самою Философіею, при руководствѣ которой я надѣялся лучше всего научиться обязанностямъ, приличнымъ человѣку, стремящемуся къ истинному, доброму и прекрасному; а теперь какъ я упалъ духомъ, увидѣвъ, что при помощи прежнихъ моихъ занятій я не въ состояніи отвѣчать на вопросы даже касательно такихъ предметовъ, кои давнымъ давно должны быть мнѣ извѣстны, и что для меня нѣтъ уже дру-

гаго пути, идя по коему, могъ бы я сдѣлаться лучшимъ?

Сократъ: Евѳидимъ! Скажи мнѣ: бывалъ ли ты когда нибудь въ Дельфахъ?

Евѳидимъ: Былъ, даже два раза.

Сократъ: Видѣлъ ли тамъ на храмѣ надпись: познай себя самаго (*γνῶθι σαυτόν*).

Евѳидимъ: .Видѣлъ.

Сократъ: Почелъ ли ты эту надпись ничего нестоющею для тебя, или обратилъ на нее вниманіе и озаботился посмотреть на себя, каковъ ты?

Евѳидимъ: Я вовсе неразсматривалъ себя самаго, а думалъ, что я давно уже знаю это; потому что едва ли я могъ бы знать что нибудь, если бы незналъ самаго себя.

Сократъ: Или ты думаешъ, что тотъ уже знаетъ себя самаго, кто знаетъ одно свое имя? или кто незнаетъ, что покупщики лошадей не прежде могутъ сказать о себѣ, что они узнали покупаемую лошадь, какъ испытавъ, повадлива ли она, или неповадлива, сильна или малосильна, рьяна или лѣнива, и какія еще имѣетъ добрыя и худыя свойства? Такимъ образомъ и тотъ, кто знаетъ о себѣ самомъ, каковъ онъ для житейскихъ нуждъ, узналъ ли всѣ свои способности?

Евтидимъ: Такъ кажется и мнѣ. Незнающій своихъ способностей еще незнаетъ самаго себя.

Сократъ: Неизвѣстно ли и то, что люди отъ познанія себя самихъ получаютъ весьма многія выгоды, а тѣ, кои ложно понимаютъ себя самихъ, терпятъ большія неудачи? Ибо знающіе себя самихъ знаютъ и то, что́ имъ нужно, и видятъ то, что́ возможно и что́ невозможно для нихъ; а занимаясь тѣмъ, что́ знаютъ, они снискиваютъ

потребное для жизни и живутъ счастливо; а непринимаясь за то, чего незнаютъ, они не впадаютъ въ ошибки и избѣгаютъ непріятностей по жизни А по этому, умѣя сортировать и другихъ людей, изъ соотношеній съ ними извлекаютъ свои выгоды и предостерегаютъ себя отъ различныхъ неудачь. Напротивъ незнающіе себя самихъ и обольщающіеся своими способностями также не знаютъ и другихъ людей и прочихъ обстоятельствъ человѣческой жизни, по этому они незнаютъ ни того, что́ для нихъ нужно, ни того, что́ дѣлаютъ, ни того, съ кѣмъ должны обращаться, и, во всемъ этомъ ошибаясь, какъ бы отталкиваютъ отъ себя все доброе и впадаютъ въ бѣды.

Сверхъ того знающіе то, что́ дѣлаютъ, достигаютъ исполненія своихъ намѣреній и выходятъ людми славными и почтенными; подобные имъ охотно обращаются съ ними, неудачно ведущіе свои дѣла просятъ у нихъ совѣтовъ въ своихъ

предпріятіяхъ, подчиняются имъ, полагаютъ на нихъ свои добрыя надежды и за это любятъ ихъ больше всего. А незнающіе того, что́ дѣлаютъ, и, къ нещастію, еще выбранные въ какую нибудь должность, послѣ, неуспѣвая въ своихъ предпріятіяхъ, не только терпятъ въ нихъ ущербъ и этимъ какъ бы наказываются за свою глупость, но за все это еще заслуживаютъ дурные о себѣ отзывы другихъ, дѣлаются смѣшными и проводятъ жизнь въ презрѣніи и безславіи. Ты видишъ это и на государствахъ, которыя, непонимая своихъ силъ, ведутъ войны съ сильнѣйшими себя; однѣ изъ нихъ вконецъ раззоряются, а другія даже лишаются свободы.

Евѳидимъ: Почтенный Сократъ! Прошу знать, что, и по моему коротенькому разумѣнію, изреченіе: *познай самаго себя*, должно цѣнить дорого. Съ чего же мнѣ начать познавать себя самаго? И въ этомъ случаѣ обращаюсь къ тебѣ съ покорнѣйшею просьбою объяснить мнѣ этотъ важный предметъ.

Сократъ: Вѣрно ты уже знаешь, что́ хорошо и что́ худо?

Евѳидимъ: Да, знаю. Если бы я не зналъ даже этого, то былъ бы хуже чернорабочихъ.

Сократъ: Изъясни же мнѣ это.

Евѳидимъ: Это нетрудно сдѣлать. Воперьвыхъ, я думаю, надобно почитать добромъ самое здоровье, а болѣзнь зломъ. Потомъ и причины и того и другаго, т. е. и питье, и пищу, и занятія, споспѣшествующія здоровью, слѣдуетъ считать добромъ, а все, располагающее къ болѣзни, зломъ.

Сократъ: По этому и здоровье и болѣзнь, когда онѣ бываютъ причиною чего нибудь добраго, будутъ добромъ, а если бываютъ причиною чегонибудь худаго, будутъ зломъ?

Евтидимъ: Когда же здоровье можетъ быть причиною зла, а болѣзнь причиною добра?

Сократъ: Тогда, когда нѣкоторые, надѣясь на крѣпость своихъ тѣлесныхъ силъ, участвуютъ въ нещастной войнѣ, или въ соединенной не рѣдко съ неизбѣжными опасностями морской экспедиціи, или въ какихъ нибудь другихъ подобныхъ обстоятельствахъ; а другіе, за слабостью здоровья, не бывши въ тѣхъ дѣлахъ, остаются дома невредимы.

Евтидимъ: Правду говоришъ. Но знаешъ и то, что нѣкоторые, обладая крѣпостію силъ, участвуютъ и въ выгодахъ, происходящихъ отъ успѣха въ трудныхъ предпріятіяхъ, а другіе, по слабости силъ сидѣвшіе дома, не имѣютъ этого.

Сократъ: По этому однѣ и тѣже вещи иногда доставляютъ пользу, а иногда причиняютъ вредъ; и потому бываютъ и хороши и худы.

Евеидимъ: Изъ сказанныхъ обстоятельствъ это еще несовсѣмъ явствуетъ. Но мудрость, вотъ это уже несомнѣнное добро. Не всякое ли дѣло мудрый сдѣлаетъ лучше необразованнаго?

Сократъ: Почему же? Развѣ ты не слыхалъ, что Дэдалъ, за мудрость бывъ взятъ въ плѣнъ Миносомъ, принужденъ былъ служить ему, съ чѣмъ вмѣстѣ лишился и отечества и свободы; за намѣреніе убѣжать отъ него съ сыномъ потерялъ и сына, и самъ немогъ спастись; бывъ занесенъ къ варварамъ, и тамъ былъ въ рабствѣ.

Евеидимъ: Дѣйствительно; объ этомъ есть сказаніе.

Сократъ: Развѣ ты неслыхалъ еще о бѣдствіяхъ Паламида? Всѣ прославляютъ его за то, что онъ, сдѣлавшись предметомъ зависти Одиссеевой, погибъ за свою мудрость.

Евѳидимъ: Да; и объ этомъ есть преданіе.

Сократъ: А знаешь ли, сколько человѣкъ за мудрость насильно увезено къ Персидскому царю и у него находятся въ неволѣ?

Евѳидимъ: Сократъ! Покрайней мѣрѣ счастье представляется мнѣ самымъ несомнѣннымъ добромъ?

Сократъ: Евѳидимъ! только подъ тѣмъ условіемъ, ссли кто составитъ себѣ счастіе изъ благъ несомнѣнныхъ.

Евѳидимъ: Что же можетъ быть сомнительнаго между тѣми предметами, кои могутъ составить наше счастіе?

Сократъ: Ничего, если только не помѣстимъ въ число предметовъ счастія красоты, тѣлесныхъ силъ, богатства, славы, или чего нибудь подобнаго.

Еввидим: Нѣтъ; эти предметы надобно помѣстить въ число предметовъ счастія; ибо безъ нихъ чтоже будетъ и за счастіе?

Сократ: Пусть будетъ по твоему; только прибавимъ къ этому, что помянутые предметы бываютъ причиною и многихъ нещастій для человѣка. Ибо многіе за красоту развращаются прельщающимися ею; многіе, надѣясь на свои силы, предпринимаютъ очень трудныя дѣла, и вмѣсто удачи впадаютъ въ большія несчастія; многіе, отъ обилія въ богатствахъ предаваясь роскоши и нѣгѣ, гибнутъ по злоухищреніямъ другихъ; многіе за личную свою славу и силу въ государствѣ испытали великія бѣды.

Еввидим: По этому если и восхваляемое мною счастье не есть истинное добро; то, признаюсь, незнаю, чего уже просить у боговъ.

Сократ: Но, можетъ быть, ты, лишка понадѣявшись на свои познанія, и не поразсудилъ

объ этомъ. Ты, приготовляясь въ правители демократическаго государства, вѣроятно, знаешь, въ чемъ состоитъ демократія.

Евтидимъ: Конечно.

Сократъ: По твоему мнѣнію возможно ли, незнавши, что такое народъ, знать демократію?

Евтидимъ: Не возможно.

Сократъ: Что же такое народъ?

Евтидимъ: Бѣдные граждане.

Сократъ: А ты знаешь бѣдныхъ?

Евтидимъ: Какъ незнать.

Сократъ: Слѣдовательно знаешь и богатыхъ?

Евтидимъ: Знаю также, какъ и бѣдныхъ.

Сократъ: Кого же ты называешь бѣдными и кого богатыми?

Евѳидимъ: Я называю бѣдными тѣхъ, у кого не достаетъ денегъ на необходимые расходы, а богатыми тѣхъ, у кого остается лишнее сверхъ удовлетворенія всѣмъ необходимымъ потребностямъ.

Сократъ: Замѣчалъ ли ты когда нибудь, что нѣкоторые нетолько довольствуются малымъ своимъ состояніемъ, но и изъ этого малаго извлекаютъ еще выгоды, а для нѣкоторыхъ недостаетъ и большихъ богатствъ?

Евѳидимъ: Дѣйствительно такъ; ты справедливо напоминаешь мнѣ это; я знаю даже нѣкоторыхъ властителей, которые, по причинѣ недостаточности, подобно бѣднѣйшимъ людямъ, принуждены бываютъ дѣйствовать съ обидою другихъ.

Сократъ: Если это такъ, то таковыхъ властителей можемъ отнести къ классу бѣдняковъ, а имѣющихъ небольшое состояніе, но очень опытныхъ въ хозяйствѣ, причислимъ къ богатымъ?

Евоидимъ: Мое скудоуміе заставляетъ меня согласиться и на это; я уже подумываю о томъ, нелучше ли мнѣ вовсе молчать; боюсь уже, чтобъ мнѣ непоказаться совершеннымъ невѣжею.

И съ унынiемъ въ душѣ оставилъ Сократа; сталъ не высоко думать о себѣ самомъ и готовъ былъ помѣстить себя въ число чернорабочихъ (въ число невольниковъ). И многiе, удостоенные Сократомъ таковаго же пріема, уже больше неприходили къ нему; Сократъ почиталъ ихъ очень глупыми; но Евоидимъ, привсемъ этомъ, понималъ, что онъ можетъ сдѣлаться значительнымъ человѣкомъ только черезъ са́мое частое собесѣдованiе съ Сократомъ. По этому

и не отставалъ отъ него, кромѣ необходимыхъ случаевъ; старался даже подражать ему во многомъ. Сократъ, замѣтивъ таковое къ себѣ расположеніе Евоидима, никогда уже невозмущалъ души его, но самымъ простымъ и понятнымъ способомъ объяснялъ ему то, что́ нужно было знать и чѣмъ больше всего надлежало ему заниматься.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сократъ неспѣшилъ дѣлать учениковъ своихъ искусными въ словѣ, оборотливыми въ дѣлахъ и способными къ изобрѣтательности, но прежде всего считалъ необходимо нужнымъ внушать имъ правила скромности. Ибо они, владѣя тѣми познаніями и незная правилъ скромности, могутъ быть большими обидчиками и расположенными вообще къ дурнымъ дѣламъ. По этому первѣе всего старался внушать своимъ ученикамъ здравый образъ мыслей о богахъ. Другіе, присутствовавшіе при его бесѣдахъ, ученіе его объ этомъ предметѣ изложили въ своихъ сочиненіяхъ, а мнѣ случилось слышать его, когда онъ раз-

говаривалъ объ этомъ съ Евѳидимомъ такимъ образомъ:

Сократъ: Скажи мнѣ, Евоидимъ! случалось ли тебѣ разсуждать самому съ собой, какъ боги попечительно устроили все, что́ нужно для человѣка?

Евѳидимъ: Нѣтъ.

Сократъ: Ты, вѣрно, знаешь, что первѣе всего мы имѣемъ нужду въ свѣтѣ, который даютъ намъ боги?

Евѳидимъ: Да; понимаю. Если бы мы неимѣли свѣта, то и съ глазами нашими были бы подобны слѣпымъ.

Сократъ: Мы имѣемъ нужду въ отдыхѣ; и боги дали намъ ночь, это удобнѣйшее для отдохновенія время.

Евѳидимъ: Точно; и за это должно благодарить ихъ.

Сократъ: Безъ сомнѣнія, ты знаешъ, что солнце свѣтло свѣтитъ во время дня, и освѣщаетъ для насъ вещественные предметы, а ночь темнотою своею скрываетъ отъ насъ все; для этого боги велѣли ночью являться звѣздамъ, кои свѣтятъ въ часы ночи, и мы, при ихъ свѣтѣ, можемъ заниматься многими нужными дѣлами.

Евѳидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: А луна нетолько свѣтитъ ночью, но и показываетъ намъ свои смѣны и дни мѣсяцовъ.

Евѳидимъ: Да.

Сократъ: Мы имѣемъ нужду въ пищѣ, и боги изъ земли производятъ ее для насъ; для

этого даютъ намъ благовременныя перемѣны временъ года, которыя изготовляютъ для насъ не только очень многое и все нужное, но даже и предметы, доставляющіе намъ радости и удовольствія. Вѣрно, знаешъ это?

Евѳидимъ: И въ этомъ видна особенная любовь божія къ человѣкамъ.

Сократъ: Я думаю, знаешъ, что боги даруютъ намъ и воду, это многоцѣнное вещество. Она вмѣстѣ съ землею въ извѣстныя времена года произращаетъ и умножаетъ для насъ все полезное, питаетъ насъ самихъ, и, будучи въ потребномъ количествѣ примѣшиваема къ питательнымъ веществамъ, споспѣшествуетъ тому, чтобъ пища приготовлялась легче и доставляла намъ больше пользы и пріятности; и поелику вода нужна для насъ въ большóмъ количествѣ, то боги и даютъ ее намъ въ черезвычайномъ изобиліи.

Евѳидимъ: И это дѣло промысла божія.

Сократъ: Что еще скажешъ объ огнѣ, который дали намъ боги? Онъ защищаетъ насъ отъ холода, прогоняетъ темноту, помогаетъ всѣмъ искуствамъ и ремесламъ и вообще всему, чѣмъ люди занимаются для своихъ нуждъ и выгодъ, словомъ, безъ огня люди не приготовляютъ ничего значительнаго, ни нужнаго, ни полезнаго для жизни.

Евѳидимъ: Дѣйствительно, и въ этомъ видна особенная любовь божія къ человѣкамъ.

Сократъ: Знаешъ ли, что́ значитъ для насъ солнце? Оно, послѣ зимняго поворота, возвращается къ намъ, и изъ растеній однѣмъ помогаетъ созрѣвать, а другія засушаетъ, это тѣ, время коихъ уже прошло; и сдѣлавъ это, ближе неподходитъ къ намъ, опять дѣлаетъ поворотъ, и идетъ отъ насъ, какъ бы остерегаясь, чтобъ, дѣйствуя на насъ своею теплотою сверхъ мѣры, непричинить намъ вреда; а если бы,

идя отъ насъ, ушло очень далеко, далѣе обыкновеннаго, мы всѣ отъ стужи превратились бы въ ледъ; по этому опять дѣлаетъ поворотъ и идетъ до той части неба, откуда лучше всего можетъ имѣть на насъ благодѣтельное вліяніе.

Еввидим: Конечно, и это все бываетъ для пользы человѣка.

Сократ: А еще извѣстно и то, что мы невынесли бы ни жару, ни стужи, если бы онѣ наступали ничаяно вдругъ; по этому солнце мало по малу и подходитъ къ намъ, и отходитъ отъ насъ также мало по малу, такъ что мы не чувствительнымъ для насъ образомъ являемся уже готовыми къ встрѣчѣ и жаровъ и стужи.

Еввидим: Я уже незнаю, есть ли у боговъ другое дѣло кромѣ того, чтобъ помогать только людямъ. Допустить зто мѣшаетъ мнѣ одно то, что въ божіемъ провидѣніи равно учавствуютъ и прочія животныя.

Сократъ: Или ты незнаешъ, что и прочія животныя родятся и живутъ для человѣка? Ибо какое другое животное столько получаетъ выгодъ отъ козъ, свиней, лошадей, коровъ, быковъ,ословъ и другихъ животныхъ, сколько человѣкъ? Мнѣ кажется многимъ больше, чѣмъ отъ растеній; ибо бо́льшая часть людей неупотребляютъ растеній и въ пищу, а питаются молокомъ, сыромъ и мясомъ животныхъ. Сверхъ того укрощая и усмиряя болѣе полезныхъ изъ животныхъ, употребляютъ ихъ для войны и въ другихъ потребныхъ случаяхъ.

Евтидимъ: Я и въ этомъ согласенъ съ тобою. Вижу, что многія животныя, сильнѣйшія человѣка, бываютъ совершенно послушны ему, и онъ можетъ употреблять ихъ на все, на что угодно.

Сократъ: На свѣтѣ множество предметовъ и пріятныхъ и полезныхъ; всѣ они отличны одинъ отъ другаго; для этого боги дали людямъ

чувства, способныя къ восприиманію каждаго предмета; при помощи этѣхъ чувствъ мы наслаждаемся всѣми видимыми благами. Боги вложили въ насъ разумъ; при помощи его мы разсуждаемъ о всѣхъ понимаемыхъ чувствами предметахъ, представленія о нихъ напечатлѣваемъ въ памяти, нужныя стараемся удерживать; изобрѣтая многое, стремимся къ тому, что́ полезно намъ, отвращаемся того, что́ вредно.

Боги дали намъ слово, посредствомъ котораго мы сообщземъ другъ другу всѣ полезныя мысли, посредствомъ котораго цари издаютъ законы и правятъ государствами.

Евеидимъ: Я совершенно увѣренъ, что боги имѣютъ чрезвычайное попеченіе о людяхъ.

Сократъ: Но поелику мы неможемъ предвидѣть, что́ впередъ будетъ намъ полезно; то они, когда мы вопрошаемъ ихъ о будущемъ,

помогаютъ намъ предвѣщаніями и научаютъ насъ, какъ что́ лучше сдѣлать.

Евтидимъ: Видно, боги благопріятствуютъ тебѣ больше, чѣмъ другимъ, и безъ твоихъ вопросовъ открываютъ тебѣ, что́ должно дѣлать и чего недолжно.

Сократъ: Что я говорю истину, ты самъ узнаешъ, если, недожидаясь того времени, когда возможешъ увидѣть боговъ въ лицо, а довольствуясь тѣмъ, что видишъ дѣла ихъ, будешъ поклоняться имъ и чтить ихъ. Сверхъ того боги открываютъ себя намъ такимъ образомъ: многіе боги дѣлаютъ намъ добро не для того, чтобъ тѣмъ выказать себя, особливо тотъ изъ боговъ, который создалъ и держитъ сей міръ, въ которомъ все, что́ ни есть, прекрасно и совершенно; и міръ, не смотря на всегдашнее потребленіе его многоразличными способами, нечувствуетъ никакого умаленія, но всегда цѣлъ

и не ветшаетъ; этотъ міръ держится волею высочайшаго Бога и повинуется ему такъ исправно, что человѣческій разумъ неможетъ понять этого; этотъ высочайшій Богъ, видимый въ своихъ великихъ твореніяхъ, и промышляя о мірѣ, видимо неявляется намъ.

Возьми въ соображеніе и то, что солнце, освѣщая всѣхъ, непозволяетъ людямъ пристально смотрѣть на себя, и тотъ, кто съ напряженіемъ смотритъ прямо ему въ лицо, портитъ зрѣніе. Мы также не видимъ предметовъ, употребляемыхъ богами въ орудія для выполненія своей воли. Ибо извѣстно, что громовая стрѣла летитъ сверху внизъ, на что ни попадетъ, все разбиваетъ, но нельзя видѣть ее, когда она летитъ внизъ, когда разбиваетъ и когда изчезаетъ. Неможемъ видѣть и вѣтровъ, хотя видимъ дѣйствія ихъ и ощущаемъ появленіе ихъ. И человѣческая душа, которая отъ боговъ заимствовала больше всего, очевиднымъ образомъ царствуетъ

въ насъ, но небываетъ видима нами. Принимая въ соображеніе и это, ты недолженъ презирать тѣхъ предметовъ, которые не видимы, но изъ дѣйствій усматривая силу божію, ты долженъ почитать и боговъ.

Евоидимъ: Теперь я совершенно увѣренъ въ себѣ, что никогда не пренебрегу богопочтеніемъ; только жалѣю о томъ, что, какъ мнѣ кажется, никто изъ смертныхъ не въ состояніи достойно возблагодарить боговъ за ихъ благодѣянія.

Сократъ: Не печалься объ этомъ, Евоидимъ! Ты знаешъ, что Дельфійскій богъ, бывъ вопрошенъ, какимъ образомъ можно благоугождать богамъ, отвѣчалъ: слѣдуя узаконеніямъ своего государства. А узаконенія вездѣ таковы: всякій по силамъ своимъ долженъ умилостивлять боговъ жертвами. Итакъ кто лучше и благоговѣйнѣе можетъ почитать боговъ, какъ не

тотъ, кто въ этомъ случаѣ поступаетъ по ихъ велѣнію?

При всемъ томъ, не должно пренебрегать ни чѣмъ, что́ можно дѣлать въ честь ихъ. Пренебрегающій этимъ явно презираетъ боговъ. А ничѣмъ не пренебрегающій въ богопочтеніи смѣло можетъ ожидать отъ нихъ величайшихъ благъ. Ибо здравомыслящій можетъ ли надѣяться получить бо́льшія блага отъ кого нибудь другаго, кромѣ того, кто имѣетъ силу благодѣтельствовать больше всѣхъ, а этого достигнуть нельзя иначе, какъ благоугождая имѣющему таковую силу; благоугождать же богамъ можемъ только чрезъ выполненіе ихъ повелѣній.

Сократъ, говоря и самъ выполняя это, дѣлалъ и своихъ учениковъ очень набожными и очень скромными.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сократъ нескрывалъ своего образа мыслей и о правосудіи и являлъ его на самомъ дѣлѣ, и въ частныхъ и общественныхъ сношеніяхъ обращаясь со всѣми по законамъ и съ соблюденіемъ пользъ каждяго; дома и въ военныхъ походахъ повиновался начальникамъ, какъ повелѣваютъ законы, и замѣтнымъ образомъ отличался предъ всѣми особенною любовію къ порядку. Бывъ предсѣдателемъ въ народныхъ собраніяхъ, непозволялъ народу произносить приговоры вопреки законовъ, и, подъ защитою законовъ, противился тому народному стремленію, котораго, кажется мнѣ, никто другой не-

остановилъ бы. Когда сами тридцать олигарховъ повелѣвали ему что нибудь вопреки законовъ, неповиновался и имъ. Когда запрещали ему бесѣдовать съ молодыми людьми и приказали ему именно и нѣкоторымъ изъ гражданъ отправить одного человѣка на смерть, одинъ Сократъ воспротивился таковому повелѣнію потому собственно, что это повелѣніе несогласно было съ законами.

Когда Сократъ, вслѣдствіе доноса Мелитова, былъ признанъ виновнымъ, въ это время онъ могъ бы поступить подобно другимъ подсудимымъ, кои обыкновенно разными объясненіями въ судахъ стараются склонить судей на милость, льстятъ имъ и требуютъ противозаконнаго, за что многіе и были освобождаемы изъ подъ суда; но Сократъ незахотѣлъ воспользоваться этимъ обыкновеніемъ; и хотя легко могъ освободиться отъ суда, если бы употребилъ даже малѣйшее изъ сказанныхъ средствъ;

но онъ за лучшее почелъ, оставаясь вѣрнымъ закону, умереть, чѣмъ жить законопреступникомъ.

Часто онъ такъ разсуждалъ и съ другими. Особенно помню слѣдующій его разговоръ о правосудіи съ Ипніемъ Илійскимъ. Ипній, послѣ продолжительной отлучки, возвратившись въ Аѳины, однажды нашелъ на Сократа, когда этотъ, разговаривая съ нѣкоторыми лицами, выражалъ въ словахъ свое удивленіе тому, что намѣревающійся обучать своего человѣка сапожному, или кузнечному мастерству, или верховой ѣздѣ, незатрудняется въ томъ, куда посылать его учиться (а нѣкоторые говорятъ, что пріучающихъ къ работамъ лошадей или воловъ можно находить на каждомъ перекресткѣ), напротивъ того желающій или самъ учиться правосудію (правовѣденію), или выучить этому сына, или слугу, незнаетъ, куда отправиться, чтобъ найдти способнаго учителя для этого предмета.

Ипній, услышавъ это, какъ бы въ насмѣшку надъ Сократомъ сказалъ: Сократъ! Ты говоришъ все тоже, что́ я давно уже слышалъ отъ тебя.

Сократъ: Но, что́ еще важнѣе, не только всегда говорю одно и тоже, но и объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. А ты, по своей многоучености, вѣрно, никогда неговоришъ одного и того же объ однихъ и тѣхъ же предметахъ?

Ипній: Да; я всегда стараюсь сказать что нибудь новенькое.

Сократъ: Или и о томъ, что тебѣ совершенно извѣстно, напр. о буквахъ, если бы кто спросилъ тебя, сколько ихъ и какія въ словѣ *Сократъ*, станешъ говорить въ одинъ разъ то, а въ другой другое, или спрашивающимъ о числахъ: что? дважды пять десять? недолженъ ли ты отвѣчать какъ въ одинъ разъ, такъ и въ другой всегда одно и тоже?

Ипшй: Сократъ! Объ этомъ и я, подобно тебѣ, всегда говорю одно и тоже, а о провосудіи, кажется мнѣ, я могу нынѣ сказать что нибудь новенькое, такое, противъ чего ни ты, никто другой не въ состояніи будете возразить что нибудь.

Сократъ: Вѣрно, ты сдѣлалъ великое открытіе. Съ этѣхъ поръ судьи перестанутъ разногласить въ рѣшеніяхъ, граждане не станутъ спорить въ дѣлахъ очевидныхъ, не станутъ заводить между собою тяжебъ и возбуждать мятежи, государства перестанутъ ссориться и вести между собою войны за права свои. И незнаю, какимъ бы образомъ ускользнуть миѣ отъ тебя, чтобъ не услышать, какое изобрѣлъ ты величайшее благо, и послѣ неотвѣчать?

Ипшй: Но ты ничего неуслышишъ отъ меня объ этомъ прежде, чѣмъ самъ объяснишъ, что́ ты разумѣешъ подъ справедлияостью (*δίκαιον*)

Довольно съ тебя и того, что ты самъ смѣешся надъ другими, спрашиваешъ и отвергаешъ отвѣты всѣхъ, между тѣмъ самъ нехочешъ ни кому отдавать отчета въ своихъ мысляхъ и нехочешъ обнаруживать твоего рѣшительнаго мнѣнія о какомъ либо предметѣ.

Сократъ: Иппій! Развѣ ты незнаешъ, что я все, что́ кажется мнѣ справедливымъ, нескрываю отъ другихъ?

Иппій: Какого же рода рѣчь твоя?

Сократъ: Если не словами, то самымъ дѣломъ доказываю это. Или ты думаешъ, что дѣло доказываетъ хуже сло́ва?

Иппій: И очень. Многіе въ словахъ выказываютъ правду, а на дѣлѣ поступаютъ не такъ; а изъ тѣхъ, кто справедливо поступаетъ, неоказызается ни одного несправедливаго.

Сократъ: Замѣчалъ ли ты когда нибудь, что я или свидѣтельствую на лжѣ, или ябѣдничаю, или смущаю друзей и мое отечество, или дѣлаю что нибудь другое несправедливое?

Ипній: Я никогда незамѣчалъ этого.

Сократъ: Воздерживаться же отъ несправедливыхъ дѣлъ незначитъ ли тоже, что справедливость?

Ипній: Сократъ! Видно, ты и нынѣ нехочешъ объявить, что́ ты понимаешъ подъ справедливостью. Ибо ты не о томъ говоришъ, что́ дѣлаютъ справедливые, а о томъ, чего они недѣлаютъ.

Сократъ: Но, я думаю, нехотѣть дѣлать ничего несправедливаго, служитъ уже достаточнымъ убѣжденіемъ въ справсдливости. Если ты не такъ думаешъ объ этомъ, то разсуди самъ,

и будь тѣмъ доволенъ. Ибо все согласное съ законами я называю справедливымъ.

Иппій: Сократъ! Слѣдовательно ты почитаешъ за одно и тоже и законное и справедливое?

Сократъ: Да!

Иппій: Но я непонимаю тебя; непонимаю, что́ ты называешъ согласнымъ съ законами и что́ справедливымъ.

Сократъ: Ты знаешъ, что такое гражданскіе законы?

Иппій: Знаю.

Сократъ: Какіежъ эти законы?

Иппій: Это установленія касательно того, что́ должно дѣлать и чего не должно.

Сократъ: Слѣдовательно поступающій согласно этѣмъ установленіямъ поступаетъ законно, а преступающій ихъ поступаетъ противузаконно?

Ипній: Конечно такъ.

Сократъ: Слѣдовательно повинующійся имъ поступаетъ справедливо, а не повинующійся несправедливо?

Ипній: Да.

Сократъ: И такъ тотъ, кто выполняетъ требованія справедливости, справедливъ; а тотъ, кто невыполняетъ ихъ, не справедливъ?

Ипній: И какъ же иначе?

Сократъ: Слѣдовательно поступающій согдасно законамъ справедливъ, а дѣйствующій вопреки законовъ несправедливъ?

Ипій: Сократъ! Какъ же можно почитать законы и исполненіе ихъ дѣломъ непреложнымъ, когда часто самые законоположники, признавая одни изъ нихъ непримѣнительными, на мѣсто ихъ вводятъ другіе.

Сократъ: Не часто ли воюющія между собою государства послѣ опять заключаютъ миръ?

Ипій: Очень часто.

Сократъ: Охуждать повинующихся законамъ за то, что законы тѣ, отъ обстоятельствъ времени, могутъ измѣниться, не тоже ли значитъ, какъ и упрекать непріятелей, отличающихся строгою тактикою, за то, что и съ ними когда нибудь будетъ миръ? Или ты можешъ ругать тѣхъ изъ иностранцовъ, кои во время войны совсѣмъ усердіемъ помогаютъ своему отечеству?

Ипій: Никакъ.

Сократъ: Безъ сомнѣнія, ты знаешъ, что Ликургъ Лакедэмонскій ни чѣмъ бы невозвысилъ Спарту надъ прочими государствами, если бы незаставилъ гражданъ строжайше повиноваться законамъ? Или ты незнаешь, что изъ начальниковъ въ государствахъ тѣ самые лучшіе, кои умѣютъ внушать гражданамъ, чтобъ они больше всего повиновались законамъ? И государства, въ коихъ граждане больше всего повинуются законамъ, во время мира наслаждаются счастіемъ, а въ войнѣ бываютъ не побѣдимы.

А еще и согласіе служитъ величайшимъ благомъ для государствъ; во всѣ времена и сенатъ и вельможи старались убѣждать гражданъ имѣть согласіе между собою; во всей Греціи даже есть законъ обязывать гражданъ клятвою, что они будутъ имѣть и сохранять между собою согласіе, и повсюду присягали на это. Впрочемъ, по моему мнѣнію, это согласіе не въ томъ

состоитъ, чтобъ граждане толковали объ однихъ и тѣхъ же хорахъ, хвалили однихъ и тѣхъ же флейтистовъ, отдавали преимущества однимъ и тѣмъ же стихотворцамъ, или находили удовольствіе въ одномъ и томъ же, но чтобъ всѣ единодушно повиновались законамъ. Когда граждане будутъ постоянно преданы законамъ, тогда и государства будутъ сильны и будутъ наслаждаться отличнымъ счастіемъ. А безъ согласія государство неможетъ благоденствовать и въ гражданскомъ отношеніи; безъ согласія даже частный домъ неможетъ быть хорошо управляемъ.

И въ частной жизни кто можетъ меньше опасаться непріятностей отъ согражданъ, и кто можетъ надѣяться заслужить больше почестей? Не тотъ ли, кто повинуется законамъ? Таковый позволитъ ли въ судѣ одержать надъ собою побѣду? Не скорѣе ли самъ останется побѣдителемъ? Кому охотнѣе ввѣряютъ на охра-

неніе или деньги, или сыновей, или дочерей
Цѣлый городъ кого охотнѣе удостоитъ своег
довѣрія? Конечно повинующагося законамъ. В
комъ могутъ найдти справедливость и родител
и родственники, и слуги и друзья, и граждан
и чужестранцы? Безъ сомнѣнія въ томъ, кт
свято чтитъ законы. Самые непріятели кому
охотнѣе или довѣрятъ заключать перемиріе, ил
вести переговоры, или составлять условія о
миръ? И кого лучше захотятъ имѣть союзни-
комъ? Не того ли, кто искренно исполняетъ за-
коны? И союзныя державы кому охотнѣе ввѣ-
рять или должность главнокомандующаго, или
начальство надъ внутренней стражей, даже са-
мые города? Или благодѣтельствующій кому
нибудь въ комъ скорѣе можетъ предполагать
чувства благодарности, какъ не въ чтителѣ за-
коновъ? И кому скорѣе согласишся благодѣ-
тельствовать? Не тому ли, отъ кого можешъ
надѣяться получить за это благодарность? И
съ кѣмъ скорѣе захотятъ быть другомъ, или

съ кѣмъ менѣе захотятъ быть въ непріязненныхъ отношеніяхъ, если не съ чтителемъ законовъ? И съ кѣмъ скорѣе незахотятъ вести войну? Не съ тѣмъ ли, съ кѣмъ больше всего хотятъ жить дружно и избѣгать всякихъ непріятностей; не съ тѣмъ ли, кому весьма многіе желаютъ быть и друзьями и союзниками, и очень не многіе хотятъ быть непріязненными и врагами? Итакъ, видишь, Ипій! По моимъ объясненіямъ одно и тоже и законное и справедливое. Если же ты иначе понимаешь это, научи и насъ.

Ипій: Нѣтъ, Сократъ! И я немогу ни чего сказать вопреки твоимъ разсужденіямъ о справедливости.

Сократъ: Ипій! Знаешъ ли ты какіе нибудь неписанные законы?

Ипій: Это тѣ, которые во всякой странѣ имѣютъ одинаковую силу.

Сократъ: Можешъ ли сказать, что люди и́здали нхъ?

Ипп'ій: Какъ же это возможно? Ибо всѣ люди немогли собраться въ одно мѣсто и всѣ люди говорятъ не однимъ языкомъ.

Сократъ: Кто же, по твоему мнѣнію, издалъ эти законы?

Ипп'ій: Я думаю, боги дали людямъ такіе законы. Такъ: у всѣхъ людей почитается первою обязанностью почитать боговъ.

Сократъ: А почитать родителей также не повсюдный ли законъ?

Ипп'ій: Да, и этотъ законъ также повсюдный.

Сократъ: Не будетъ ли таковымъ же и этотъ законъ: чтобъ родители съ дѣтьми, а дѣти съ родителями не имѣли сожитія?

Иппій: Не думаю, чтобъ этотъ законъ былъ отъ боговъ.

Сократъ: Да почему же?

Иппій: Потому что я знаю нѣкоторыхъ, кои преступаютъ его.

Сократъ: И во многихъ другихъ случаяхъ поступаютъ противозаконно. Но преступающіе законы, положенные богами, подвергаются наказанію, котораго чековѣкъ никакимъ способомъ неможетъ избѣжать, подобно тому, какъ нѣкоторые, преступая законы, изданные людми, избѣгаютъ слѣдующаго за то наказанія; иные скрываются куда нибудь, а другіе употребляютъ въ этомъ случаѣ силу.

Иппій: Сократъ! Какого же наказанія немогутъ избѣгать имѣющіе сожитіе родители съ дѣтьми, а дѣти съ родителями?

Сократъ: Чрезвычайно тяжелаго. Для родящихъ дѣтей какое нещастіе можетъ быть больше того, какъ родить дѣтей худыхъ, нездоровыхъ?

Ипій: Почемужъ они рождаютъ худыхъ дѣтей, когда ни что не препятствуетъ, чтобъ отъ хорошихъ родителей родились и хорошія дѣти?

Сократъ: Потому что рождающіяся дѣти должны быть нетолько хороши, но и здоровы и тѣломъ. Или ты думаешъ, что у цвѣтущихъ здоровьемъ сѣмена одинаковы съ сѣменами еще неразцвѣтшихъ, или увядшихъ уже въ здоровьѣ.

Ипій: Не должны быть одинаковы.

Сократъ: Которыхъ же сѣмена лучше?

Ипій: Очевидно, сѣмена цвѣтущихъ здоровьемъ.

Сократъ: По этому сѣмена лицъ нецвѣтущихъ здоровьемъ нехороши?

Ипній: Не иначе.

Сократъ: Слѣдовательно лицамъ не цвѣтущаго здоровья не слѣдуетъ и родить дѣтей?

Ипній: Конечно не слѣдуетъ.

Сократъ: По этому таковыя лица, рождая дѣтей, рождаютъ ихъ незаконно?

Ипній: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Кромѣ допускающихъ несоразмѣрность въ лѣтахъ кто же другой можетъ рождать нездоровыхъ дѣтей?

Ипній: Я согласенъ съ тобой и въ этомъ.

Сократъ: За добро дѣлать добро, и это не повсюдный ли законъ?

Иппій: Долженъ быть повсюдный, но преступаютъ и его.

Сократъ: Но поступающіе и противъ этого закона подвергаются наказанію своего рода. За неблагодарность оставленные добрыми друзьями бываютъ принуждены искать пріязни уже у тѣхъ, кто ненавидитъ ихъ. Не друзья ли то добрые, которые благодѣтельствуютъ требующимъ ихъ помощи? А не воздающіе за добро добромъ за свою неблагодарность по закону заслуживаютъ ненависть своихъ благодѣтелей, но за то, что ихъ дѣйствія могутъ приносить имъ и много пользы, снискиваютъ и ихъ пріязнь.

Иппій: Почтенный Сократъ! Всѣ эти законы, кажется, внушены богами. Чтобы самые законы содержали въ себѣ и наказанія за преступленіе ихъ, это дѣло не человѣческое, а высщаго законодателя.

Сократъ: Любезный Иппій! По твоему мнѣнію боги справедливое ли только предписываютъ въ законахъ, илн что нибудь и не согласное съ справедливостью?

Иппій: Несправедливаго ии чего. Едва ли кто другой кромѣ Бога можетъ дать столь справедливые законы.

Сократъ: Иппій! Слѣдовательно и для боговъ одно и тоже и справедливость и сообразность съ законами.

Сократъ, преподовая это на словахъ и выполняя на самомъ дѣлѣ, внушалъ и приближеннымъ своимъ особенную любовь къ справедливости.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Теперь скажу, какимъ образомъ Сократъ старался внушить своимъ слушателямъ особенную расположенность къ доброй дѣятельности. Бывъ увѣренъ, что воздержаніе есть первая потребность для желающаго отличаться доброю нравственностью, прежде всего представлялъ своимъ ученикамъ въ образецъ таковой нравственности самаго себя, потомъ и въ бесѣдахъ больше всего наклонялъ ихъ къ воздержанію. И самъ, всегда помня то, что́ способствуетъ этой добродѣтели, напоминалъ объ этомъ и всѣмъ своимъ слушателямъ. Помню, однажды онъ разговаривалъ о воздержаніи съ Евѳидимомъ слѣдующихъ образомъ:

Сократъ: Скажи мнѣ, Евѳидимъ, почитаешъ ли ты свободу имѣніемъ выгоднымъ и нужнымъ для частнаго человѣка и для государства?

Евѳидимъ: И очень.

Сократъ: А обладаемый чувственными удовольствіями, и по этому немогущій дѣлать ничего хорошаго-можетъ ли назваться свободнымъ?

Евѳидимъ: Никакъ.

Сократъ: Можетъ быть, самый лучшій образъ дѣятельности ты почитаешъ свободою; по этому имѣть въ себѣ что нибудь, препятствующее предаваться таковой дѣятельности, значитъ быть несвободнымъ?

Евѳидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: Слѣдовательно невоздержные кажутся тебѣ непользующимися свободою?

Евѳидимъ: Дѣйствительно; и подостоинству.

Сократъ: По твоему мнѣнію, невоздержнымъ жизнь ихъ препятствуетъ ли только доброй дѣятельности, или даже еще помогаетъ предаваться постыднымъ дѣламъ?

Евѳидимъ: Мнѣ кажется и то и другое.

Сократъ: А какими ты считаешъ тѣхъ господъ, которые нетолько препятствуютъ заниматься доброю дѣятельностью, но еще и понуждаютъ къ самымъ дурнымъ дѣламъ?

Евѳидимъ: Самыми худыми.

Сократъ: Какой же родъ рабства считаешъ ты самымъ несноснымъ.

Евѳидимъ: Быть въ рабствѣ у дурныхъ господъ.

Сократъ: Слѣдовательно невоздержные находятся въ самомъ тяжкомъ рабствѣ?

Евтидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Не правда ли и то, что невоздержаніе лишаетъ человѣка мудрости — этого величайшаго блага, и повергаетъ въ совершенно противное состояніе? Или не видишъ, что невоздержаніе препятствуетъ заниматьтя полезнымъ, изучать это, и влечетъ насъ къ удовольствіямъ чувственнымъ; часто, обезумливая даже умѣющихъ различать добро отъ зла, заставляетъ ихъ избирать худшее вмѣсто лучшаго.

Евтидимъ: Да, это бываетъ.

Сократъ: И цѣломудріе менѣе всего свойственно невоздержному. Ибо дѣла́ цѣломудрія и дѣла́ невоздержанія вовся противоположны однѣ другимъ.

Евоидимъ: И въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобой.

Сократъ: И что кромѣ невоздержанія можетъ болѣе препятствовать прилежному исполненію нашихъ обязанностей?

Евоидимъ: Ничто.

Сократъ: И есть ли что́ хуже для человѣка того порока, который заставляетъ предпочитать вредное полезному, объ этомъ нерадѣть, а о томъ заботиться, и который принуждаетъ дѣлать все противное правиламъ цѣломудрія?

Евоидимъ: Нѣтъ ни чего хуже.

Сократъ: А слѣдовательно все противное невоздержанію можетъ споспѣшествовать воздержанію?

Евоидимъ: Конечно.

Сократъ: По этому причиною противнаго невоздержанію по справедливости должно быть самое лучшее?

Евѳидимъ: Не иначе.

Сократъ: Слѣдовательно воздержаніе для человѣка есть самая лучшая вещь?

Евѳидимъ: Совершенно справедливо.

Сократъ: Разсуждалъ ли ты объ этомъ когда нибудь самъ съ собою?

Евѳидимъ: О чемъ?

Сократъ: О томъ, что невоздержаніе, которое, повидимому, ведетъ насъ къ пріятностямъ, не можетъ привести ни къ одной изъ нихъ, и что напротивъ того воздержаніе больше всего доставляетъ намъ пріятностей?

Евѳидимъ: Какимъ же образомъ возможно это?

Сократъ: Ибо невоздержаніе непозволяетъ намъ переносить ни голоду, ни жажды, ни уклоняться, сколько слѣдуетъ, отъ удовлетворенія любострастію, ни бодрствовать, тогда какъ при воздержаніи мы съ пріятностью и ѣдимъ и пьемъ и наслаждаемся дѣлами законной любви, и съ пріятностью спимъ и отдыхаемъ, каковую пріятность мы чувствуемъ отъ того, что дожидаемъ всего этого и неприкасаемся до тѣхъ поръ, пока всѣ этѣ вещи представятся намъ необходимѣйшими и самыми интереснѣйшими; по этому невоздержаніе препятствуетъ намъ законно вкушать удовольствія отъ предметовъ необходимѣйшихъ и постоянно повторяющихся въ жизни; одно воздержаніе пріучаетъ насъ такъ терпѣливо дожидаться времени наслажденія помянутыми предметами; оно одно даетъ намъ чувствовать удивительное удовольствіе въ наслажденіи ими.

Евѳидимъ: Совершенная правда!

Сократъ: Одни воздержные наслаждаются плодами общеполезныхъ наукъ и тѣхъ занятій, кои помогаютъ намъ, въ порядкѣ содержать свое тѣло, благоразумно управлять своимъ домомъ, приносить пользу друзьямъ и государству и побѣждать враговъ, отъ чего бываютъ не только выгоды, но и чрезвычайное удовольствіе. Невоздержные же не имѣютъ части въ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому эти выгоды и наслажденія меньше всего приличествуютъ? Конечно тому, кто меньше всего занятъ ими, и кто постоянно хлопочетъ о пріисканіи средствъ скорѣйшими путями достигать чувственныхъ наслажденій.

Евѳидимъ: Сократъ! По твоимъ словамъ, мнѣ кажется, человѣкъ, побѣждаемый тѣлесными удовольствіями, уже вовсе не способенъ ни къ какой добродѣтели.

Сократъ: Да; послушай же Евѳидимъ! Невоздержный человѣкъ чѣмъ отличается отъ неразумнаго звѣря? Ибо тотъ, кто неуважаетъ

самыхъ высокихъ и достойныхъ человѣка предметовъ и всѣми способами старается удовлетворять своимъ чувственнымъ желаніямъ, чѣмъ можетъ отличаться отъ безсмысленнѣйшихъ скотовъ? Одни только воздержные могутъ уважать дѣла́ высокія, достойныя человѣка, и, занимаясь ими и въ разговорахъ и выполняя по приличію на опытѣ, могутъ предподчительно избирать доброе и отвращаться дурнаго. Чрезъ это нѣкоторые сдѣлались людьми прекраснѣйшими, счастливѣйшими и сверхъ того весьма способными къ разсужденіямъ о всѣхъ предметахъ. И слово *διαλέγεσθαι* взято отъ совѣщательныхъ собраній, въ коихъ разсуждали о предметахъ по ихъ родамъ и отношеніямъ. И такъ каждый долженъ всячески приготовлять себя къ таковымъ разсужденіямъ и больше всего заниматься ими. Ибо изъ этой-то школы и выходятъ прекрасные люди, самые способные къ начальническимъ должностямъ и весьма искусные въ сужденіяхъ о предметахъ вообще.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Постараюсь объяснить и то, какимъ способомъ Сократъ училъ своихъ слушателей, какъ можно основательнѣе разсуждать о подлежащихъ предметахъ. Онъ думалъ, что знающіе свойства каждаго предмета порознь могутъ объяснять ихъ и другимъ, и по этому не считалъ удивительнымъ, что незнающіе тѣхъ свойствъ и сами ошибочно судятъ о предметахъ и другихъ вводятъ въ такія же ошибки. Почему, разсуждая съ своими слушателями о сущности вещей, никогда неоставлялъ разсужденіе неоконченнымъ. Но объяснить, какъ Сократъ опредѣлялъ каждую вещь, это дѣло особаго труда;

теперь скажу столько, сколько нужно для того, чтобъ видѣть, какой способъ употреблялъ онъ въ своихъ разсужденіяхъ и въ составленіи опредѣленій.

Прежде всего о томъ, какъ онъ разсуждалъ о благочестіи.

Сократъ: Скажи мнѣ, любезный Евѳидимъ: что ты разумѣешъ подъ благочестіемъ?

Евѳидимъ: Самое лучшее.

Сократъ: Кто же называется благочестивымъ?

Евѳидимъ: Мнѣ кажется тотъ, кто почитаетъ боговъ.

Сократъ: Позволено ли почитать боговъ такимъ способомъ, какимъ бы кто самъ вздумалъ?

Евѳидимъ: Ни какъ; а есть законы, согласно коимъ и должно почитать ихъ.

Сократъ: Слѣдовательно знающій эти законы можетъ знать и то, какъ должно почитать боговъ.

Евѳидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: И такъ умѣющій почитать боговъ, вѣрно, сочтетъ себя обязаннымъ дѣлать это такъ, какъ знаетъ.

Евѳидимъ: Безъ сомнѣнія не иначе.

Сократъ: Изъ почитающихъ боговъ есть ли кто такой, который сталъ бы почитать ихъ иначе, нежели какъ считаетъ должнымъ?

Евѳидимъ: Недумаю.

Сократъ: И такъ знающій установленія и порядки религіи можетъ законно почитать и боговъ?

Евоидимъ: Конечно.

Сократъ: А почитающій ихъ по закоиу конечно почитаетъ ихъ, какъ должно?

Евоидимъ: И можно ли иначе?

Сократъ: А почитающій боговъ, какъ должно, благочестивъ?

Евоидимъ: Безъ сомнѣнія.

Сократъ: Слѣдовательно знающій и исполняющій законы касательно чествованія боговъ есть человѣкъ благочестивый. Вотъ и опредѣленіе благочестиваго.

Евоидимъ. И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Можно ли обходиться съ людьми такъ, какъ хочется?

Евѳидимъ: Нѣтъ.

Сократъ: Но знающій и исполняющій касающіеся людей законы, коими опредѣляется, какъ должно обращаться другъ съ другомъ, можетъ быть почтенъ дѣйствующимъ согласно законамъ? Слѣдовотельно обращающіеся другъ съ другомъ согласно тѣмъ законамъ, обращаются межлу собою такъ, какъ должно?

Евѳидимъ: И можно ли иначе?

Сократъ: А обращающіеся съ людьми такъ, какъ должно, хорошо поступаютъ съ ними?

Евѳидимъ: Конечно.

Сократъ: Слѣдовательно хорошо обращающіеся съ людьми хорошо исправляютъ и взаимныя обязанности?

Евѳидимъ: Должно быть такъ.

Сократъ: По этому повинующіеся законамъ справедливо поступаютъ?

Евѳидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: Вѣрно ты знаешъ, что называется справедлпвымъ?

Евѳидимъ: Справедливымъ называется то, что́ повелѣваютъ законы.

Сократъ: Слѣдовательно поступающіе такъ, какъ повелѣваютъ законы, поступаютъ справедливо, по этому поступаютъ такъ, какъ должно?

Евѳидимъ: И неиначе.

Сократъ: По сему справедливо поступающіе справедливы?

Евѳидимъ: Я думаю.

Сократъ: Можешъ ли предполагать, что нѣкоторые повинуются законамъ, а между тѣмъ сами незнаютъ того, что́ повелѣваютъ законы?

Евѳидимъ: Не думаю.

Сократъ: Изъ тѣхъ, кои знаютъ, что́ должно дѣлать, естьли, по твоему мнѣнію, такіе, кои тутъ же думаютъ, что они необязаны дѣлать того?

Евѳидимъ: Не думаю.

Сократъ: Знаешъ ли, что нѣкоторые дѣлаютъ другое, нежели что должно дѣлать, даже по ихъ мнѣнію?

Евѳидимъ: Не знаю.

Сократъ: Слѣдовательно знающіе и исполняющіе законы въ отношеніи къ другимъ людямъ справедливо поступаютъ?

Евоидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: Слѣдовательно справедливо поступающіе справедливы?

Евоидимъ: Какъ же ихъ и назвать иначе?

Сократъ: Слѣдовательно справедливо опредѣлимъ справедливаго такимъ образомъ: справедливымъ называется тотъ, кто знаетъ и исполняетъ законы, относящіеся до человѣка?

Евоидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Что мы назовемъ мудростію? Скажи мнѣ, тѣли называются мудрецами, кои выказываютъ свою мудрость въ истыхъ, окончательныхъ познаніяхъ о вещахъ, или тѣ, кои неимѣютъ таковыхъ познаній?

Евоидимъ: Конечно первые; ибо кто можетъ назваться мудрымъ въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, коихъ онъ незнаетъ ясно?

Сократъ: Слѣдовательно мудрые называются симъ именемъ за ихъ истыя, закончанныя познанія о вещахъ.

Евоидимъ: Въ чемъ же другомъ и будетъ состоять ихъ мудрость, если не въ таковыхъ познаніяхъ?

Сократъ: Или думаешъ, что мудрость есть что нибудь другое, а не то, чрезъ что люди бываютъ и мудрыми?

Евоидимъ: Недумаю.

Сократъ: Слѣдовательно мудрость есть истое, послѣднее познаніе о вещахъ?

Евоидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: По этому человѣкъ можетъ знать всѣ существа?

Евѳидимъ: Мнѣ кажется, онъ неможетъ знать даже малѣйшей части ихъ.

Сократъ: По этому человѣкъ неможетъ быть мудрымъ по отношенію ко всѣмъ предметамъ?

Евѳидимъ: Конечно, не можетъ.

Сократъ: Слѣдовательно всякій, кто имѣетъ послѣднее о чемъ нибудь познаніе, въ отношеніи къ тому и можетъ быть названъ мудрымъ?

Евѳидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Не такъ ли надобно разсматривать и сущность добра?

Евѳидимъ: Какъ?

Сократъ: Думаешъ ли ты, что одно и тоже полезно для всѣхъ?

Евѳидимъ: Нѣтъ.

Сократъ: Какъ же? Полезное одному не можетъ ли быть, по твоему мнѣнію, иногда вредно другому?

Евѳидимъ: И очень.

Сократъ: Но можешъ ли ты назвать добромъ что нибудь кромѣ полезнаго?

Евѳидимъ: Не могу.

Сократъ: Слѣдовательно полезное можетъ почитаться добромъ для того, для кого полезно?

Евѳидимъ: Кажется такъ.

Сократъ: Какъ еще опредѣлимъ прекрасное, красивое, пригожее? Мы говоримъ: красивая наружность, прекрасный сосудъ, что нибудь

пригожее, словомъ подъ этимъ разумѣемъ все, что́ къ чему пригодно.

Евтидимъ: Я не совсѣмъ согласенъ на это.

Сократъ: Слѣдовательно что́ для чего полезно, тѣмъ и можно пользоваться.

Евтидимъ: Конечно.

Сократъ: Но всякая ли вещь можетъ назваться пригодною и для всего другаго, или только для того, что́ можно употребить съ пользою?

Евтидимъ: Нѣтъ.

Сократъ: Слѣдовательно и полезное прекрасно тамъ, гдѣ оно полезно?

Евтидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Евѳидимъ! А храбрость считаешъ ли чѣмъ нибудь хорошимъ?

Евѳидимъ: Это прекрасная вещь.

Сократъ: Не думаешъ ли, что она полезна для самыхъ пустыхъ вещей?

Евѳидимъ: Нѣтъ; она полезна для самыхъ важныхъ дѣлъ.

Сократъ: Въ страшныхъ и опасныхъ случаяхъ можно ли не сознавать этого?

Евѳидимъ: Никакъ.

Сократъ: Слѣдовательно небоящіеся таковыхъ случаевъ потому, что они несознаютъ свойства ихъ, неимѣютъ и храбрости?

Евѳидимъ: Конечно; иначе многихъ сумасшедшихъ и трусовъ мы стали бы считать храбрыми.

Сократъ: Что же будутъ тѣ, кои боятся вовсе нестрашныхъ предметовъ?

Евѳидимъ: Тѣ еще менѣе могутъ считаться храбрыми.

Сократъ: Слѣдовательно только отважныхъ въ страшныхъ и соединенныхъ съ опасностями случаяхъ ты считаешъ храбрыми, а не отваживающихся на это считаешъ трусами?

Евѳидимъ: Конечно такъ.

Сократъ: Думаешъ ли ты, что могутъ быть отважными въ таковыхъ случаяхъ и другіе, кромѣ умѣющихъ хорошо дѣйствовать при нихъ?

Евѳидимъ: Никакъ; но только этѣхъ самыхъ и считаю я храбрыми.

Сократъ: По этому неумѣющихъ хорошо дѣйствовать въ тѣхъ случаяхъ ты считаешъ трусами?

Евѳидимъ: Какъ же иначе?

Сократъ: Но всякій ли поступаетъ такъ, какъ самъ считаетъ должнымъ?

Евѳидимъ Какъ же иначе?

Сократъ: Немогущіе хорошо дѣйствовать въ тѣхъ случаяхъ знаютъ ли, какъ должно дѣйствовать?

Евѳидимъ: Никакъ.

Сократъ: Слѣдовательно знающіе, какъ должно дѣйствовать въ тѣхъ случаяхъ, и сами въ состояніи дѣйствовать такъ?

Евѳидимъ: Да; они только и могутъ такъ дѣйствовать.

Сократъ: Что же? Неошибающіеся въ своихъ дѣйствіяхъ при таковыхъ случаяхъ худо дѣйствуютъ?

Евтидимъ: Недумаю.

Сократъ: А дурно дѣйствующіе ошибаются?

Евтидимъ: Естественно.

Сократъ: Слѣдовательно опредѣляемъ: храбрыми называются тѣ, кои умѣютъ хорошо дѣйствовать въ страшныхъ и соединенныхъ съ опасностями случаяхъ, а ошибочно дѣйствующіе трусы?

Евтидимъ: И мнѣ кажется такъ.

Сократъ: Царскій образъ правленія и тираннія, оба правленія, но очень различны между собою. Въ первомъ люди охотно повинуются своему владыкѣ, и, кромѣ его воли, управляются эаконами; а въ послѣднемъ — самовластиый правитель управляетъ гражданами противъ ихъ воли и не по законамъ; воля его законъ.

Гдѣ власть поручается многимъ лицамъ, дѣйствующимъ по законамъ, тамъ бываетъ: аристократія, составляющаяся изъ аристовъ; плутократія, состоящая изъ богачей, и демократія, составляющаяся изъ разныхъ отдѣловъ гражданъ.

Если бы нѣкто (N.) вздумалъ противорѣчить ему, и, выражаясь не ясно и недоказательно, сталъ бы утверждать, что такой-то или умнѣе, или способнѣе къ гражданскимъ дѣламъ, или болѣе отличается храбростью, или чѣмъ нибудь другимъ; тогда Сократъ возводилъ рѣчь свою къ первымъ началамъ и доходилъ до разсматриваемаго предмета такимъ образомъ:

Сократъ: Ты говоришь, что выхваляемый тобою гражданинъ лучше одобряемаго мною.

N. Да.

Сократъ: Что же? Для дознанія этого ненужно ли намъ напередъ разсмотреть, какія обязанности добраго гражданина?

N. Хорошо, сдѣлаемъ это.

Сократъ: Изъ распоряжающихся общественными доходами не тотъ ли лучшій гражданинъ, который старается еще болѣе обогатить свое отечество?

N. Конечно тотъ.

Сократъ: А во время войны не тотъ ли, который всячески помогаетъ отечеству одержать побѣду надъ врагами?

N. Какъ же иначе?

Сократъ: Находясь въ посольствѣ не тотъ ли, который изъ враговъ дѣлаетъ друзей?

N. Естественно.

Сократъ: А въ собраніяхъ народныхъ не тотъ ли лучшій гражданинъ, кто главно забо-

тится о прекращеніи безпокойствъ и о водвореніи согласія?

N. И мнѣ кажется такъ.

Послѣ таковыхъ въ рѣчи наведеній и для самыхъ противниковъ истина становилась очевидною.

Разговаривая о спорныхъ предметахъ Сократъ всегда начиналъ и подкрѣплялъ рѣчь свою общеизвѣстными истинами, что́ и дѣлало ее несомнѣнною. Такимъ образомъ разсуждая о чемъ нибудь, онъ скорѣе другихъ извѣстныхъ мыслителей получалъ полное согласіе слушателей на свои слова. Онъ говаривалъ, что и Гомеръ называлъ Одиссея осторожнымъ ораторомъ за то, что онъ умѣлъ подтверждать свои слова понятными для всѣхъ доказательствами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Мнѣ кажется, изъ сказаннаго видно, какъ просто Сократъ выражалъ свои мысли и въ бесѣдахъ съ своими слушателями. Теперь еще объясню, какъ онъ пріучалъ своихъ слушателей пріобрѣтать только въ достаточной мѣрѣ свѣдѣнія, нужныя для частной каждаго жизни. Ибо изъ извѣстныхъ мнѣ лицъ онъ больше всѣхъ заботился дознавать, кто изъ учениковъ его преимущественно къ какимъ познаніямъ способенъ. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ училъ всему тому, что́ считалъ приличнымъ знать каждому честному и доброму человѣку и что́ самъ хорошо зналъ, а для узнанія того,

въ чемъ самъ былъ не очень свѣдущъ, посылалъ своихъ слушателей къ другимъ.

По этому онъ училъ и тому, въ какой мѣрѣ благовоспитанный человѣкъ долженъ быть свѣдущъ по каждому предмету. Напр. геометріи надобно учиться до тѣхъ поръ, какъ въ случаѣ нужды, будешъ умѣть, по правиламъ этой науки, или принять землю, или передать, или раздѣлить ее, или произвести какую нибудь работу по геометрическимъ измѣреніямъ; и этому такъ легко научиться, что внимательно занимающійся измѣреніями, вмѣстѣ съ этимъ узнаетъ, сколь велика земля и, узнавъ способъ измѣренія, можетъ и оставить эту науку. При изученіи геометріи онъ несовѣтовалъ доходить до рѣшенія трудныхъ задачъ, потому что невидѣлъ, какую пользу онѣ могутъ доставлять человѣку, хотя самъ небылъ несвѣдущъ и въ этомъ; таковыя занятія, говорилъ онъ, могутъ потребить всю нашу жизнь и отвлечь насъ отъ

занятія многими другими, болѣе полезными науками.

Совѣтовалъ знакомиться и съ астрономіей, впрочемъ столько, сколько нужно для того, чтобъ умѣть узнавать, который часъ ночи, чтобъ умѣть узнавать времена мѣсяцовъ и годовъ, какъ для путешествій, такъ и для плаванія по морямъ и для держанія карауловъ, и чтобъ знать то, что́ дѣлается въ какую ночь, въ какой мѣсяцъ и годъ, и еще чтобъ умѣть замѣчать извѣстныя примѣты случающихся перемѣнъ времени. Впрочемъ этому легко научиться и отъ охотящихся ночью за звѣрями, и отъ кормчихъ, и отъ другихъ, кто занимается сими предметами по обязанности. А изучать астрономію столько, чтобъ узнать и небесныя тѣла, имѣющія не одинаковое съ землею круговращеніе, и планеты и блудящія звѣзды, ихъ разстояніе отъ земли, ихъ періодическія круговращенія и терять время на изслѣдованіе причинъ этого, крѣпко отсовѣтывалъ. Ибо, гово-

рилъ онъ, и въ этомъ невидитъ никакой пользы для четовѣка, хотя самъ былъ довольно знакомъ и съ астрономіею; при чемъ повторялъ, что эті занятія могутъ потребить жизнь нашу и отвлечь отъ другихъ полезнѣйшихъ наукъ.

И вообще Сократъ не совѣтовалъ излишне любопытствовать о небесныхъ предметахъ, и о томъ, какимъ образомъ Богъ создалъ каждый предметъ. Онъ думалъ, что человѣкъ неможетъ дойдти до этого, и что богамъ непріятно, когда люди дѣлаютъ изслѣдованія о томъ, что́ неугодно было и богамъ открыть людямъ. Съ излишнею заботливостью изслѣдывающій сіи предметы бываетъ въ опасности даже дойдти до такого же безумія, въ какое впалъ Анаксагоръ, который чрезвычайно гордился тѣмъ, когда высказывалъ свои мысли о образѣ сотворенія міра. Онъ, предполагая, что огонь и солнце одно и тоже, забылъ, что люди спокойно могутъ смотреть на огонь, а въ лицо

солнцу гдядѣть не могутъ, что находящіеся на солнечномъ зноѣ дѣлаются черными, чего отъ огня небываетъ; что земныя произрастенія бсзъ солнечной теплоты немогутъ ни рости, ни созрѣвать, тогда какъ онѣ, подвергшись дѣйствію огня, вовсе пропадаютъ; называя солнце огненнымъ камнемъ, забылъ, что камень въ огнѣ не свѣтитъ и неможетъ противиться ему чрезъ долгое время, между тѣмъ солнце свѣтитъ во всякое время свѣтлѣе всего и всегда остается въ одинаковомъ положеніи.

Сократъ совѣтовалъ изучать и науку счетоводства, но и въ ней, какъ и въ другихъ наукахъ, совѣтовалъ воздерживаться отъ излишней пытливости; самъ занимался этой наукой столько, сколько считалъ нужнымъ для своихъ цѣлей; столько же проходилъ ее и съ своими учениками.

Въ особенности же, убѣждалъ своихъ уче. никовъ заботиться о своемъ здоровьѣ; нужное

для этого узнавать отъ людей опытныхъ, во всю свою жизнь наблюдать за собою въ отношеніи къ здоровью и обращать особенное вниманіе на то, какая пища, какое питье или какіе труды могутъ быть полезны каждому изъ нихъ, и какимъ образомъ, умѣренно употребляя пищу и питье, могутъ во всю жизнь наслаждаться отличнымъ здоровьемъ. Ибо, говорилъ онъ, кто будетъ такъ наблюдать за самимъ собою, тому ненужно будетъ пріискивать для себя врача, который лучше бы его самаго могъ знать, что́ полезно для его здоровья.

А кто хотѣлъ обладать сверх-естественными познаніями, тому совѣтовалъ заниматься оракульскимъ искуствомъ. Ибо знающій, какими знаменіямн боги открываютъ людямъ будущее, и въ своихъ обстоятельствахъ не лишится ихъ совѣтовъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Сократъ увѣрялъ, что духъ извѣстными знаками открываетъ ему, что́ должно дѣлать и чего избѣгать, и за это между прочимъ онъ осужденъ на смерть! Если кто хотѣлъ обличать его въ томъ, что онъ лгалъ на своего духа, тотъ первѣе всего долженъ былъ принимать въ соображеніе то, что Сократъ тогда былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, такъ что если не тог. да же, то въ скоромъ времени долженъ былъ окончить жизнь, и еще совѣтовалъ принимать въ соображеніи и то, что онъ оставляетъ позади себя самый незавидный отдѣлъ жизни, въ которомъ всѣ уменьшаются даже въ умѣ. За

то онъ доказалъ силу своей души, пріобрѣлъ отъ всѣхъ славу, объяснивъ предъ судьями свое дѣло истѣе, свободнѣе и справедливѣе всѣхъ, и осужденіе на смерть выслушалъ спокойно и равнодушно. И всѣ согласны въ томъ, что никто изъ извѣстныхъ намъ людей неумеръ славнѣе Сократа.

Со времени осужденія онъ принужденъ былъ жить еще тридцать дней до смерти, потому что въ наступившій тогда мѣсяцъ совершались Делоскія празднества, а законъ непозволялъ предавать публичной смерти даже кого нибудь прежде возвращенія священнаго посольства изъ Делоса. Во все это время всѣмъ близкимъ къ нему извѣстно было, что онъ ни сколько неизмѣнилъ прежняго своего образа жизни. И онъ заслужилъ бо́льшее удивленіе, чѣмъ всѣ жившіе прежде него за то, что остальное время жизни провелъ совершенно покойно, даже въ веселомъ расположеніи духа. И кто могъ уме реть честнѣе его? Или чья смерть могла быть

лучше самой лучшей смерти другихъ? И какая смерть можетъ быть счастливѣе смерти честной, или какая смерть угоднѣе богамъ счастливѣйшей смерти Сократа?

Еще раскажу, что́ я слышалъ о Сократѣ отъ Гермогена, сына Гипоникова. Сократъ, когда уже былъ обвиненъ Мелитомъ, съ удовольствіемъ разговаривалъ о всемъ, кромѣ своего дѣла.

Гермогенъ: Сократъ! Время подумать о томъ, какъ бы оправдаться тебѣ предъ судьями.

Сократъ: Или тебѣ кажется малымъ для моего оправданія то, когда размышляю, что я уже прожилъ свою жизнь, какъ слѣдуетъ?

Гермогенъ: Какимъ же это образомъ?

Сократъ: Такимъ, что я во всю мою жизнь дѣлалъ только дѣла́ справедливости и удалялся отъ всего несправедливаго. Этотъ образъ жизни можетъ служить для меня наилучшимъ оправданіемъ.

Гермогенъ: Почтенный Сократъ! Или ты незнаешъ, что Аѳинскіе судьи, бывъ оскорб-

лены какими нибудь ничтожными словами, осудили на смерть многихъ, вовсе невинныхъ, и самовольно освободили изъ подъ суда многихъ преступниковъ?

Сократъ: Ахъ, Гермогенъ! И я хотѣлъ было позаботиться объ оправданіи себя предъ судьями, но боги не соизволили на это.

Гермогенъ: Ты говоришъ чудныя вещи.

Сократъ: Ты удивляешся тому, что боги сочли за лучшее, чтобъ я нынѣ окончилъ жизнь мою? Вѣрно, ты незнаешъ, что до сего времени я неслыхалъ ни объ одномъ человѣкѣ, который жилъ бы лучше и веселѣе меня? И по моему мнѣнію, прекрасно живутъ тѣ, которые больше всего стараются сдѣлаться добродѣтельными, а тѣ, которые чувствуютъ, что они уже сдѣлались таковыми, проводятъ жизнь самую пріятнѣйшую. До настоящаго времени я замѣчалъ все это и за самимъ собою. Встрѣчаясь съ другими людьми и сравнивая себя съ ними, я всегда могъ такъ заключать о себѣ

самомъ. Не только я самъ, но и друзья мои постоянно имѣли обо мнѣ таковыя мысли, и не-потому, что они любятъ меня (такъ какъ любящіе другихъ обыкновенно бываютъ такъ расположены къ друзьямъ своимъ), но потому, что и сами, слушая меня, дѣлались добродѣтельнѣе. Но если поживу подольше, можетъ быть, по необходимости испытаю непріятности, буду слабѣе и видѣть, и слышать, и мыслить, буду малопонятиѣе и забывчивѣе, и въ чемъ былъ прежде очень хорошъ, въ томъ буду очень дуренъ. Если же бы я оказался нечувствительнымъ ко всѣмъ этѣмъ непріятностямъ; тогда и жизнь моя не стала бы походить на жизнь; а чувствуя это, по необходимости буду вести жизнь очень незавидную и очень непріятную.

Пусть я невинно буду преданъ смерти; за то покроются стыдомъ незаконно умертвившіе меня. Если небольшая обида уже постыдное дѣло; то нестыдно ли дѣлать что нибудь не-

справедливое? А мнѣ будетъ ли стыдно за то, что другіе нехотѣли имѣть вѣрныхъ о мнѣ свѣдѣній и нехотѣли справедливо поступить со мной? Я вижу, что и жившія въ прежнія времена лица, причинившія обиды и невинно потерпѣвшія наказаніе, составили о себѣ у потомковъ неодинаковые отзывы. Знаю, что, когда нынѣ казнятъ меня, народъ окажетъ ко мнѣ бо́льшую любовь, чѣмъ къ моимъ убійцамъ; я увѣренъ, что о мнѣ всегда будутъ свидѣтельствовать, что я никогда не обижалъ и не развращалъ никого и что всегда старался сдѣлать учениковъ моихъ добродѣтельнѣйшими. Такъ онъ бесѣдовалъ съ Гермогеномъ и другими.

Любители добродѣтели, знавшіе Сократа, каковъ онъ былъ, и теперь еще всѣ расположены къ нему отличною любовію за то, что онъ лучше всѣхъ умѣлъ пріучать къ добродѣтели. А что касается до меня, онъ дѣйствнтельно былъ таковъ, каковымъ я представилъ его, именно: столько благочестивъ, что безъ воли

боговъ недѣлалъ ничего, столько справедливъ что никому непричинилъ нималѣйшаго вреда, а напротивъ обращавщимся съ нимъ старался только приносить пользу; столько воздержевъ, что никогда не предпочиталъ пріятнаго доброму, столько разсудителевъ, что никогда непогрѣшалъ въ различеніи добра отъ зла и ненуждался для этого въ пособіи другихъ, но самъ удовлетворительно судилъ объ этомъ, особенно способенъ былъ на словахъ выражать свои мысли и опредѣлять предметы, умѣлъ испытывать другихъ, обличать заблуждающихся и направлять къ добродѣтели и вообще ко всему прекрасному и доброму. Таковъ былъ Сократъ, этотъ отличнѣйшій по всѣмъ отношеніямъ и счастливѣйшій изъ смертныхъ. Кто не согласенъ съ этимъ отзывомъ; тотъ пусть сравнитъ его съ другими личностями, и потомъ произноситъ судъ о немъ.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	строк.	напечано	читать
28.	4.	предоставляется	представляется
73.	2.	проноситъ	приноситъ
84.	6.	резвѣ	развѣ
126.	19.	эружбѣ	дружбѣ
171.	2.	работетъ	работаетъ
189.	2.	Дуузья	Друзья
196.	18.	ого	того

2 de

1563

3

2 руб

20к.